

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 2 (15) 2015

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 2 (15) 2015

Редакционный совет

- Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
Р. Лозей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, phd Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
Д. Эрдэнэбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.irk.ru/>

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

©Иркутский национальный исследовательский
технический университет, 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT
TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 2 (15) 2015

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2015

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 2 (15) 2015

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)
D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, phd, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© Irkutsk National Research
Technical University, 2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 2 (15) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА

Тетенькин А.В. На пути к теории культурной трансляции 9

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Шараборин А.К. Раннепалеолитическое местонахождение Чингалах на Средней Лене (Якутия): технико-морфологический анализ 62

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Ушницкий В.В. Туматский компонент в этногенезе саха: археологические, фольклорные и письменные свидетельства 75

ИСТОРИЯ

Гусева О.В. Формы и методы работы организаций Российского общества Красного Креста Томской губернии в период Первой мировой войны 79

Кунгурова М.Ю. Вклад военнопленных в культурное развитие г. Омска в годы Первой мировой войны 86

Ситников М.Г., Ладыгин И.В. Краткая история 17-й Сибирской отдельной стрелковой бригады 90

Шекшеев А.П. Революционная власть на юге Енисейской губернии (март – июнь 1917 г.) 97

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.В. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 2 (15) 2015

CONTENTS

THEORY AND METHODS

Tetenkin A.V. In Pursuit of the Theory of Cultural Transmission..... 9

PALEOECOLOGY. STONE AGE

Sharaborin A.K. Early Paleolithic Site Chindalakh on Middle Lena River:
Technical-Morphological Approach..... 62

PALEOMETALL AGE

Ushnitsky V.V. Tumat's Component in the Ethnogenesis of Sakha:
Archaeological, Folklore and Written Evidencies..... 75

HISTORY

Guseva O.V. Forms and Methods of Working of the Organizations of Russian Red Cross
in Tomsk Guberniya During the Wourld War I..... 79

Kungurova M. Yu. Impact of the Prisoners of War to the Culture of Omsk
During the Wourld War I..... 86

Sitnikov M.G. Ladygin I.V. A Brief History of 17th Siberian Independent Rifle Brigade..... 90

Sheksheev A.P. Revolutionary Power in the South of the Yenisei Province
(March – June 1917)..... 97

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 2 (15) 2015

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 2 (15) 2015

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

УДК 902

НА ПУТИ К ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

© А.В. Тетенькин

Статья посвящена проблеме изучения трансляции продуктов культуры. Автор анализирует разработки теории культурной трансмиссии Л.С. Клейна и ряда западных археологов и предпринимает собственные исследования, посвященные семиотической природе типов артефактов, культурным механизмам трансляции типов, артефактов и людей, цикличности развития типов и археологической прагматике таких разработок.

Ключевые слова: артефакт, тип, знак, трансляция типа, культура.

IN PURSUIT OF THE THEORY OF CULTURAL TRANSMISSION

© A.V. Tetenkin

The article is devoted to a problem of research of cultural products transmission. Author analyses works on a theory of cultural transmission made by Russian scholar L.S. Klein and some Western archaeologists and then makes some own efforts on studying a semiotic nature of the types of artifacts, cultural mechanisms of the transmission of types, artifacts and people as well as circles of the development of types and discusses archaeological pragmatic of such researches.

Key words: artifact, type, sign, translation of type, culture.

Введение

Тридцать лет научной деятельности иркутских археологов в Байкало-Патомском нагорье (1985–2015 гг.) привели к представлению археологии эпохи перехода от плейстоцена к голоцену как состоящей из трех типов ансамблей, имеющих отчетливо выраженный облик, сосуществующих на одной, небольшой территории несколько тысяч лет (Аксенов и др., 2000; Инешин, Тетенькин, 2005, 2010; Тетенькин, 2010, 2011, 2013, 2014). Работы последних лет, хотя и выявили единичное присутствие черт одних типов ансамблей в других, не отменили вывода о технико-типологической специфике последних, наоборот, наполнили выделенные ряды новыми данными. Задача объяснения этой культурной вариативности не имеет немедленного ответа и существует как научная проблема, пути решения которой должны быть обоюдными – и теоретическими, и практическими. В археологии каменного века Северо-Восточной Азии и Северной Америки есть немало примеров обращения к проблеме причин существования в одном

регионе двух и более отчетливо выраженных типов ансамблей (Абрамова, 1979а, 1979б; Акимова, 2011; Деревянко, Шуньков, 2005; Медведев, 1971; Ташак, 2000, 2005; Тетенькин, 2012; Шевкомуд, Яншина, 2010; Goebel, Buivit, 2001). Анализ опыта разработки этой темы в различных ситуациях является необходимым условием развития наших представлений, однако не означает того, что проблема культурной вариативности (ПКВ) должна иметь единообразное объяснение. Теоретический путь разработки ПКВ лежит, как минимум, через ответ на вопрос: каковы механизмы процессов, результатом которых являются присутствие, сочетание, выпадение типов вещей в ансамблях, а за ними технологий, тактик деятельности? И далее: **каковы в принципе механизмы культуры, работающие в этом типе ситуаций?**

Для археологов традиционной парой научных задач являются ответы на вопросы «какие типы артефактов и комбинации типов характеризуют исследуемые комплексы?» и «каковы функции найденных артефактов и осуществленные на данном месте социальные процессы?» Со времени вы-

ходки студента, выбившего из рук профессора-таксономиста и растоптавшего кусок керамики (Johnson, 2002, p. 21–22), спора Л. Бинфорда с Ф. Бордом по поводу причин variability мустьерских фаций Франции (Binford, 1983, p. 77–94), второе направление получило большее развитие в рамках выросшей Новой Археологии. Фокус познания на процессах функционирования вещей в системах культурной адаптации людей к окружающей природной и социальной среде – «процессуальный подход», на наш взгляд, в археологии имеет теоретические преимущества над подходом культурно-типологическим (Тетенькин, 2003б).

Абстрактно рассуждая, мы полагаем, что в основе обоих случаев стоят два типа идеальных представлений, или иначе, два типа идеальных объектов археологии. Культурно-типологическое представление мы связываем через биологический таксономизм и схоластический номинализм с платоновской связью мира вещей с миром идей. В основе археологического понимания лежит тезис об артефактах как о продуктах, производных от идеальных образов-типов: «объективации культурных идей в материальной культуре и есть смысл считать культурными типами, подлежащими выявлению» (Клейн, 1993, с. 6). Соответственно, каждая морфологически устойчивая – серийная – группа вещей имеет своего представителя в культуре – тип. Задача археолога и состоит в выявлении наборов типов для каждого исследуемого ансамбля, хроносреза, района. Она сродни палеонтологической характеристике различных геологических страт определенными фаунистическими и ботаническими видовыми комплексами. Однако раскрытие сути отношений друг к другу артефактов разных видов внутри одного комплекса данными культурно-типологическими представлениями не предусмотрено. И они выходят за его рамки, попадая в поле процессуального способа изображения объекта археологического исследования (ОАИ). В этом случае ОАИ понимается как результат действия различных – естественных и социальных, формационных и деформационных процессов, среди которых ведущая роль принад-

лежит древней социально организованной человеческой деятельности. Она направлена на жизнеобеспечение социума и имеет характер потребления ресурсов, производства материальной культуры как необходимой искусственной среды существования. Потребление природных ресурсов коллективом и производство материальной культуры есть своего рода обмен веществ, характер которого выражается в адаптации себя / к себе окружающей среды, являющийся условием развития и воспроизводства процесса жизнедеятельности общества.

Отходы этого процесса переработки ресурсов и целевые продукты этой деятельности, большей частью уже отработанные и амортизированные, оставленные человеком в организованном им пространстве, образуют исходный культурный слой, судьба которого далее уже зависит от естественных седиментационных, постдепозиционных, а затем и техногенных процессов (Клейн, 1978; Butzer, 1985; Schiffer, 1987; Инешин, Тетенькин, 2003). В этом способе изображения ОАИ каждый артефакт функционально связан с другими именно своей ролью в общей для всех системе жизнеобеспечения.

Сам способ изображения ОАИ как результата или состояния некоего процесса позволяет представить динамику его формирования в ходе развития процессов деятельности. Работая в рамках системодетальностного подхода (Инешин, Тетенькин, 2003, 2010), мы ввели, например, в качестве методологического инструментария в нашем исследовании древних процессов деятельности схему акта деятельности Г.П. Щедровицкого (Щедровицкий, 1995, с. 241–245), дополнив уже имеющиеся позиции – *индивида-актора, цели, знаний, исходного материала, орудия, продукта* – позицией *отходов*, формулированием оппозиций позитивного vs негативного, пассивного vs активного функционирования артефактов (Инешин, Тетенькин, 1995, 1998, 2010). Мы ввели схему Г.П. Щедровицкого кооперации актов деятельности как механизма развития деятельностных процессов, задав, таким образом, способ изображения динамики развития артефактообразующих процессов деятельности. Мы рассматрива-

ли в системе деятельности вещественную и пространственную позиции артефакта (позицию в структуре искусственного пространства). Мы разрабатывали представления ОАИ на различных уровнях организации: а) производства единичных артефактов; б) сфер и процессов деятельности, осуществленных здесь и сформировавших *деятельностную ситуацию*; в) циклических годовичных процессов жизнеобеспечения, звеном которых являлась данная стоянка.

Для чего нам это надо? Во-первых, мы исходим из собственных представлений о научности (Тетенькин, 2003а, 2003b). Мы задаем контуры и обозначаем пределы нашего будущего знания, формулируем идеальный объект (ИО) как схему организации наших частных результатов. Исследователи, подходя к объекту, во всяком случае, уже имеют (и должны иметь) определенный круг вопросов, который они будут задавать и на которые хотят получить ответы. Эти вопросы суть производные от тех общих, идеальных представлений, которые сидят в наших головах. Так вот, задача состоит в рефлексии, формулировании и предъявлении их как рабочей схемы идеального объекта. Во-вторых, мы не можем и не должны прямо примеривать наши конкретные, отдельные эмпирические данные под готовые, предложенные уже типы деятельностных ситуаций, таких, например, как различные бинфордские модели стоянок нунамиутов и алиавара (Binford, 1983, 1989). Мы должны **сначала построить собственную знаниевую конструкцию стоянки как деятельностной ситуации**, а затем уже привлекать аналоговые модели для функционального определения нашего случая. И в-третьих, ОАИ представлен в неизвестной степени редуцированным набором культурных остатков. Процессы его формирования нами не наблюдаемы. Следовательно, отдельные данные нашего исследования могут быть организованы в совокупное знание по вводимым теоретическим (онтологическим) схемам. Знания будут иметь двухслойный характер: схема (1) – данные (2). Наша археологическая специфика познания такова, что все задаваемые схемой позиции (условно говоря, ячейки) исчерпывающим образом

конкретными данными не будут заполнены никогда.

Процессуальный подход как способ изображения ОАИ имеет ряд очевидных преимуществ перед культурно-типологическим подходом. Он позволяет реконструировать динамику формирования культурного слоя (стоянки), выявлять функциональную взаимосвязь артефактов, чего мы не можем делать, оставаясь в рамках культурно-типологических представлений. В них, повторимся еще раз, возможность выявления отношений артефактов друг к другу не задана, и типы статичны. Мы видим, что по характеру обусловленности / случайности набора вещей материальной культуры, динамики развития / статичности эти онтологически разные *процессуальный* и *культурно-типологический* подходы противостоят друг другу (Тетенькин, 2003).

Теперь настало время задаться вопросом, а можем ли мы ассимилировать культурно-типологическую парадигму, имея на вооружении процессуальную методологию? Иными словами, возможно ли изображение типов артефактов как результатов развития определенных культурных процессов и их механизмов? В этом случае мы избежали бы недостатков-пределов культурно-типологического подхода, развили бы теоретические представления культурной природы ископаемых материальных остатков. Теоретическая основа научной деятельности, а именно принципиальная прорисовка идеального объекта, задаст легитимность конкретной работы с эмпирическим материалом в искомом направлении. Мы рассматриваем это как условие научности исследования.

В содержательном смысле задача эта выходит за рамки частных археологических исследований. Она имеет метаархеологический теоретический характер. Опорой в развитии теоретического мышления в избранном направлении должен быть имеющийся в науке задел.

1. Концепция конвенционализма Клейна

Наиболее глубоко и последовательно теоретические представления о типах и их

культурных механизмах в российской и советской археологии развиты в работах выдающегося археолога-теоретика Л.С. Клейна (Клейн, 1978, 1981, 1991, 1993; 2011а, 2011б). На наш взгляд, среди его трудов, веками обозначивших теоретическое научное наследие, в данном аспекте культурной типологии следует выделить работы «Археологические источники» (1978), «Археологическая типология» (1991), а также «Всемирная история археологической мысли» (2011а, 2011б). В последнем труде сам автор подвел итог своих теоретических изысканий на мировом научном фоне, очертив наиболее ценные с его точки зрения собственные идеи.

В работах Л.С. Клейна типологический подход получил наиболее рафинированное содержание. Отмечая бедность триады «тип – артефакт – признак», он ввел обширный терминологический аппарат (Клейн, 1991, 1993). По сути, чрезвычайно активные усилия ученого были направлены на разработку типологии как научного предмета. Л.С. Клейн видел задачу в синтетическом характере теоретического конструирования – построения центральной теории археологии, который снимал бы антитезу миграционизма vs трансмиссионизма, равно как и автохтонизма vs диффузионизма.

Свои культурологические разработки сам автор обозначил как «секвениционизм» (Клейн, 2011б, с. 464–467). Понятие «секвенция» в них является центральным, под ним Л.С. Клейн понимает последовательность культур. Он разделяет колонные и трассовые секвенции. *Колонные секвенции* суть локальные хроно-стратиграфические последовательности археологических культур, эмпирически устанавливаемые исследователями для каждого региона. *Трассовые секвенции* являются растянутыми во времени и пространстве процессами развития культур. По сути, Л.С. Клейн, выражаясь в нашей терминологии, ставит перед собой задачу процессуального изображения культурных механизмов как возможных причин тех изменений, что наблюдаемы в археологических источниках. Культура рассматривается как пучок традиций, а традиции представлены как линии (мы бы сказали, процессы), имеющие свои собствен-

ные корни и траектории развития. При этом культура, в основном, понимается так, что составляющие ее традиции образуют устойчивую во времени и пространстве совокупность – ко-традицию. Вот, собственно, ко-традиция и образует трассовую секвенцию.

В поисках источников изменений в культуре Л.С. Клейн прибег к теории информации (Клейн, 1981). В частности, он представил культуру как систему коммуникации и передаваемый в коммуникативных актах от поколения к поколению объем информации. В этой постановке причины изменений в культуре исследователь увидел как результат нарушений в системе коммуникаций. Обсуждать эти нарушения стало возможно, выделив такие аспекты стабильности и нарушений, как размеры социальных организмов, наличие интенсивных контактов между поколениями, емкость и пропускная способность каналов связи, частота повторяемости сообщения, связность потока информации, функциональная взаимозависимость элементов культуры, организованность (жесткость, сложность) информационной системы.

Возможные причины нарушений передаваемого сообщения Л.С. Клейн искал в информационных сетях: разрывы контактов, узость каналов связи, недостаточная повторяемость сообщения, занижение минимального, с точки зрения информационного воспроизводства, порога размера социального организма и др. Каналы связи – это очаги энкультурации и социализации личности: семья, школа, двор, армия, литература и др. (Клейн, 2011, с.466). Они совпадают с субкультурами (Клейн, 1981, с. 21). Резервуары памяти связаны с фольклористикой и письменными традициями (Клейн, 1981, с. 21).

По признанию Л.С. Клейна, обстоятельства не позволили ему представить свои идеи в развернутом виде. Работа осталась невостребованной, хотя и воспринимается автором как одна из наиболее интересных в собственном творчестве (Клейн, 1981; 2011б, с. 467).

Теория культурной трансмиссии Кавалли-Сфорца – Филдмана и Бойда – Ричерсона

Текущие западные работы по проблеме изучения в археологии культурных механизмов основываются на теоретических разработках Л.Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981) и Р. Бойда и П. Ричерсона (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005; Eerkins and Lipo, 2007). Это направление существует под названием «культурная трансмиссия». Пожалуй, можно сказать, что оно теоретически обособилось или выкристаллизовалось сравнительно недавно. Хотя первые ростки понимания, что есть культурная трансмиссия, обнаружены уже у археологов-диффузионистов начала XX века (Eerkins and Lipo, 2007), еще в 1980-х годах ряд ученых, обзревая существующий теоретический небосклон, заключил, что стройной и целостной теории культурной трансмиссии еще нет. Но она нужна (Funnell and Smith, 1981; Gearing, 1984). Ситуация изменилась в корне после выхода цитированных выше работ Л.Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана, Р. Бойда и П. Ричерсона. В целом, их можно охарактеризовать как направленные усилия, нацеленные на понимание природы (т. е. причин, условий, процессов, механизмов) передачи информации в социуме, в культуре социума. Собственно, термин «transmission» и обозначает эту передачу.

Исследования в области культурной трансмиссии многими археологами оцениваются как одно из самостоятельных и перспективных направлений в археологии (Bettinger, 1993; Shennan, 1996).

Решающее влияние на формирование направления культурной трансмиссии сыграл дарвиновский эволюционизм и эволюционная генетика. Культурная трансмиссия изначально стала пониматься как нечто родственное генной трансмиссии: «мы приобретаем поведение других индивидов подобно тому, как мы получаем наши гены от наших родителей (Boyd and Richerson, 2005, p. 258). Гены и культурная информация являются разновидностями информации в целом (Eerkins and Lipo, 2007, p. 245). В обоих случаях генной и культурной

трансмиссии имеет место межпоколенная передача. Идеи в культуре подвержены такому фундаментальному дарвиновскому фильтру как естественный отбор (Durham, 1992, p. 343; Richerson and Boyd, 2005, p. 68). «Большинство антропологов, экономистов, социологов или политологов разделяет общую принципиальную позицию: индивиды делают выбор между альтернативными видами поведения, проводя анализ затрат и выгод, используя информацию, имеющую отношение к платежу» (Heinrich, 2001).

Признавая родство обоих видов трансмиссии, генетической и культурной, цитируемые авторы понимали и существующее своеобразие последней. «Культурная трансмиссия отличается от генетической трансмиссии, потому что включает наследование приобретенного варианта. ... Эффект случайных ошибок является культурным аналогом мутации» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). «Поведение может быть передано культурно быстрее, чем генетически. Это позволяет индивидам более быстро отвечать на изменения окружающей среды» (Eerkins, Lipo, 2007, p. 243). «Культурная селекция параллельна естественной селекции, но действует благодаря выбранному предпочтению, а не преимуществу выживания или репродуктивного воспроизводства» (Durham, 1992, p. 344–345).

В случае генетической трансмиссии (ГТ) вопрос пасуемого вещества был ясен: единицами (юнитами) ГТ являются сами гены. Напротив, в культурной трансмиссии тербовалось еще нащупать, найти тот материал, который, собственно, и по аналогии с трансмиссией генов должен быть совокупностью атомарных единиц, из которых складывается все культурное наследие. И эти единицы должны подобно генам обладать некими качествами устойчивости, информативности, способности вступать в комбинации. Большое влияние на все последующие разработки КТ оказали взгляды английского популяризатора современной биологии, дарвиниста и атеиста Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (Dawkins, 1989 (1976)), «Расширенный фенотип» (Dawkins, 1982). Он – автор концепции мемов – единиц культурной информации. Мемы спо-

собны расщепляться, комбинироваться, образовывать устойчивые ассоциации – мемплексы. Они являются репликаторами, т. е. способны воспроизводить самих себя и в этой основной своей функции они достаточно плодовиты, постоянны и выносливы (Dawkins, 1982; Boyd and Richerson, 2005). Такие мемы-репликаторы, как убеждения и идеи, могут быть копированы с одних мозгов на другие, распространяться в популяции, контролируя поведение людей (Boyd and Richerson, 2005, p. 429). Критикуемым местом в этой концепции стало представление о мемах как об аналогах генов. Оно закрывало путь очевидным переменам в культуре, имеющим скорый фенотипический характер.

Хотя у авторов концепции культургена Ч. Ламсдена и Э. Вильсона, одних из предтеч нынешней теории культурной трансмиссии (Lumsden, Wilson, 1981), существовало «широкое» понимание культуры как суммы ментальных конструкций, поведения и артефактов, в конце концов, во взглядах Кавалли-Сфорца, Филдмана, Бойда, Ричерсона и их последователей возобладало представление культуры как информации, или информационной системы: «...мы определили культуру как информацию, влияющую на фенотип, принимаемую людьми через имитацию или обучение» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). «Мы определяем культуру как информацию – навыки, отношения, верования и ценности, обуславливающие человеческое преподавание, которое они усваивают через обучение, имитацию и другие формы специального обучения» (Boyd and Richerson, 2005, p. 105). Информация и есть те самые искомые единицы культурного материала. Как и каждая система, система культуры пасует информацию, используя собственные различные способы кодирования (Eerkins and Lipo, 2007, p. 246). Трудность в представлении информации состоит в отсутствии фиксированного осязаемого объекта для культурной трансмиссии: «физические формы культурной информации являются в разных масштабах и постоянно изменяются. Не существует пределов в типах физических образований, которые несут информацию (Eerkins and Lipo, 2005, p. 318).

«Единицы трансмиссии идеальны и прямо не наблюдаемы, они состоят из информации и концептуально аналогичны «рецептам» поведения, артефактов и идей» (Lyman and Bryan, 2003; Eerkins and Lipo, 2005, p. 318). На наш взгляд, не последнюю роль в формировании такого представления сыграло и в значительной степени традиционное для археологии нормативное определение культуры как набора разделяемых идей (Johnson 1999, p. 65).

Культурная трансмиссия Кавалли-Сфорца и Филдмана

В 1981 г. вышла книга Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана «Культурная трансмиссия и эволюция: количественный подход» (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981). В 1982 г. в журнале «Science» опубликована их же статья «Теория и наблюдение культурной трансмиссии» (КТ) (Cavalli-Sforza et al., 1982). В них развернуто была представлена концепция КТ. Авторы сформулировали культурную трансмиссию как приобретение одним индивидом черт другого. Процесс трансмиссии осуществляется в две стадии: а) понимание; б) восприятие или обучение (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981, p. 62).

Четыре критерия, важных для классификации трансмиссии, выделили Кавалли-Сфорца и Филдман (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981, p. 61):

1) связь учителя и ученика; 2) возрастная разница; 3) количественное отношение между учителями и учениками; 4) сложность общества. Связь учителя и ученика может быть либо родительской, либо является отношениями вхождения в одну родственную или социальную группу, либо отсутствует. Возрастная разница формирует *вертикальную трансмиссию* между разными поколениями родственников, прежде всего, от родителей к детям. *Облик-трансмиссия* (oblique transmission) – от представителя старшего поколения младшему при условии отсутствия родственной связи. *Горизонтальная трансмиссия* представляет собой коммуникацию между представителями одного поколения, условно говоря, сверстниками. Количественное отношение выражается в соотношениях:

1 учитель – 1 ученик, 1 учитель – много учеников, много учителей – 1 ученик, много учителей – много учеников (все сверстники, например). Эти количественные варианты КТ – ключевые в концепции Кавалли-Сфорца и соавторов. Из них выведены такие модели культурной трансмиссии как родительская КТ – ребенку, КТ социально близкой группы – ребенку, КТ учителя (и масс-медиа) ученикам, горизонтальная КТ между индивидами-ровесниками. Четвертый критерий сложности общества лишь констатирует комплексный характер одновременного действия разных типов КТ.

Был высказан ряд характерных особенностей, присущих этим моделям-типам. Трансмиссии от родителей к детям и от многих к одному наиболее консервативны. Трансмиссии от одного многим, например, от учителя к ученикам или от телевизора (медиа-средств) к аудитории характерны быстрым распространением инноваций и тенденцией к гомогенизации общества. Трансмиссия от одного человека к другому ведет к высокой мобильности индивидов в восприятии инноваций, а также к значительному и повышающемуся культурному разнообразию.

Количественные (статистические) измерения действия разных аспектов КТ были проведены в различных социальных группах западного общества, в том числе на студентах Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza et al., 1982). Запрашиваемая культурная информация (traits – характерные черты) была разделена на 6 рубрик: 1) религиозные взгляды; 2) политические взгляды; 3) зрелища; 4) взгляды на спорные ограничения, предубеждения; 5) привычки, легко описываемые без вторжения в приватность; 6) спорт.

Ожидалось, что будет найдено применение КТ Кавалли-Сфорца и Филдмана в разнообразных гуманитарных направлениях: лингвистике, психологии, антропологии, социологии и коммуникационных науках. Нашлось применение этой теории и в археологии. В статье Дугласа Н. МакДональда «Жизнеобеспечение, пол и культурная трансмиссия в культуре Фолсом» (MacDonald, 1998) консервативный по всей Великой Равнине характер набора орудий

Фолсом интерпретирован как результат действия типа КТ «многие – одному» в условиях географически широкой сети брачных, социальных и экономических отношений (MacDonald, 1998, p. 232). Большое влияние концепция Кавалли-Сфорца и Филдмана оказала на последующую теорию культурной трансмиссии Р. Бойда и П. Ричерсона.

Культурная трансмиссия Бойда и Ричерсона

Еще большее влияние на современные археологические работы в русле КТ оказала теория культурной трансмиссии Р. Бойда и П. Ричерсона. Первая книга этих авторов «Культура и эволюционный процесс» появилась в 1985 году (Boyd and Richerson, 1985), в разные годы выходили статьи, а в 2005 г. вышло еще две книги «Происхождение и эволюция культур» (Boyd and Richerson, 2005) и «Не геном единым» (Richerson and Boyd, 2005).

Р. Бойд и П. Ричерсон, определяя культуру как информацию, утверждают, что культурная трансмиссия осуществляется на уровне навыков, убеждений, ценностей и отношений, обуславливающих человеческое поведение (Boyd and Richerson, 2005, p. 105). Эта культурная информация влияет на фенотип человека и таким образом может быть унаследована (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). Люди усваивают информацию через имитацию и обучение. Обучение может быть социальным и индивидуальным. В первом случае оно идет через навязывание образца индивиду его социальной группой. Во втором случае имеется в виду лично активное обучение путем проб и ошибок.

Бойд и Ричерсон ввели понятие *избирательная трансмиссия* (biased transmission), противопоставив ее *непредвзятой* (unbiased) трансмиссии (рис. 1). *Непредвзятая трансмиссия* осуществляется от родителей к детям. Она воспроизводит существующую культурную информацию без существенных изменений. Непредвзятая трансмиссия тесно связана по смыслу с *проведенной вариацией* (guided variation), суть которой в увеличении роли усваиваемого культурного варианта благодаря меж-

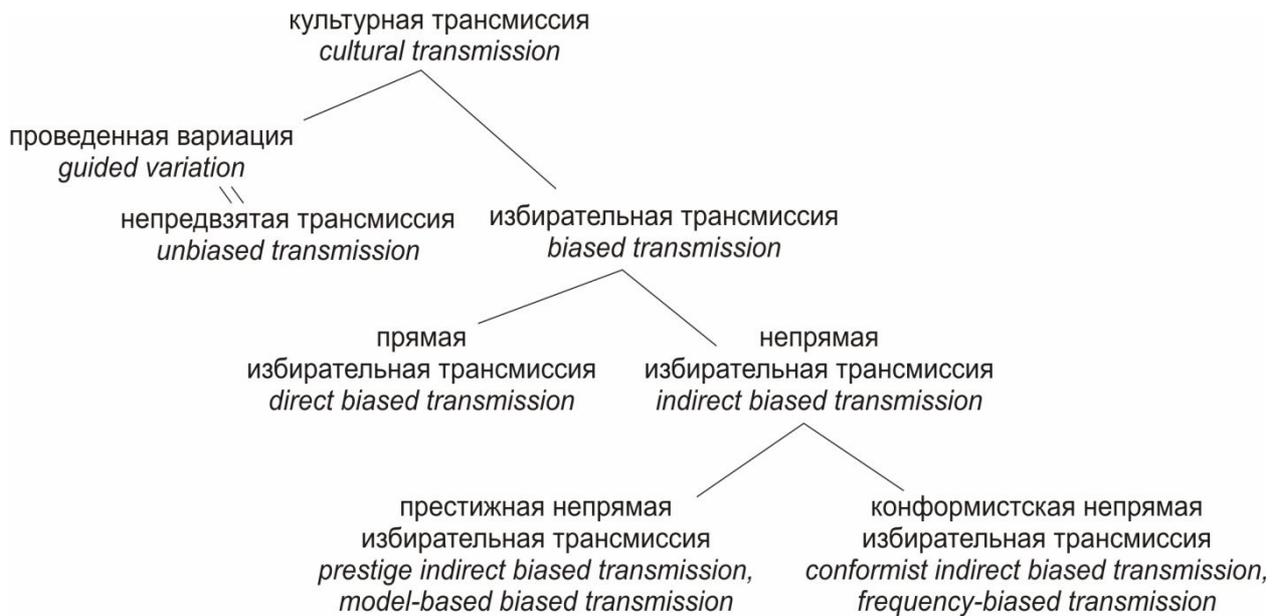

Рис. 1. Схема выделенных вариантов культурной трансмиссии Бойда – Ричерсона (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005)

поколенной его передаче, обучению и индивидуальному освоению «учениками» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283).

Альтернативой является *избирательная трансмиссия* (biased transmission). Она появляется, «когда люди предпочитают одни культурные варианты другим, сталкиваются с альтернативными идеями и выбирают из них осознанно, или неосознанно» (Boyd and Richerson, 2005, p. 68).

Избирательная трансмиссия может быть прямой (direct bias) и непрямой (indirect bias). *Прямая избирательная трансмиссия* означает рациональную оценку и выбор наиболее подходящего варианта. Она также понимается как селекция культурных вариантов. Но из-за некомпетентности либо затратности проверки, отсутствия на нее времени люди часто полагаются на *непрямую избирательную трансмиссию*, когда проще, чем оценивать самому, положиться на чей-то пример (Boyd and Richerson, 1985, p. 135). Эта последняя имеет две разновидности: *престижную* и *конформистскую* избирательные трансмиссии (Boyd and Richerson, 2005, p. 69).

Престижная (prestige biased, model-biased) трансмиссия есть заимствование, копирование культурного варианта успешного носителя. Например, это подражание стилю поп-звезд, заимствование образцов

поведения и вооружения успешных охотников.

Конформистская (conformist-biased, frequency-biased) трансмиссия есть выбор в пользу общепринятого варианта, копирование общепринятых, наиболее часто встречаемых культурных образцов.

Касаясь условий успешной трансмиссии, Бойд и Ричерсон обращали внимание как на стимулы на общие убеждения, диалект, дресс-стиль, привлекательность успеха (Boyd and Richerson, 2005, p. 119), а также на аккуратность ментальных репрезентаций и настойчивости в их воспроизводстве, пока они сами не станут моделями для других (Boyd and Richerson, 2005, p. 57, fig. 3.1).

В качестве примера применения в археологии разработок Бойда и Ричерсона приведем статью Р. Беттингера и Е. Эркинса «Типология наконечников, культурная трансмиссия и распространение технологии лука и стрел в преистории Великой Равнины» (Bettinger and Eerkins, 1999). Поводом послужило морфологическое разнообразие наконечников типа Rosegate в Калифорнии и устойчиво выдержанные в параметрах эти же наконечники в центральной Неваде около 1350 л. н. В это время, как считают, происходило внедрение технологии лука и стрел. Если считать, что очаг распространения этих передовых знаний был один, то логично ожидать едино-

образии наконечников на всей территории культурной трансмиссии. Однако, как мы видим, в случае с наконечниками в Калифорнии это оказалось не так. Речь, в частности, шла о соотношении параметров веса и базальной ширины наконечника стрелы. В объяснении разброса этих показателей в Калифорнии была привлечена идея проведенной вариации (*guided variation*) Бойда и Ричерсона. Она предполагает индивидуальное освоение культурного багажа, что, вероятно, и привело к большому разнообразию наконечников, сделанных путем экспериментов, проб и ошибок.

Напротив, выдержанные в параметрах наконечники Rosegate в Неваде интерпретированы как возможный результат не прямой избирательной трансмиссии одного успешного образца (*indirect biased transmission*). Отсюда как следствие предполагаются групповое социальное обучение, минуя уровень индивидуального обучения и экспериментов, гомогенный культурный состав населения, доминирование группового поведения над индивидуальным.

Теоретический синтез Эркинса и Липо

Активно работают над внедрением тематики культурной трансмиссии в археологию Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2005, 2007). Мы выделим здесь две статьи «Культурная трансмиссия, копирование ошибок и производство вариаций в материальной культуре и археологических источниках» (Eerkins and Lipo, 2005) и «Теория культурной трансмиссии и археологические источники» (Eerkins and Lipo, 2007). В этих работах авторы проделали новейшее обобщение теоретических разработок на тему культурной трансмиссии и построили на основе достигнутого уровня представленный идеальный объект КТ. На наш взгляд, разработка онтологической конструкции культурной трансмиссии в статьях Эркинса и Липо, суммируя все, что уже было достигнуто, является наиболее разработанной, несмотря на отсутствие математических формул, обычно обильно присутствующих в работах рассматриваемых ученых.

Итак, выделяют источник информации и получающую сторону как индивидов, воспринимающих, хранящих, переименовывающих, воспроизводящих и материализующих эту информацию (Eerkins and Lipo, 2007). Индивиды получают информацию и оперируют ею: выбирают, изменяют, игнорируют, экспериментируют с ней. Процессы трансмиссии рассматриваются в трех основных планах: контент, контекст и моды презентации и усвоения (*acquisition*), которые работают совместно.

Контент это актуальная информация, передаваемая трансмиссией. Эту информацию ряд исследователей определяет как мемы (Dawkins, 1976) и культургены (Lumsden and Wilson, 1981). Но, поскольку нет эмпирических единиц информации, авторы предпочитают использовать термин «культурная информация» (Eerkins and Lipo, 2007, p. 247). Контент характеризуется такими аспектами как комплексность-сложность информации, форма, в которой она подана, частота повторяемости и как информация структурирована.

Сложность информации влияет на совершение ошибок как во время хранения ее в мозгах, так и во время ее материализации. Авторы определяют сложность информации как длину описания ее свойств математически, пиктографически или вербально. Три формы информации – письменная, вербальная, визуальная. Визуальная система восприятия дает меньше ошибок, чем восприятие на слух. И визуальное восприятие, должно быть усилено вербальным. Структурированность информации есть величина детализированности, либо генерализации. Характер трансмиссии зависит от того, как запакована информация. Например, инструкции могут быть редуцированы к самой сути – структуре.

В контенте большую роль играет идея стиля. Стиль есть что-то, что работает в конструировании сериации и оценочных процедур путем проб и ошибок (Eerkins and Lipo, 2007, p. 254). Даннел (Dunnell, 1978) определял стиль как нечто, не имеющее селективной ценности, стилистические черты объявлены как нейтральные, функционально равновеликие. Позднее отмечалось, что стиль может иметь свою ценность, благо-

даря маркированию собой границ социальной группы. Но очень сложно отделить функциональные черты от стилистических.

Контекст представляет собой культурную среду для процессов трансмиссии. Здесь Эркинс и Липо отмечают слабую разработанность представлений. Называются такие фильтры-стимулы прохождения информации как способность человеческого мозга воспринимать и передавать информацию, тематическая взаимосвязь единиц информации, большее знание культурного контекста коммуникантов обеих сторон. Ритуальные верования как информация имеют низкий уровень изменений. Дж. Хенрих (Henrich, 2004) указывает на роль размера популяции в трансмиссии. Чем больше популяция, тем больше интерактивных учеников, тем сложнее технологии, которые передаются. При сокращении популяции и изоляции возможно забывание сложных технологий и возврат к простым. С. Митен (Mithen, 1997, p. 73) выдвинул гипотезу связи определенных смыслов, например, религиозные идеи с религиозными артефактами и социальным поведением, информация о «богах» с социальной информацией или миром природы. Современный мозг расположен к трансмиссии способов охоты, производства орудий и социального взаимодействия. Соответственно, эти аспекты легче других транслируются.

Мод трансмиссии варьирует от числа вовлеченных людей, направления и влияния, того, как информация запакована и как извлечена. Трансмиссия может быть модифицирована, стимулирована (biased). Выделяют трансмиссию один – один, многие – один, один – многие, многие – многие (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981). Многие – один трансмиссия ведет к низкому уровню вариаций, в сравнении с трансмиссией один – многие. Наиболее часто встречаемые виды трансмиссии – избирательные (biased) конформистская и престижная трансмиссии (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005).

Упорядочивающую роль организации информации играют картины мира. Отмечается способность единиц информации к слиянию и расщеплению (Eerkins and Lipo, 2007, p. 252, 254). Избирательная престиж-

ная трансмиссия может предполагать передачу информации блоками, например, технологии, в которые включены разнообразные аспекты и производства и применения артефакта.

Культурная трансмиссия и ревизия Баркоу

Идею ревизии культуры, дополняющей процессы трансмиссии, предложил антрополог Джером Баркоу (Barkow, 2004). Центральным местом в ней является постоянное наличие в культуре маладаптивных черт, понижающих жизнеспособность культуры и общества или вовсе ведущих к отрицательной невыгоде. Такая маладаптивность возникает в четырех видах процессов: 1) изменение окружающей среды, когда прежде эффективные культурные черты (нормы) становятся недееспособными; 2) увеличение расходов, когда затраты на следование культурным нормам превышают пользу от их применения; 3) аккумуляция ошибки, например, веками воспроизводящиеся методы лечения ртутью в исламской культуре; 4) доминирование интересов элиты, идущее вразрез с интересами общества в целом (Barkow 2004, p. 441).

Так или иначе, общество вырабатывает стрессо-понижающие механизмы ревизии культуры. И они тесно переплетены с трансмиссией культуры (Barkow, 2004, p. 447). Ревизия культуры протекает по четырем направлениям (Barkow, 2004, p. 448–450):

1. Имитация престижной модели поведения, характерная, особенно для молодых. Смена престижной модели ведет к изменениям в культуре.

2. Детское и подростковое сопротивление. Отвоевывание места и ревизия культуры молодежью связаны между собой.

3. Угнетение и сопротивление. Например, внешние угрозы могут заставить людей ревизовать свою культуру (синдром этноцентризма), а социальное напряжение в обществе – привести к революции.

4. Мягкая социализация есть стремление дать детям лучшую жизнь, что ведет к ревизии культуры.

Эти тезисы Дж. Баркоу излагает на фоне критики описанных выше положений

культурной трансмиссии, разрабатываемых Ламсденом и Уилсоном (Lamsden and Wilson, 1981) и Бойдом и Ричерсоном (Boyd and Richerson, 1985). Суть критики в отношении к культурным единицам по аналогии с генами, между тем как связь между генетической пригодностью и культурой всегда свободна и не всегда предсказуема (Barkow 2004, p. 453). Указанные этими учеными механизмы культурной трансмиссии слишком просты и недостаточны. В их модели должны быть инкорпорированы более сложные механизмы (Barkow, 2004, p. 448). Последние, по Баркоу, должны быть механизмами психологического уровня (Barkow, 2004, p. 453).

Критика западных концепций культурных трансмиссий

Развитие взглядов на культурные процессы в американской (западной) антропологии прошло несколько этапов. Пережив стадию рефлексии отсутствия теории КТ и необходимости в ней, научное сообщество вступило во второй этап появления научных концепций. Были сформулированы первые онтологические концепции идеального объекта культурной трансмиссии. Третий этап начался немедленно с появлением первых теоретических конструкций как эмпирические, прикладные попытки их применения. Е. Эркинс и К. Липо, правда, отмечают неразвитость практики археологических работ в русле культурной трансмиссии (Eerkins and Lipo, 2007).

В американской антропологии господствует убеждение в том, что защищаемые положения должны быть сформулированы математически. Количественный подход понимается как необходимый критерий научности. Эти обширные математические построения являются в какой-то мере и способом объективации научных разработок, т. е. демонстрацией реальности существования выводимых научных построений. Таких, например, как культургены (Lamsden and Wilson, 1981). На наш взгляд, такие модели большей частью имеют симуляционный характер, выделяя какой-то один из аспектов (искусственно упрощая до одного), показывая его возможную роль, но при этом упрощая в целом теорию КТ. По-

следняя как раз и нуждается в продолжении разработок. Текущий уровень их недостаточен, на что указывали, например, и Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007).

Магнетическое влияние дарвинизма, эволюционной генетики, проведенное через идеи мемов Р. Доукинза и культургенов Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, привело к одностороннему пониманию культуры и ее механизмов воспроизводства и развития. Это, в частности, понимание культуры только как информации, рассмотрение последней преимущественно в контексте сходств и различий с генами. Наша позиция состоит в том, что процессы коммуникации представляют собой не только обмен идеями (информацией), но и артефактами и людьми. Соответственно, они и должны рассматриваться в этой взаимосвязи. Всякая информация имеет знаковый характер, облечена в материальные знаковые формы. В частности, сами артефакты являются знаковой формой заложенных в них значений. В ходе коммуникации знаковые формы могут быть отчуждены от человека, пересажены на иные носители, например, бумажные или электронные, что совершенно выпало из внимания цитируемых авторов. Этот аспект КТ следует охарактеризовать как семиотический. В рассмотренных нами западных концепциях культурной трансмиссии он практически не развит. Однако именно семиотический подход к культурной трансмиссии должен быть более всего востребован археологией, поскольку принципиально сосредоточен на связке «артефакт (знаковая форма) – значение». Информационное понимание культуры явно недостаточно. Оно выводит за рамки все остальные основные аспекты сферы культуры: управляемую нормами и знаниями деятельность и ее материальные продукты.

Имея на вооружении модели КТ типа «один – многим», «многие – одному» или избирательной непрямой престижной и конформистской трансмиссий, археологи пытаются применить их в духе идентификации материала с одной из моделей. С нашей точки зрения, все выделенные моды или типы КТ не могут быть противопоставлены друг другу, не могут представлять со-

бой тип культуры в целом, поскольку работают одновременно, но в различных возрастных, коммуникационных, прагматических ситуациях. Соответственно, необходима разработка онтологической схемы коммуникационных ситуаций, в ходе которых происходит обмен – движение идей, вещей, людей. Построена она должна быть не как слепок с современного западного общества, а как: а) инвариантная схема; б) логически простейшая схема, которая, вероятно, и должна быть исторически исходной.

Используемый в западной археологии термин «трансмиссия» в русской передаче имеет механистическое понимание. «Трансмиссия» – система устройств для передачи на расстояние механической энергии (<http://formaslov.ru>). У трансмиссии нет глагольного образования. В противовес ему «трансляция» в русском языке более широко употребляема и означает перенос физического или математического объекта в пространстве на некоторое расстояние, передачу на расстояние речи, музыки, изображения и т. п. с места действия по радио и телевидению (<http://formaslov.ru>), имеет и глагольную форму. Поэтому исходной точкой для дальнейших рассуждений мы принимаем как наиболее удобный в употреблении термин «трансляция», более приемлемый в смысле передачи различных продуктов культуры.

II. Семиотическая природа артефактов. Связка «тип – артефакт»

Нас, археологов, в первую очередь интересует отношение идей, информации к вещественному миру ископаемых нами культурных остатков – остатков артефактов. Базовое, принципиальное допущение, которое мы принимаем, строится на том, что артефакты являются знаковыми формами, значениями которых выступают связанные с ними, с их производством, их использованием культурные нормы, идеи. Вместе эта связка «знаковая форма – значение» образует знак (Щедровицкий, 1995). Соответственно, ракурс или подход к артефакту следует определить как семиотический. Возможный вклад в развитие понимания артефактов может быть внесен изу-

чением процессов образования их типов как *массовых явлений работы сознания* по производству, хранению, передаче и усвоению знаковых форм чувственного опыта. В этом русле должны быть рассмотрены и аспекты образования типа как идеального значения вещей. Это, во-первых, онтологические характеристики производства типов как знаков и, во-вторых, описания культурных механизмов введения типа.

В решении любых задач человек опирается на существующие в культуре способы разрешения ситуаций, в том числе стереотипы производства и использования орудий определенных типов. Однотипные деятельностные ситуации побуждают людей использовать предшествующие решения как положительный опыт, который может быть воспроизведен. Так появляется тип как результат *подражания* и воспроизводства удачного нового *единичного* артефакта, как продукт технического, стилевого (эстетического, символического) творчества, либо случайного отклонения. В этот момент возникает естественный знак – знак о самом себе в ситуациях включения в сферы деятельности (Кодухов, 1974, с. 25). Главным образом, это сферы производства и утилизации артефакта, личного владения, гендерной, возрастной, сословной, конфессиональной, этнической и прочей принадлежности. В ходе успешного применения артефакта люди концептуализируют опыт его производства, который становится стереотипом поведения людей в подобных деятельностных ситуациях. Адекватный опыт-стереотип инструментального (овещественного, вооруженного вещами) поведения подвергается переработке содержания в смысле формулирования идеального, то есть типичного, редуцированного, лишённого индивидуальной специфики, обогащенного и обобщенного знания. Эта процедура является по своей природе работой человеческого сознания со знаками. Мы фиксируем здесь переход естественного знака в состояние идеального типа и будем отличать в идеализированном опыте поведения людей в стандартных деятельностных ситуациях связку «идеальный образ артефакта – деятельностные значения». Последние есть стереотипы деятельностных

ситуаций, осуществляемых с участием артефакта и необходимых для его производства. Назовем эти первые значения *денотативными (основными) значениями типа*. Процесс редукции содержания опыта в направлении выработки идеального типа, как правило, является результатом коллективной деятельности и работы коллективного сознания. Для этого необходимо выполнение таких условий как репрезентация опыта в знаковых-языковых выражениях – *номинация типа* (репрезентация языковым термином), трансляция (передача-обучение) опыта. Многократное воспроизводство ситуаций использования стереотипного опыта как раз является условием его редукции и выработки формализованного идеального типа. Логистика минимизации трудовых и, в том числе, интеллектуальных усилий ведет к доведению стереотипов поведения до шаблонов механического, слаборефлексируемого, машинального, моторного поведения.

Процесс выработки идеального типа артефакта, осуществляемый как задача оптимизации трудовой инструментальной деятельности, обеспечиваемой артефактом, направлен, таким образом, в сторону идеализации типа деятельности и образа (формы) артефакта как наиболее ему адекватного. Пока эта работа осуществляется, она имеет характер открытой, *синтагматической* процедуры организации знания. Иными словами, открыта сама возможность дополнения и изменения знания. Но это состояние не беспредельно. Следующий и финальный этап формирования идеального типа состоит в *парадигматизации* достигнутого состояния знания (результата работы со знаками). Отныне оно имеет закрытый характер, позволяющий пользователям: а) узнавать в вещах тип; б) отличать вещи типа от других вещей. Сам процесс образования типа назовем *процессом типизации*. Артефакты данного типа выступают в роли знаков-символов, присущих им стереотипов поведения, деятельностных ситуаций. Происходит узнавание типа в смысле понимания за вещь-знаком связанных с ней значений. Само понятие типа как некоторого морфологически устойчивого класса вещей со специфически им

присущим культурным значением предполагает *парадигматический* характер типа. То есть, если по некоторым руководящим признакам вещь не совпадает с формулой типа, то она к нему не относится, это не тип, со всеми вытекающими из этого семантическими последствиями. Следовательно, в связке «образ (форма) артефакта – стереотипы деятельности с артефактом» первый имеет установку на парадигматическую закрытость.

Этот переход синтагматической цепочки (смысла) в статус парадигматической конструкции (значение) описан в работе Г.П. Щедровицкого «Смысл и значение» (Щедровицкий, 1995, с. 545–576).

Вторая часть идеального типа состоит из суммы сослагающих значений стереотипов видов и сфер деятельности, с которыми артефакты данного типа связаны. В ходе исторической жизни типа в культуре общества эти значения могут меняться. Помимо основных, денотативных значений появляются дополнительные *значения-коннотации*. В этом выражается флексибельность или гибкость второго компонента содержания идеального типа. Помимо основных значений (денотата) производства и утилизации в ходе социальной истории типа происходило присвоение коннотативных значений престижности, интериоризации, маркирования определенных социальных страт и этнических и прочих групп, различных социальных практик вовлечения артефактов данного типа. Важно отметить среди коннотативных со-значений возможные связи типов с идеологиями, в том числе религиозными.

Пример. В качестве иллюстрации возьмем историю автомобиля ВАЗ-2101 «копейки», скопированного с итальянского автомобиля «Фиат». Помимо основных значений технологии производства автомашины мы можем перечислить следующие коннотации: 1) выбор лучшего чужого автомобиля; 2) интериоризация его под собственной маркировкой (ВАЗ-2101); 3) престиж обладания новым совершенным автомобилем в первые годы его производства; 4) статус «народного автомобиля» («копейка»); 5) мемориальный статус родоначальника серии «Жигулей»; 6) антипрестижный

статус архаичного старого автомобиля. Аналогичные примеры можно привести в отношении предметов экстраутилитарного, символического, религиозного, в частности, значения. Скажем, предметы христианского культа сопровождалась различной коннотативной историей в течение всей истории христианства, включая советский этап.

Структурная схема типа (рис. 2) состоит из позиций (1) **идеального типа**: а) образа (формы) артефакта и языкового термина; б) стереотипов производства и использования артефакта в сферах деятельности; и (2) **материального продукта** воплощения формы – артефактов определенного типа и морфологии (морфотипа). С семиотической точки зрения такая схема является *знаком*, в котором знаковой формой являются артефакты, а значением – идеальный тип. Исходя из вышеприведенных доводов о возникновении дополнительных коннотативных со-значений, мы делаем важный вывод о многократном семиозисе и полисемии типа.

Приведем несколько сходных примеров понимания процесса возникновения типа в западной антропологической (теоретической) археологии. Глэдвин и Батлер (цитировано по: Henrich, 2001, p. 996) сформулировали три стадии этого процесса: 1) индивиды оценивают альтернативы, используя низкочастотные (lowcost) эксперименты для сбора информации; 2) эти решения кодифицируются в культурных правилах; 3) эти правила транслируются следующим поколениям.

Е. Эркинс и К. Липо указывали на два возможных механизма производства культурных вариаций: «1) вариация может быть результатом ошибки в копировании; 2) вариация может быть произведена когнитив-

ным механизмом, сортирующим и комбинирующим информацию с целью создания новых форм, которые могут быть убедительны и ощутимы производителем. Этот тип вариаций часто рассматривают как избирательная (biased – интенциональная) вариация, или результат «инвенции», «открытия» или «инновации» (Eerkins and Lipo, 2005, p. 319).

Показав, что образование идеальной формы артефакта сопряжено и имеет своим условием идеализацию типа деятельности, мы должны далее рассматривать сам процесс типизации как работу сознания, захватывающую не только артефакты, но и процессы и сферы деятельности и, говоря дальше, всю окружающую человека искусственную и естественную среду. В этом смысле уместен общеполитический вывод о стремлении человека к освоению мира через редукцию всех отношений к миру, к парадигматической картине мира и наборам типов поведения в нем. Базовым теоретическим положением в нашем случае является утверждение о том, что человеческая деятельность оперирования знаками является постоянной, и она обязательным образом является условием и сопровождает все виды поведения. Типообразование имеет знаковую семиотическую природу. Задача процесса типизации состоит в фиксации опыта, открывающей возможность его хранения, знаковой репрезентации, трансляции, узнавания и понимания. Д. Миллер в работе «Артефакты как продукты человеческих категоризационных процессов» характеризует его как процесс категоризации – структурного упорядочивания окружающего мира, материального производства и речи-языка (Miller, 1982).

Представления об эволюционном процессе изменения вещей, а с другой сторо-

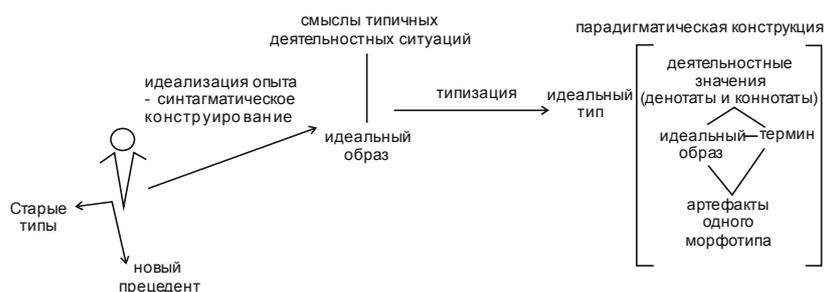

Рис. 2. Структурная схема типа

ны, их концептов-значений оказали влияние и на лингвистику. Ю.С. Степанов (Степанов, 1997, с. 17–18) назвал такие порядки «эволюционными семиотическими рядами», определив их природу как знаковую. Синхронные звенья разных семиотических рядов формируют «стиль» или «парадигму эпохи». Процессы могут сужаться и расширяться в плане хождения в узких или широких кругах населения, протекать с разной скоростью в разных социальных средах (Степанов, 1997, с. 39–40). Но в фокусе внимания лингвиста оказываются, прежде всего, вопросы культурно-лингвистической эволюции концептов. Д. Миллер, например, оценивает вклад в понимание процессов категоризации структуралистских лингвистических оппозиций Соссюра и дихотомии противостояния грамматик продуктам ежедневной речи у Н. Хомского (Miller 1982, р. 19).

Следующий вопрос, который подлежит рассмотрению, состоит в определении, какова роль уже сформированных, существующих типов в продолжающемся процессе типизации. (Очевидной стороной этого процесса является непрекращающаяся тенденция к отклонению от исходного типа (Clark 1968, pp. 227–229)). Характеризуя тип как знак, а типизацию как работу сознания со знаками, мы видим три возможных направления этой работы, ведущей к образованию нового типа: увеличение знака (типа), деление знака (типа) и комбинацию знаков (типов). Рассмотрим аспект стилового отклонения типов. Появление новых, дополнительных коннотаций-значений в каких-то случаях сопровождается модификацией формы типа (увеличение содержания – **увеличение типа**) (рис. 3а). Серийность, массовость этого явления приводит к формированию нового стилового типа, уже связанного отношениями знаковой репрезентации с конкретным, узким типом деятельностной ситуации. Так появляются, например, ритуально специфичные типы оружия, посуды, мебели. (И.А. Бунин в «Окаянных днях» отмечал как новшество, что вскоре после Октябрьской революции ее сторонники стали хоронить своих умерших в гробах обтянутых красной тканью). Речь идет о парадигматической типизации

новой и конкретной связки «стиловое отклонение от исходного типа – специфическая ситуация обращения с вещами нового данного типа». Новый, условно говоря, «стиловой тип» по отношению к исходному типу является под-типом или суб-типом. Артефакты, имеющие эту новую знаковую форму, становятся символами определенной социальной ситуации. Вероятно, возможен реконструктивный ход демонстрации восхождения множества субтипов второго и третьего поколения к исходному «материнскому типу». Общим условием, предъявляемым к ним, является соблюдение требований исполнения основных функций, предъявляемых еще к материнскому типу. Стиливые вариации, связанные с коннотатами, логически допустимы, пока не препятствуют осуществлению основных функций вещи – денотативных ее значений (Эко, 1999). Здесь новый тип формируется по схеме «Тип исходный + Стиловое отклонение». Его артефакты одновременно являются представителями и материнского типа, и производного от него.

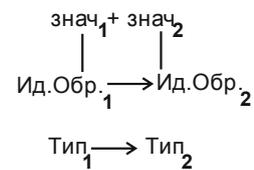

Рис. 3а. Схема модификации – увеличения типа

Другой путь типообразования – распредмечивание типа: выделение и типизация конструктивного элемента исходной формы, имеющего какой-либо значимый утилитарный или экстраутилитарный смысл (рис. 3б). Происходит **деление типа**, вычленение и типизация его частей с последующим возможным переносом тип-элемента в новой комбинации с другими элементами и на новый материал. Например, какие-то элементы античных архитектурных ордоров могут быть использованы в более поздней архитектуре.

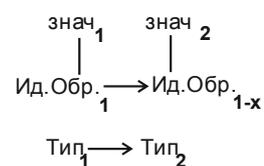

Рис. 3б. Схема модификации – деления типа

В третьем ряде случаев типизации подвергается сложившееся и устойчиво воспроизводимое сочетание типов (**комбинация типов**), наблюдаемое, например, в ношении одежды, обстановке усадьбы или бензозаправки, интерьера кафе или храма (рис. 3в). Типизированные широкие сочетания типов бытовой искусственной среды осмысляются как «стили эпохи», в совокупности с присущей им жизнедеятельностью – как «образы жизни» (в англоязычной археологической литературе в этом же смысле – lifestyles).

$$(\text{Тип}_1 + \text{Тип}_2 + \text{Тип}_3) = \text{Тип}_4$$

Рис. 3в. Схема модификации – комбинации типа

Сходная идея высказывалась американскими антропологами ранее, но объяснялась иначе: информация может быть слита с другой информацией, передана полностью или частями (Eerkins and Lipo, 2007, p. 252). В каких-то случаях культурная информация может быть подхвачена, слита (hitchhike) с другой информацией (Lyman, O'Brien, 2003). Такой подхват есть что-то вроде аналога «обломка ДНК» (“junkDNA”) в геномной трансмиссии, где куски генетического кода способны вставлять себя в геном и быть воспроизведенными.

Далее, заявив о непрекращающемся процессе типизации окружающего мира, включая вещи и их смыслы, постулировав природу этого процесса как обыденную работу сознания со знаками, мы должны показать довлеющий характер в определении типами социального поведения, в том числе сознательной деятельности. Мы исходим в этом вопросе из четырех базовых допущений. Во-первых, типизацией охвачены все стороны социальной жизни, и существует культурное предложение типов поведения и стереотипов производства и использования артефактов во всех сферах деятельности. Во-вторых, это предложение имеет избыточный характер. Это означает, что в значительном количестве случаев человек имеет возможность выбора между предложенными культурой способами решения проблем. Свобода маневра и выбора детерминирует поведение человека как «игру по правилам». Это то, что П. Бурдьё характе-

ризовал как габитус: «продукт практического чувства, как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности. ... Это предполагает постоянное изобретение, необходимое, чтобы адаптироваться к бесконечно разнообразным ситуациям, никогда не бывающим совершенно идентичными. Это не обеспечивает механическое подчинение эксплицитному, кодифицированному правилу» (Бурдьё, 1994, с. 98). В-третьих, выбор наличных типов означает и самоидентификацию человека в системе культурных координат. В-четвертых, следование типу как идеальному образцу всегда есть не более чем ориентир. Реальность же характерна недостижимостью и отклонениями от идеальной формы в той или иной степени. В одних случаях это обусловлено некачественным материалом, либо недостаточным мастерством исполнителя. В других случаях назовем творческую модификацию, которая при счастливом раскладе может привести к новому типобразованию.

Следующий этап существования типа как знака состоит в реализации его в аспектах понимания и включения в деятельность. Мы видим здесь два режима работы типа.

В первом случае (рис. 4а) речь идет о таком типе ситуаций, когда сталкивающийся с очередной задачей субъект деятельности использует для ее решения наличные в культуре стереотипы инструментального решения через производство и употребление артефактов определенного типа. Иными словами, это ситуация **актуальной востребованности типа**.

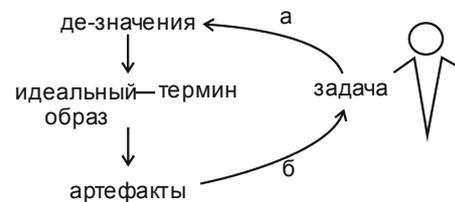

Рис. 4а. Ситуация актуальной востребованности типа

В другом ряде ситуаций (рис. 4б) для субъекта опознанный во встреченном им артефакте тип выступает в роли знака, репрезентирующего связанные с ним состоявшийся эпизод деятельности и смыслы

типичной включенности в хозяйственные, коммунальные, идеологические отношения. По сути, это ситуация **понимания, обеспеченного знанием субъектом артефакта как типа**. Артефакт или несколько артефактов выступают в роли сообщения, а в целом ситуация выглядит как коммуникация, в которой понимающий субъект считывает информацию. Однако, за исключением специальных эпизодов намеренной передачи сообщений, в основном ряде случаев это не коммуникация, поскольку производство и использование артефактов имело иные цели, нежели чем задача коммуникации (передачи-приема сообщений), и ситуация, таким образом, должна быть охарактеризована как псевдокоммуникация. Во всяком случае, мы считаем, что сами по себе артефакты без намеренного использования их в качестве знаковой формы сообщений не содержат в себе информацию как некое естественное свойство.

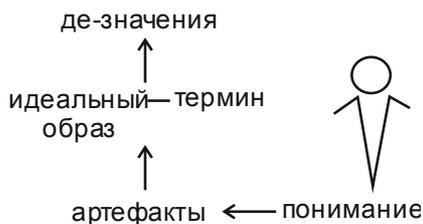

Рис. 4б. Ситуация узнавания артефакта как типа

Археологической разновидностью этого рода ситуаций (рис. 4в) выступает встреча археологом культурных остатков, воспринимаемых после определенных (источниковедческих, тафономических) процедур как артефакты.

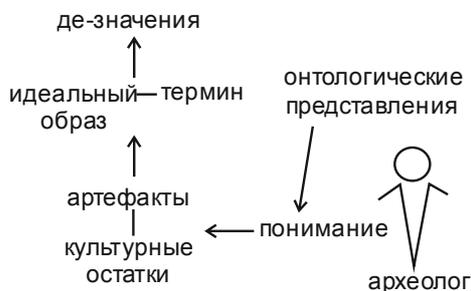

Рис. 4в. Ситуация узнавания типа в артефакте археологом

Узнавание артефактов происходит именно благодаря их знаковой природе как части типа (элементов множества морфотипа). Знание об артефакте – представителе

множества – строятся на основании статистических результатов морфологической группировки артефактов, свидетельствующих о наличии стереотипов целевого их производства / утилизации, а также знаний о территориальных и хронологических ситуациях (контекстах) их проявления в археологии. Собственное идеальное содержание типа, как правило, недоступно в силу культурно-хронологического разрыва. Принципиальной особенностью археологической ситуации понимания типов в культурных остатках, надстраивающей ее над «простой ситуацией», является наличие у археологов теоретических представлений об онтологии типа, артефакта, деятельности, направляющих познание. Понимание значения типа в этом случае достигается в результате реконструкции идеальной формы и типичных ситуаций производства и использования, личного владения, групповой принадлежности и пр. Идеальная форма типа не обязательно тождественна индивидуальным материальным ее манифестациям. Отклонения имеют природу случайности, индивидуальности актора. Основными аргументами в деле восстановления идеальной формы типа (мерономии по Л.С. Клейну (Клейн, 1991, с. 378)) выступают частота повторяемости морфологии артефактов, оценка усилий и времени, затрачиваемых на изготовление вещи этого типа, ритмичная (закономерная) организация формы. Степень глубины реконструкции стереотипов включенности артефакта в деятельность (денотатов и коннотатов) может быть различной, соответственно, также как и в межкультурной вербальной коммуникации, степень понимания может быть разной. Однако, еще раз подчеркнем, что, хотя благодаря типической природе артефактов, познание имеет семиотический характер понимания культурных остатков как знаков, в прямом смысле термина археологическая познавательная ситуация не является коммуникацией, поскольку акта семиозиса – производства сообщения изначально ни для кого, ни для древнего обитателя, ни для сегодняшнего археолога, не было.

Среди всех задач реконструкции типа важную роль играет оценка ценности или веса типа в культуре. Эта величина являет-

ся совокупным показателем коннотаций связи с элитарными слоями общества как символа престижа и власти, массовости производства-употребления, связи с идеологической сферой общества (идеосферой), стоимости предмета в смысле ценности материала, тщательности, трудоемкости и интеллектуальной емкости производства. Такое понимание возводится от представления Спенсером ценности вещей, измеряемой количеством труда, затраченного на изготовление и обладание ими. Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия со сложившейся в археологии практикой оценки социального статуса погребенного по степени трудоемкости организации его захоронения, в том числе степени богатства погребального обряда и инвентаря (Binford, 1971).

Дальнейшее развитие характеристики онтологического содержания типов артефактов должно осуществляться за счет раскрытия поведения типа в различных деятельностных ситуациях, на различных этапах развертывания процессов существования типов в культуре обществ. Это, в частности, такие ситуации, как введение типов в культуру социальной группы – социализация типов в условиях отрицания типа-предшественника, трансляция типов внутри социальной группы и за ее пределы, устаревание, мемориализация и элиминация типов в культуре.

III. Два типа процессов, в которых участвуют типы

Тип как связка «идеальный тип (или собственно тип) – артефакт (вещественная репрезентация типа)» не является неделимой единицей, скрывающей его составные части. Не сложно увидеть автономное существование и, более того, существование в различных сферах и процессах его значения и знаковой формы. Идеальные типы как знания могут быть транслированы как вместе с их артефактами, так и без них. Равно как и артефакты могут быть отданы, захвачены или обменены без передачи их идеальных значений.

Наблюдение за современными и археологическими ситуациями дают нам вывод о том, что существование типов (идеальных

типов) в культуре общества имеет свою историю, содержащую время появления или заимствования типа, его распространения, устаревания и исчезновения из культуры. Это диахронное динамически переменчивое развитие типа и должно быть представлено как *процесс развития типа в культуре общества*. Этапы этих процессов мы можем, например, видеть в истории автомобилей каких-то моделей или архитектуры какого-либо стиля. Процесс существования типа в культуре представляет собой трансляцию идеального значения типа, знания (= идеального типа) во времени (межпоколенную передачу) и пространстве существования общества (в пределах исходного, «материнского» социума и за таковыми).

Различная временная протяженность существования типов артефактов наблюдается и в ископаемой культуре, и в действующей, живущей. Свидетельства существования усть-каренгского типа керамики (Ветров, 1992, 1995, 2011) указывают на время ее от 11,0 до 5 тыс. л. н., то есть около 6 тысяч лет. Данные о керамике усть-бельского типа свидетельствуют о бытовании их в пределах раннего – позднего этапов неолита, примерно около 3 тысяч лет (Савельев, 1989; Бердников, Бердникова, 2007). Топоры «с ушками» в Средней Сибири существовали от рубежа плейстоцена до середины голоцена, около 6 тысяч лет (Липнина и др., 2013). Современная жизнь дает нам сходные возрастные примеры в лице предметов – символов христианской (нательные кресты) и буддистской (ваджра) веры. Эпоха массового производства и потребления, ускоряемого научно-техническим прогрессом, порождает быстротечность процессов появления и исчезновения типов вещей. В течение последних ста лет появились и ушли в небытие патефоны и граммофоны, перьевые ручки, зубные порошки, дисковые телефоны с угольным порошком в динамиках и многое другое. На рубеже XX–XXI веков появились и быстро исчезли пейджеры. Большой вклад в это дело вносит мода. Очевидно, что история утилитарных вещей и их типов более скоротечна, чем процессы существования знаковых вещей, связанных семиотически с

различными формами самосознания (религиозного, этнического, родового и прочих).

Транслируемые во времени и пространстве типы люди задействуют в решении деятельностных задач. Типы играют роль технологических знаний и образцов производства подобных артефактов и действия ими. Сам поиск и заимствование из культурного багажа типов как опробованного культурного опыта и производство по типу вещей есть процесс деятельностный, имеющий рациональную природу целеполагания, планирования, кооперированный с другими актами и сферами деятельности. В этом моменте и происходит «захват» или освоение деятельностью культурных норм. *Из режима трансляции типы переходят в режим актуализации.* Различение этих двух режимов происходит, когда, например, пользуясь вещами определенного рода, мы рефлексируем на тему существования данной традиции. В этом моменте мы фиксируем сопряжение культурного процесса существования типа и деятельностного процесса, в котором артефакты типа произведены и задействованы (рис. 5). Длительность развития обоих процессов различна. Деятельностные процессы и акты краткосрочны, относительно культурного процесса имеют дискретный характер эпизода. Срок жизни артефакта различен, но в целом короче истории его типа. Типы обеспечивают множество однородных деятельностных ситуаций, в которых фигурируют производные артефакты. Сюжет появления типа в большинстве случаев не имеет актуального отношения к деятельностной зада-

че, для решения которой призван артефакт данного типа. Исключение составляют ситуации создания новых типов для культуры социальной группы, а именно: либо самостоятельное создание новых типов взамен старых, либо заимствование чужих типов и связанных с ними традиций, знаний, стереотипов и т. д. Ввод типа в культуру всегда происходит как деятельностная задача насущного в данный момент вопроса. В остальных ситуациях употребления «старых» типов история их происхождения не актуальна.

Описанное выше представление сопряжения культурных и деятельностных процессов является самым общим, абстрактным и потому исходным, необходимым для развития научного дискурса (подхода). Следующие шаги должны быть сделаны в направлении детализации наших представлений о деятельности, культуре и типах.

Трансляция типа

Механизмом воспроизводства типа является трансляция (*лат. Translation* – перенос, перемещение) – передача навыков и знаний по производству и использованию вещей данного типа. Она имеет межличностный и межпоколенный характер обучения – наследования культурных традиций. Реальность транслируемого типа проявляется всякий раз в производстве артефактов по его образцу. Производство артефактов есть *актуализация типа*. Совокупность имеющихся у людей стереотипов деятельности и присущих им типов орудий составляет культурный технический багаж со-

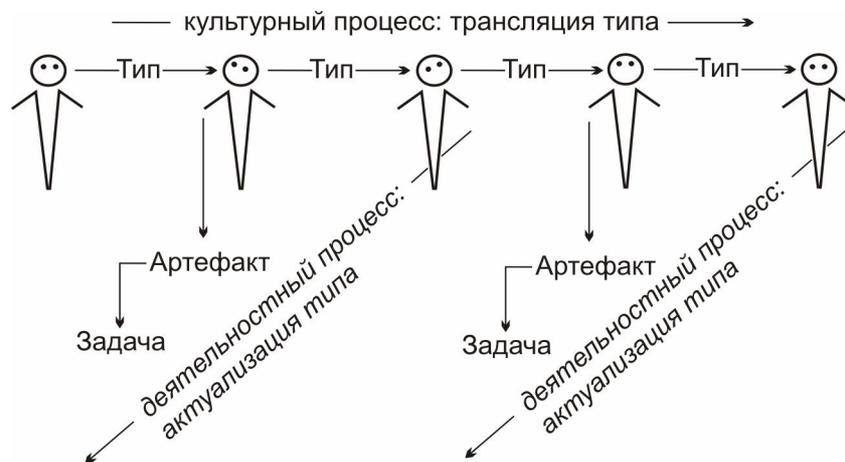

Рис. 5. Схема сопряжения процессов деятельности и культуры в эпизодах актуализации транслируемого артефакта

циума. Трансляция типа осуществляется как коммуникационный процесс. Передающая и принимающая стороны этого процесса имеют свои смысловые отношения к типу, проявляющиеся в различной заинтересованности в передаче. В этом смысле справедливо утверждение, что полностью адекватное восприятие транслируемого идеального типа проблематично. Простейшая, логически и исторически первая трансляция типа должна представлять собой персональную коммуникацию с использованием вербальных языковых и невербальных мимических средств. *Носителем* и передатчиком значений – знаний идеальных типов изначально является человек-актор. В наши дни трансляция-коммуникация имеет, по большей части, опосредованный характер передачи сообщений на отчужденных от актора-отправителя *носителях*: в книгах, газетах, через теле- и радиокommunikацию, на цифровых электронных носителях через Интернет и компьютерные сети. Передача знаний о типах может быть *институциональна* как обучение-образование. *В этом случае инициатива в осуществлении коммуникации исходит от передающей стороны.* Обучение рассматривается лидерами общества как важное условие социализации и энкультурации нового поколения. Институционализованная передача навыков и знаний о типах, как правило, осуществляет передачу к адресату не единственного типа, а многих.

Передача знаний о типах может иметь *оказиональный* (актуально-случайный) характер. *В этой группе случаев инициатором на коммуникацию выступает принимающая сторона, нуждающаяся в помощи*

со стороны. Речь может идти о культурном опыте, узко ограниченном спецификой проблемы.

Передача знаний о типах (знакомство с новыми артефактами – типами) может проходить также и в *ситуациях свободного, не принужденного общения*, например, обмена новостями с людьми, входящими в одну социальную группу. Обозначим перечисленные три типа ситуаций трансляции от социальной группы индивиду культурного опыта как «энкультурация», «срочная помощь», «коммунальное общение» (рис. 6).

Общеизвестна положительная роль практики в обучении. Совместная деятельность обучающего и обучаемого помогает надежнее овладеть передаваемыми навыками вплоть до выработки моторной памяти и автоматизма в действии. Надо полагать, что в архаичном обществе эта роль была еще сильнее в смысле обучения через совместную деятельность. Мы считаем, что в этом случае термин «вербальная коммуникация» не совсем точно выражает суть. Более корректно будет именовать такую передачу знаний как «вербально-деятельностная коммуникация».

Каждый отдельный актер, являясь носителем культурной традиции, многократно воспроизводит ее, производя в течение своей жизни артефакты определенных типов. Артефакты, будучи материальными продуктами культурного производства, в свою очередь, могут быть проданы, обменены, захвачены, подарены людям, принадлежащим другой культурной среде. Передача артефакта может быть проделана без трансляции присущего ему идеального значения типа, в частности, без технологии его изготовления. Воспроизводство типа одним

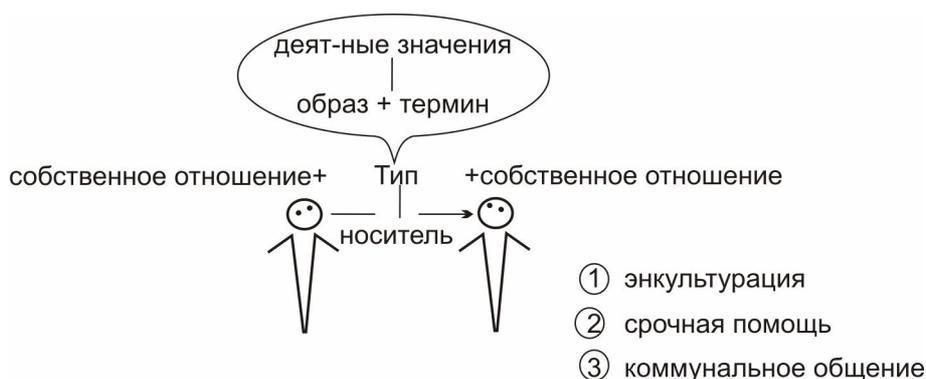

Рис. 6. Схема трансляции типа в ходе акта коммуникации

актором ограничено сроком его активного периода жизни. Продолжительность репрезентации типа отдельным артефактом ограничена сроком жизни вещей перед выпадением их из системы жизнедеятельности социума.

Эмпирически (археологически) мы «натываемся» на факты состоявшейся культурной трансляции типа в тех ситуациях, когда осознаем присутствие вещей одного (или, еще четче, того же самого) типа в разное время и в разных местах. Археология почти никогда не имеет дела с синхронными деятельностными ситуациями (особенно, если они разнесены территориально), чтобы предполагать одну и ту же руку мастера и одну и ту же партию изделий. Местное производство однотипных вещей дает основание говорить не только о передаче артефактов, но и о передаче идеальных значений типа (т. е. знаний и навыков производства и обращения с артефактами данного типа). Устойчивое сохранение стандарта типа может быть выражением плотных, регулярных межпоколенных и межтерриториальных коммуникаций, налаженных процессов передачи знаний новым поколениям. Разрыв этих отношений или ослабление может вести к усилению отклонений от типа, новообразованию типов (David, 1973; Bettinger, and Eerkens, 1999).

Носители типа

С точки зрения описания типа как знака, в семиотической перспективе, мы должны зафиксировать такую онтологическую позицию как носитель типа. Отношение к типам как к само-собой существующим в культуре по аналогии с генами, конечно, не может удовлетворять и должно быть проработано. Выше мы уже определились в представлении типа как знака, где артефакты – знаковая форма, а образ типа и знания о его производстве и задействовании в разных видах прагматики – значение, идеальный тип. Поскольку эти знания выражены в одной или нескольких из принятых знаковых систем, прежде всего, в вербальной – в языке, они свернуты в термин, либо символ. Сворачивание (своего рода, архивирование) знаний и отношений к типу

может принимать, по-видимому, различные формы, в том числе, мифопоэтические. Так, например, Бронислав Малиновский (Малиновский, 1998) указывал на прагматику мифа как руководства к действию в однотипных ситуациях. Роль термина-символа, или иконического знака (по Ч.С. Пирсу (Пирс, 2009)) типа, или артефакта как отдельного представителя типа состоит в катализации памяти в отношении значений типа.

Сегодня существует огромное множество носителей знаков: электронные носители разных видов и бумажные носители в виде книг, документации и прочего являются основными двумя классами носителей. История знает в виде носителей бересту, папирус, пергамент, глиняную табличку, камень. Все они представляют собою способность человека к репрезентации знаний на внешних, отчужденных от самого себя носителях, удовлетворительно пригодных для передачи, хранения и демонстрации сообщений. В отношении каменного века, позднего палеолита – неолита, еще рано говорить о развитой такой способности людей. При том, что, как минимум, существовала наскальная живопись, скульптура, керамика, несущая на себе различные символы-знаки (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004), основными и единственными полноценными в смысле объема и точности передаваемой информации носителями значений типов были сами люди. В этом же смысле стоит утверждение, что люди – носители традиций. Коллективная социальная память, общественное сознание, культурный багаж или опыт, в итоге, суть хранящиеся в памяти людей и активно транслируемые стереотипы эффективного поведения и связанных с ними типов артефактов.

Типы и другие продукты культуры

Мы должны зафиксировать в нашем дискурсе связку «человек – тип – артефакт», причем зафиксировать как три вида продуктов культуры, с которыми связаны три вида культурной трансляции. Это суть: а) передача вещей-артефактов; б) передача в ходе персональной, вербальной и невербальной коммуникации знаний – значений типа, в том числе образцов поведения,

включающего употребление артефактов данного типа; в) перемещение людей-носителей значений типа. Эти три вида коммуникации могут протекать как независимо друг от друга, так и совместно. Можно полагать, что с усилением интеграционных процессов в социуме или между двумя и несколькими социумами все три вида коммуникации будут иметь тенденцию к массовости, комплексности и взаимосвязанности (взаимодополняемости). Интенсивные коммуникации между разными коллективами людей неизбежно будут иметь комплексный характер обмена людьми, идеями, изделиями, ресурсами. К примеру, в работе «Пути к власти» Б. Хайден, исследуя развитие трансэгалитарных обществ, указывал на стратегию контроля лидерами над обменом различных ресурсов – брачным обменом, престижным, экономическим, в частности (Hayden, 1995; Clark, and Blake 1996). Об этом же пути к власти в «Политической антропологии» писал Н.Н. Крадин (2004, с. 124). По-видимому, комплексный характер культурной трансляции имела кула, описанная Б. Малиновским (Malinowski, 2004 (1922), p. 157–158) система поддержания разносторонних (церемониальных, матримониальных, политических, экономических) социальных связей, в центре которой стоял обмен товарами между жителями островов к северо-западу от Новой Гвинеи.

История становления археологической науки прошла через этап концептуализации этих видов культурной передачи в виде научных подходов миграционизма и диффузионизма, развившихся со 2-й половины XIX века. Они достаточно подробно описаны историками науки (Trigger, 1990; Клейн, 2011). В каждом из этих подходов абсолютизировалась как генеральный объяснительный принцип либо идея изменения материальной культуры благодаря миграциям

населения, народов-этносов, либо идея культурной трансмиссии и диффузии – передачи идей и изобретений от одного этноса к другому. Археология как наука развивалась, безусловно, испытывая влияние письменной истории, чьи источники полны были сведений о переселении народов, этносы, как и их герои, были основными субъектами исторических событий. А с другой стороны, растущий национализм наложили отпечаток на археологию в виде подхода миграционизма. Антитеза ему, альтернатива и критика, основанные, в частности, на реконструкции распространения великих открытий Древнего Востока в Европу, выкристаллизовались в концепции диффузионизма и трансмиссионизма (Клейн, 2010). Здесь, в логике развития нашего дискурса, следующего в этом вопросе за Л.С. Клейном, видевшим задачу в синтетическом характере теоретического конструирования, который снимал бы антитезу миграционизма vs трансмиссионизма, эта оппозиция снимается за счет представления миграций и трансмиссий как видов трансляции. Речь о них должна идти как о трансляции разных видов культурных продуктов: а) либо людей-носителей культурных традиций, в том числе типов артефактов (рис. 7а); б) либо только типов и артефактов через коммуникацию, отчужденно от их исходных носителей (рис. 7б); в) либо только артефактов без сообщения присущих им культурных значений (рис. 7в). Причем, большинство археологов согласится в том, что это отнюдь не взаимоисключающие пути культурной трансляции.

Каналы трансляции продуктов культуры

Пути передачи, перевода – трансляции – продуктов, или материала культуры в том же значении, мы обозначим в нашем дискурсе как каналы культурной

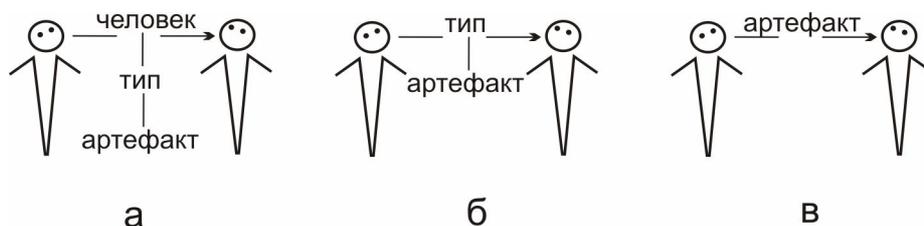

Рис. 7. Схема трансляции различных видов продуктов культуры

трансляции. Л.С. Клейн, выделяя каналы связи, имел в виду различные пути передачи информации в процессах энкультурации и социализации (Клейн, 1981, 2011б). Здесь, очевидно, беря во внимание передачу не только информации, но и артефактов и людей, задача описания каналов трансляции должна ставиться шире. По характеру передачи материала из многих источников одному адресату будем называть такую трансляцию *центростремительной* (рис. 8а). Передачу культурного материала из одного источника многим адресатам, соответственно, обозначим как *центробежную трансляцию* (рис. 8б). По характеру передачи продуктов культуры трансляция может быть *односторонней*, либо *двухсторонней* (рис. 8в). Эквивалентный обмен культурным материалом, как известно, именуется как *реципрокный обмен* (Салинз, 1999; Крадин, 2004; Артемова, 2009). Перераспределение собранных лидером общества ценностей-ресурсов – *редистрибуция* (Крадин, 2004). Двухсторонняя трансляция может быть несимметричной в смысле обмена разными видами материала культуры, например, это выкуп невесты за скот. Назовем такую трансляцию *разновидовой* (рис. 8в). Наконец, исторически-важный эволюционный переход в развитии обмена продуктами культуры произошел в результате появления специальных эквивалентов – средств облегчения и ускорения обмена, каковыми стали разные виды денег. Трансляция продуктов культуры может протекать внутри пространства социальной группы – ло-

кального общества, либо пересекая его границы (рис. 8г).

Трансляция артефактов. Трансляция артефактов происходит как аспект поведения людей в пространстве либо в рамках процессов коммуникации-обмена (коммуникативная трансляция), либо как следствие территориальной мобильности носителей (транспортировка – мобильная трансляция) (рис. 9). В первом случае речь идет о передаче артефакта от одного обладателя другому, или другим. Во втором случае мы имеем дело с переносом артефакта из места А в место В самим владельцем-пользователем.

Вещи могут быть транслированы в социальную группу извне различными путями (каналами), например, такими как: а) дарение, торговля, обмен экономического и престижного характера, в целом, имеющие относительно *добровольный* характер (рис. 9а); б) военный захват, добыча, дань (рис. 9а); в) переход людей-носителей вещей из одной социальной группы в другую (рис. 9б).

Речь может также вестись о передаче уже готовых артефактов: а) новых; б) использованных («бэушный сэконд-хэнд»), либо сырья и полуфабрикатов, необходимых для изготовления артефакта (таковым, например, является российский сырьевой экспорт); в) либо на разных стадиях трансляции артефакты претерпевают производственную модификацию по схеме «сырье – полуфабрикат – продукт».

В зависимости от возможности прямого получения, либо через коммуникацию артефакты и исходные материалы должны

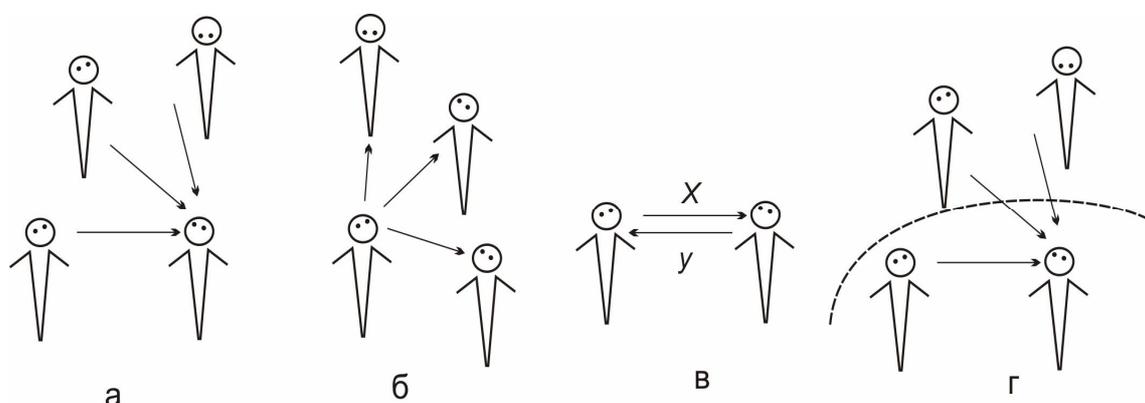

Рис. 8. Схемы видов трансляции: а) центростремительной; б) центробежной; в) двусторонней разновидовой; г) внутри социальной группы и межгрупповой

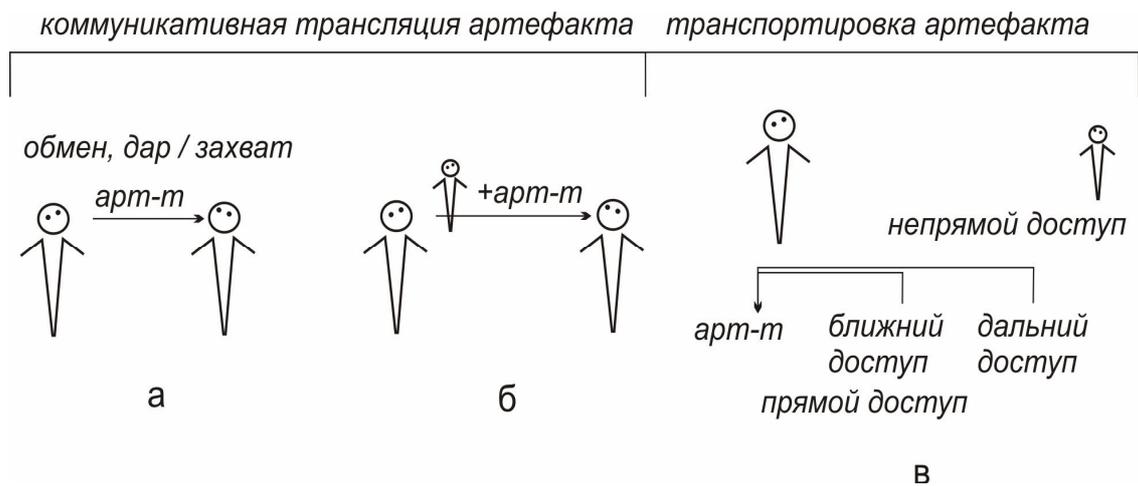

Рис. 9. Схемы трансляции артефакта: а) коммуникативная трансляция добровольного, либо насильственного характера; б) переход людей-носителей артефактов; в) транспортировка артефакта с источников прямого/непрямого, ближнего/дальнего доступа

быть определены как ресурсы прямого, либо непрямого доступа (рис. 9в) (Инешин, Тетенькин, 2011). Для ресурсов, происходящих с мест, охватываемых циклами обитания-мобильности населения (годовыми циклами, прежде всего), предлагается обозначение *ресурсы ближнего доступа*. Для ресурсов, выходящих за пределы циклической мобильности населения, соответственно, введем обозначение *ресурсы удаленного доступа*. Чаще всего это должен быть удаленный не прямой доступ. В этом случае транспортировка артефакта сопряжена с коммуникативной трансляцией.

Материальные артефакты включены в деятельностные процессы, имеющие иную актуальность, иные параметры развития, нежели чем культурные процессы существования идеальных типов. В частности, трансляция артефакта – его транспортировка – должна характеризоваться следующими показателями: 1) вес и другие физические свойства; 2) количество транспортируемого вещества; 3) средства транспортировки (лодка, волокуша, собачья или оленя упряжка и др.); 4) маршруты транспортировки (водный, по льду, вдоль реки, через водораздел и т. д.); 5) ценность артефакта как ресурса для удовлетворения индивидуальных и групповых (социальных) потребностей; 6) срок жизни-амортизации артефакта; 7) вид прагматики.

Для археологии важной особенностью вещественной трансляции (транспортировки) является ее территориальный характер

и, практически, «нулевые временные свойства». Срок жизни артефакта неизмеримо короче срока жизни его типа. Для артефактов утилитарной хозяйственной прагматики он достаточно короток, в пределах возможностей ограничивается сроком жизни нескольких поколений. Установление таких связей привлекательно возможностью выявления именно событий человеческой деятельности, моментальных в масштабе культурной и археологической шкалы, маркирования хозяйственно осваиваемых территорий, направлений мобильности древнего населения. На этой основе мы вправе говорить о синхронности освоения захваченных такой связью мест ландшафта и их функциональной (процессуальной) взаимосвязи.

Трансляция людей – носителей типов. Следующий тип трансляции материала культуры – трансляция людей – носителей типов. В той мере, в какой сознание людей сформировано культурой общества, люди сами являются продуктами или, в том же значении, материалом культуры. Как таковые люди могут быть расположены в одном ряду с другими видами материала культуры – типами и артефактами. Люди являются носителями идеальных значений – типов, производителями артефактов. Трансляция людей имеет свои каналы-пути, или иначе свою специфику, в общем случае охватываемую термином «миграция». Вслед за Ю.В. Бромлеем (1973) будем различать массовую и микромиграцию. Последняя будет иметь харак-

тер персональной, либо групповой (миграция отдельной семьи, общины, специфической социальной группы).

В наше время количество возможных путей миграции людей велико, и, пожалуй, трудно составить исчерпывающий перечень таких каналов. Это, например, добровольная смена жительства и вынужденная в роли беженца, учеба, работа, представительство, туризм, браки, депортация, оккупация, шпионаж и др.

Применительно к ситуациям древности, реконструируемым археологией, предложено довольно много перечней критериев миграций в работах ... (об этом: Клейн, 1973). Редукция этих разработок до «сухого остатка» в виде перечня типичных каналов миграции людей может иметь следующий вид. Люди – носители типов и вещей могут быть перемещены в результате: а) брачных связей; б) как военнопленные; г) маргиналы-изгои, «лишние» люди избыточного населения; д) как торговые и политические агенты; е) в результате переселения социальной группы, становящейся на новом месте: е-1) большинством; е-2) меньшинством; е-2.1) меньшинством господствующим; е-2.2) меньшинством подчиненным.

Один из самых фундаментальных видов персональной миграции, имеющий характер обмена людьми, безусловно, восходящий корнями к ранней первобытности, имеющий в основе своей принцип экзогамии, – брачный обмен (Hayden, 1995; Крадин, 2004; Артемова, 2006).

Особенностью трансляции людей как типа культурной трансляции является то, что типы переносятся самими носителями. Например, многим сельскохозяйственным культурам местное население Бодайбинского района Иркутской области и Ленского района Якутии в середине XX века было обучено ссыльными прибалтами – эстонцами, латышами, литовцами. Коммуникация как передача традиций имела растянутый характер совместного проживания в одной локальной социальной группе. Но в целом внедрение инноваций происходит быстрее и успешнее (легче), если они принесены людьми, влившимися в местное население, нежели чем они были бы заимст-

вованы трансляцией только знаний и типов, в частности.

Другой важнейший вид – массовая миграция. Именно она легла в основу археологических концепций миграционизма. Развитие их ведет к формированию общей теории археологических миграций. В отечественной археологии наибольший теоретический вклад в этом направлении сделан Л.С. Клейном (Клейн, 1973, 2010, 2014).

Каналы трансляции идеальных типов. Сегодня человечество накопило громадный опыт трансляции идей различными каналами. Из наиболее массовых назовем Интернет, телевидение, радио, печать. Прогресс идет по линии способности отчуждения в знаковых формах идей от людей и переноса на иные носители. Магистральная линия, судя по всему, состоит в развитии скоростей оперирования знаками-текстами сообщений, конвертации с одних носителей на другие, хранения-архивирования и оперативности развертывания, роста объема оперируемой информации. В этом отношении электронные носители знаний и сетевое их объединение в глобальный Интернет дают впечатляющие результаты. «Эре Интернета» предшествовал исторически долгий период книгопечатания, и традиция опоры на бумажные носители текстов до сих пор в очень многих сферах (включая делопроизводство и судопроизводство, а также и систему образования) сохраняет доминирующие позиции.

Основным способом передачи знаний, в том числе типов артефактов в дописьменных, догосударственных, так называемых, традиционных обществах мы считаем персональную коммуникацию на вербальной основе. О вербальном характере межличностной коммуникации именно лишь как об основе можно говорить, полагая возможность сопровождения речи невербальными средствами ее усиления: жестами, мимикой, имитацией, демонстрацией (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004). Археологам каменного века известны такие типы знаков как иконические рисунки и скульптуры, индексы – абстрактные ритмичные орнаментальные простейшие знаки – короткие «зарубки», длинные линии,

«точки» и пр. (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Кокорина, Лихтер, 2010). Уровень развития знаковых систем в позднем палеолите – мезолите, вероятно, также и уровень развития способностей мышления и в том числе семиозиса – кодификации идей в знаковых формах – не допускали иных, безвербальных способов передачи технологий производства и многообразных смыслов включения в деятельность артефактов.

Таким образом, мы исходим как от базовой посылки, что идеи типов могут быть заимствованы через персональную коммуникацию: а) внутри социальной группы, прежде всего, родственной группы, между членами коллектива; б) через контакты людей в пограничных районах; в) через контакты с людьми, перемещенными на данную территорию; г) через контакты людей-представителей, перемещенных в чужую территорию и социальную группу. Общение, знакомство с чужим опытом, обучение через совместную деятельность являются механизмами передачи технологий изготовления артефактов. В случае систематичной и повторяемой коммуникации можно ожидать большего успеха в усвоении знаний получателем, чем в результате случайной и разовой ситуации.

Л.С. Клейн упоминает каналы связи – это очаги энкультурации и социализации личности такие как семья, школа, двор, армия, литература и др. (Клейн, 2011б, с.466).

Л.Л. Кавалли-Сфорца с соавторами (Cavalli-Sforza et al., 1982) предложили такие каналы трансляции (трансмиссии) как передача от родителей к детям (вертикальная трансмиссия), от сверстника сверстнику (горизонтальная трансмиссия), от одного (учителя) многим (ученикам), от многих одному.

В археологии критерием трансляции идеальных типов является обнаружение морфо-типологически однозначных вещей, сооружений, деталей в разных пунктах, разного времени и в каждом случае местного производства. Так, например, распространение желобчатых наконечников Фолсом на Великой равнине США на рубеже плейстоцена – голоцена оценивается в ключе сети отношений культурной транс-

миссии (MacDonald, 1998). Диффузный характер распространения типов и их артефактов породил в археологии концепцию диффузионизма (Клейн, 1973, 2010, 2014; Trigger, 1990). Она является антитезой и альтернативным объяснительным подходом миграционизму, предлагая взамен идею импортов, влияний, заимствований.

Комплексный характер трансляции

Выделенные виды трансляции условны в смысле ограниченной их самостоятельности. За общее правило следует полагать комплексный характер их проявления, причем, чем более интенсивны контакты между двумя или несколькими социальными группами, тем более комплексный и разнообразный характер принимает коммуникация. Так, вслед за обменом вещами и наряду с ними во множестве этнографических случаев можно наблюдать обмен разнообразными знаниями и в том числе технологиями производства артефактов (т. е. типами артефактов), а также брачный обмен. Более того, лидеры социальных групп все многообразные виды обмена берут под свой контроль с целью усиления личного авторитета (Hayden, 1995; Hayden et al., 1985). Аналогично и миграция населения сочетается с диффузией и аккумуляцией, трансформирующей локальные культуры (Kristiansen, 2005a: 78). По мере возрастания интенсивности социальных связей возрастают плотность и многообразие линий обмена культурным материалом: идеями, людьми, вещами. Скажем, на начальном этапе завязывания социальных отношений между двумя и несколькими социальными группами мы увидели бы единичные, инициальные контакты, такие как обмен дарами, имеющий реципрокный характер. С развитием межгрупповых отношений обмен вещами примет массовый характер и будет иметь не только социально-престижную, но и экономическую прагматику, а поверх него разовьются линии обмена брачными партнерами, обмен идеями и в том числе технологиями – идеальными типами. На этой основе налаженных многообразных обменных связей логически допустимо вырастание надстроеч-

ных структур социальной интеграции сверхуровня (Зиновьев, 2000; Крадин, 2004).

Барьеры трансляции

Распространение вещей прямым обменом и опосредованно через перенос людьми и передачу, и воспроизводство идей имеет диффузный характер. Можно вновь вспомнить примеры широкого трансрегионального бытования вещей и технологий их изготовления. Это, например, торцовые нуклеусы для снятия микропластин. Широкое распространение артефактов проходит сквозь культурные границы локальных человеческих популяций. Иначе эти границы можно определить как барьеры на пути трансляции технологий и артефактов.

Барьеры трансляции, таким образом, – это препятствия на пути передачи-обмена продуктами культуры, осложняющие или вовсе не допускающие прохождение данных процессов (рис. 10).

В наши дни к барьерам трансляции можно отнести: 1) языковые; 2) религиозные; 3а) государственные-управленческие; 3б) государственные-идеологические; 4) субкультурные социально-психологические (гендерные, возрастные, классовые, сексуально-ориентированные, лагерные и др.); 5) этнические; 6) интеллектуальные; 7) технического обеспечения; 8) индивидуально-психологические; 9) географические и другие препятствия. Применительно к архаичным, логически простейшим и исторически ранним обществам допустимо

ожидание действия в той или иной мере всех данных барьеров за исключением государственного. Однако само по себе отсутствие государства не означает отсутствия в социуме функции и сферы политического властного управления и лица или группы лиц, выполняющих эту социальную – потестарную – роль (Зиновьев, 2000; Крадин, 2004). Большинство барьеров культурной трансляции можно определить как культурные границы социальной группы.

Суть значительной части культурных границ-барьеров лежит в механизме идентифитета: выставлении для своего поля границ «свой – чужой». Наибольшее предпочтение стать «своими» имеют те артефакты, что были интериоризованы, то есть психологически воспринимаются как «свои». Это возможно, по-видимому, когда: а) артефакты данного типа здесь изобретены, либо модифицированы; б) стали «своими» в силу длительного их обращения в деятельности; в) имеют знаково-символический характер в культуре, играют определенную роль в идеологической сфере, по А.К. Байбурину, обладают высоким семиотическим статусом (семиотический статус вещи – конкретное соотношение «знаковости» и «вещности» и соответственно символических и утилитарных функций (Байбурин, 1989, с. 71)).

Для иноэтничного окружения артефакты становятся «чужими» в обстоятельствах восприятия их как символов, репрезентирующих собой чужой этнос, социальную группу. Это могут быть намеренные

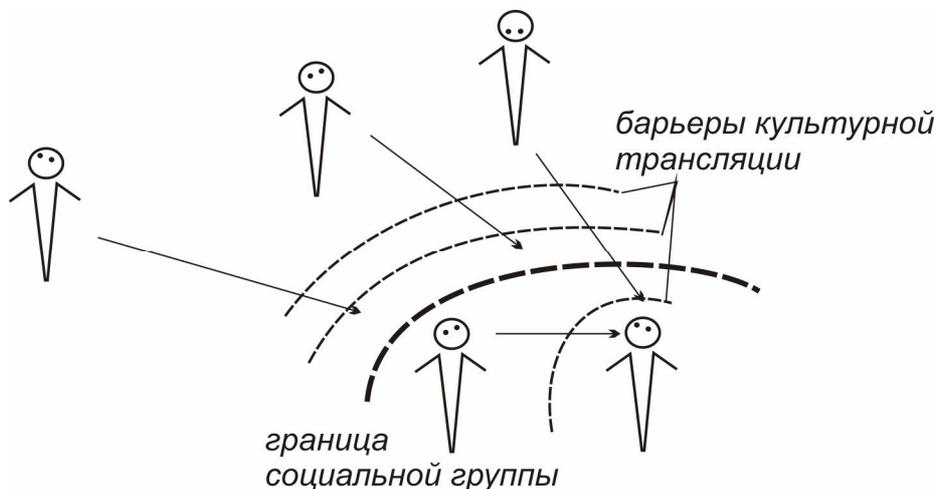

Рис. 10. Схема барьеров культурной трансляции

маркеры-индексы либо ненамеренные символы – вещи, исторически ассоциирующиеся с данной чужой группой. Большую вероятность стать таковыми имеют, по видимому, предметы экстраутилитарного, знаково-символического назначения.

Перевод артефактов и их типов через границу «свой – чужой» происходит благодаря ряду условий:

А. Оценки получаемой с употреблением артефакта пользы, которая перевешивает все возможные негативные последствия и которая выше эффективности собственных, местных аналогов.

Б. В результате предпринятых мер по интериоризации артефакта. Например, это может быть модификация его формы. Сохраняя свойства артефакта, необходимые для выполнения основной его функции (денотат), люди изменяют форму, имеющую дополнительные значения (коннотат). Часто такая модификация выражается в нанесении на форму знака-индекса, маркирующего принадлежность к новой социальной группе.

В. Экспорт артефакта в иную социальную среду возможен также, если получатели в силу соответствующего образовательного, культурного уровня способны к восприятию и воспроизведению технологий получения артефактов и их употребления. Чем ближе уровни развития культуры обеих, принимающей и транслирующей сторон, тем больше шансов для реализации этого условия. Отсутствие надлежащей сырьевой базы может стать препятствием для усвоения инновации.

Г. Какая-то группа предметов имеет своей основной функцией обеспечение пограничной коммуникации. По-сути, это артефакты – коммуникативные медиаторы. Это, например, верительные грамоты, подарки.

Д. Импортные предметы рассматриваются как средства поднятия социального престижа новых обладателей.

Еще один из существенных факторов, способных выступить в роли барьера трансляции, либо наоборот стимулировать ее, является плотность населения. В первобытных обществах с присваивающей экономикой плотность населения есть величи-

на производная от концентрации пищевых ресурсов на территории (Jochim, 1981). Чем большими пищевыми ресурсами обладает экологическая ниша, тем выше плотность населения. Рост ее идет как за счет воспроизводства автохтонного населения, так и за счет пришлых групп, привлеченных благоприятными условиями жизни. Собственно большая плотность населения вместе с оседлостью и правами доступа и контроля за пищевыми ресурсами всегда являлись факторами социальной стратификации и политогенеза (Hayden, 1995). Возникающие вслед за этим конкуренция и конфликты в борьбе за ресурсы становились барьером для свободного обмена культурным опытом. Межгрупповые браки и трансрегиональная престижная торговля, являясь способами мирного решения конфликтов интересов, наоборот, становились каналом обмена вещами, технологиями, людьми.

Низкая плотность населения, обусловленная низкой пищевой продуктивностью территории, порождает такие особенности социальной жизни как территориальная рассредоточенность популяции (этнической группы). Отсюда напряженность поддержания экзогамных брачных отношений побуждает к открытому и толерантному отношению к пришельцам. Дисперсное расселение группы становится причиной низкой сопротивляемости к инокультурным инновациям. Сопутствующим и побуждающим мотивом здесь должен быть низкий барьер идентичности, слабая степень осознанного противопоставления этнически «своего» «чужому». Индивидуальное, в течение значительного времени года изолированное хозяйствование побуждает в борьбе за существование к активному заимствованию эффективных адаптационных, технологических инноваций. Отсутствие четких политических, родовых границ для населения территорий низкой продуктивности, кочевые миграции значительного диапазона также ведут к культурной открытости, прозрачности культурных границ для инноваций. В целом, можно утверждать, что низкая плотность населения является фактором, благоприятствующим культурному обмену.

Вместе с низкой плотностью населения факторами, замедляющими культурный обмен, нарушающими нормальный, систематичный его ход, то есть выступающими в роли барьеров, являются такие географические особенности, как изрезанность береговой линии, орографические или пустынные барьеры, удаленность территорий обитания одних социальных групп от других, границы различных ландшафтно-климатических зон и агрегативность биоресурсов, концентрированных в дискретных экологических нишах, приводящая к борьбе за ресурсы.

Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007) обращают внимание на когнитивные структуры, которые они в том же смысле, что и введенный нами термин «барьеры трансляции», именуют фильтрами. «Внутренне люди пропускают информацию через когнитивные структуры (или фильтры), которым обучаются (Gabora, 2004) и к которым жестко привязаны (Tooby and Comsides, 1992), таким как биологические ограничения человеческого тела (Eerkins, 2000; Eerkins and Lipo, 2005). Эти фильтры влияют на контент и на контекст, и на мод, в которых трансмиссия информации имеет место и может трансформироваться, отсеиваться и добавляться к переданной информации. Как таковые они производят очень сложный эволюционный процесс сравнительно с геной трансмиссией» (Eerkins and Lipo, 2007, p. 264).

Принимая во внимание этот довод, мы полагаем, что следует различать коммуникативные трансляционные барьеры индивидуального и группового уровня.

Стимулы трансляции

Смысловой противоположностью барьеров трансляции являются стимулы – обстоятельства, условия, способствующие успеху трансляции продуктов культуры. Например, Р. Бойд и П. Ричерсон сообщают, что коммуникация успешнее проходит между людьми, разделяющими: 1) общие убеждения; 2) общий дресс-стиль, диалект и другие, легко различимые культурные черты; 3) имитирующими успешных людей (Boyd and Richerson, 2005, p. 119). Успех трансмиссии зависит от аккуратности пере-

дачи и настойчивости в воспроизводстве, до тех пор, пока транслируемые варианты не станут моделями для других (Boyd and Richerson, 2005, p. 57).

Центральным пунктом своей концепции культурной трансмиссии Р. Бойд и П. Ричерсон (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005) сделали стимулы привлекательности следования общепринятым моделям поведения (конформистская трансмиссия), моделям поведения успешных, престижных людей (престижная трансмиссия). К этим видам трансмиссии люди прибегают, когда, в частности, самостоятельная оценка выгоды инновации недоступна, затратна, и проще воспользоваться чужим опытом (Boyd and Richerson, 1985, p. 135–136). Это не прямые стимулы культурной трансмиссии. К ним Бойд и Ричерсон добавляют и собственно прямой стимул – рационально осознаваемое преимущество предлагаемого культурного варианта. Такой рациональный стимул они определяют как естественную культурную селекцию (Richerson and Boyd, 2005, p. 69).

Глубина восприятия транслированного типа

Выше мы уже назвали интеллектуальный барьер коммуникации, упоминали и о сложностях восприятия типа, связанных с отсутствием необходимых технических и сырьевых условий. Логика действия этих барьеров ведет к различной полноте восприятия транслируемого типа. Масса этнографических примеров, отдающих анекдотизмом ситуации, свидетельствует о непрофильном использовании вещей индустриальной культуры, связанным с непониманием их назначения. Оттолкнемся от этого «нулевого» уровня трансляции, означив его как *фетишная трансляция* (рис. 11а). Под этим будем иметь в виду получение вещи без восприятия ее идеального типа и наделение ее несвойственными изначально значениями. Фактически, это чистый ресемииозис с полным отсутствием в новом значении следов предшествующего. Чаще всего, понятно, что люди «используют айфоны для пускания солнечных зайчиков», потому что имеют место существенно

отличные культурно-образовательный и технологический уровни передающей и получающей сторон.

Следующий в развитии глубины уровень восприятия транслированного типа представляет понимание принимающей стороной основной функции артефакта, заинтересованность в нем именно в смысле запроса на эту функцию и, соответственно, потребление. Такой трансляцией, например, является торговля, экономический обмен. Одна из сторон приобретает артефакты-товары для своих нужд, произведенные второй стороной. Назначение этих артефактов как средств деятельности известно. Поскольку усваивается лишь одна или ограниченный набор функций артефакта и его типа, назовем этот уровень как *неполная трансляция типа* (рис. 11б).

Третья степень глубины трансляции представляет собой *полную трансляцию типа* (рис. 11в). Речь идет о передаче всех основных компонентов типа: артефактов, термина, идеального значения типа, включая связанные с ним образцы деятельности и поведения. Вполне вероятно, что не все сопутствующие коннотативные смыслы будут адекватно восприняты, более чем вероятно, что будут присвоены новые, но будут переданы технологии производства ти-

па и налажено такое производство. В нашей тематике финального палеолита – мезолита Восточной Сибири, Дальнего Востока и Аляски наиболее зримым примером феноменом такой полной трансляции типа является распространение микропластинчатого расщепления.

По В.С. Николаеву, Т. Масумото, М.С. Кустову, в начале II тыс. н. э. в Предбайкалье были попытки местного производства бронзовых зеркал китайских типов, но все отливки были низкого качества. Освоить технологии производства зеркал адепты не смогли в полной мере (Николаев и др., 2008, с. 192).

Две упоминавшиеся уже модели полной трансмиссии технологий – *indirectly biased* и *guided variation transmission* предложили Бойд и Ричерсон (Boyd and Richerson 1985, p. 94–95, 243; Bettinger and Eerkens 1999, p. 236). Передача под косвенным влиянием (*indirectly biased transmission*) – по замыслу авторов, есть усвоение новой технологии полностью, без отклонений, когда воспроизведенная деятельность и ее продукты, например, наконечники стрел, заимствуются идентично предпочтительному образцу. Этот тип трансмиссии предполагает групповое обучение, он производит гомогенную в смысле усвоенного

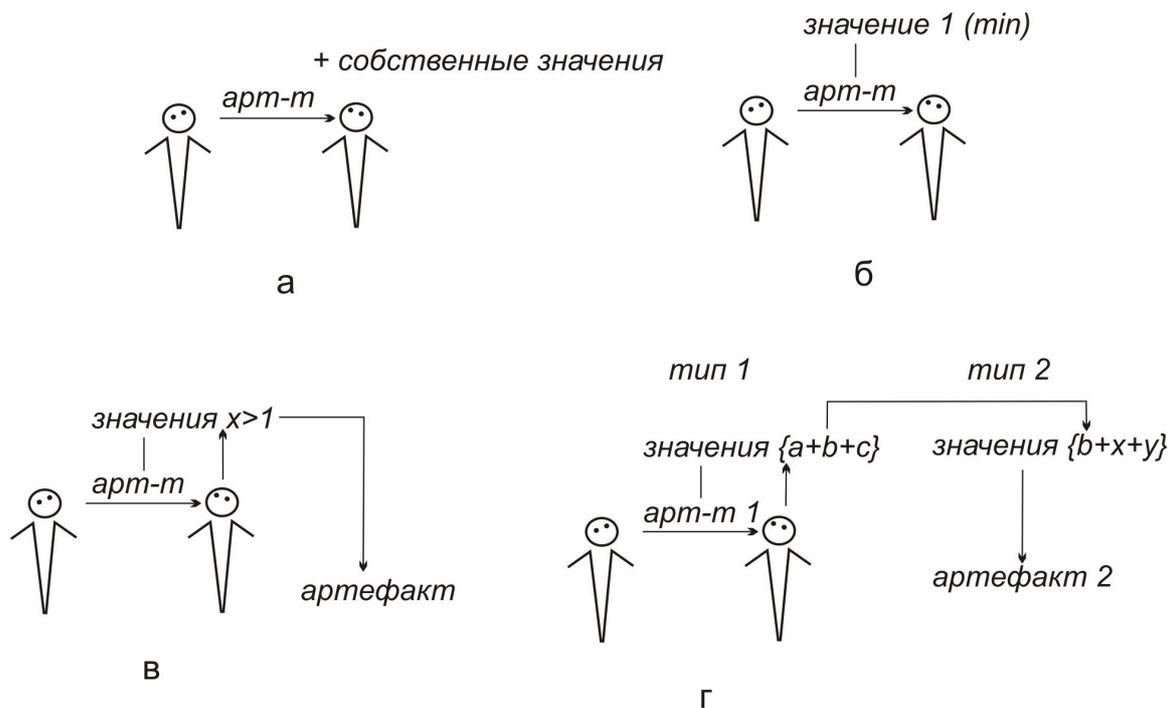

Рис. 11. Схемы различной глубины трансляции артефакта и его типа: а) фетишная трансляция артефакта; б) частичная трансляция типа; в) полная трансляция типа; г) распределенная трансляция

образца деятельности социальную группу. Передача *guided variation* предполагает индивидуальное обучение существующим в культуре образцам путем проб и ошибок, личной подгонки и модификации. В результате новые образцы производства по перенятой технологии будут значительно варьировать в зависимости от индивидуального почерка и статистически отличаться от образца. Авторы работы о наконечниках Калифорнии и Невады указывают, что такая трансляция возможна в условиях существующего языкового и этнического барьера и иных причин (Bettinger and Eerkins, 1999). С нашей точки зрения, среди главных причин следует говорить о нестрогой передаче типа с выпавшим рядом его значений в случае *guided variation* (проведенного варианта) трансмиссии, и более строгой в смысле полноты значений трансляции типа во втором случае *indirectly biased* (непрямой стимулированной) трансмиссии.

Последнюю и наивысшую степень трансляции и глубины ее восприятия мы видим в ситуациях распредмечивания типа, о чем выше уже говорили. Это способность принимающей стороны использовать отдельные аспекты технологий и формы типа в совершенно других целях и ином типопроизводстве, способность найти новое применение существующим изобретениям, например, пороху. Массу таких примеров представляет архитектура с элементами античных и средневековых ордеров, керамика с узнаваемыми элементами заимствованного декора, упомянем также примеры перекликания (использования) мотивов орнаментов ымыяхтахской керамики и сейминско-турбинских бронз (Федосеева, 1980). Обозначим этот уровень как *распредмеченная трансляция* (рис. 11г).

Получение индивидом знаний о типах. Привнос в культуру социальной группы знаний о типах

Основным способом передачи социумом (локальной социальной группой) индивиду типов, как известно, является обучение, или энкультурация, социализация. В ходе нее с детских лет от старших членов коллектива прививается основной комплекс

навыков управления процессами жизнедеятельности, в том числе и необходимый, принятый в данном социуме набор типов артефактов (рис. 12а). Со временем, как мы знаем, обучение приняло институциональный характер школ. К моменту инициации и обретения самостоятельного дееспособного статуса человек уже является носителем всего, или какой-то значительной части культурного багажа, включая типы. Соответственно, по необходимости человек обращается уже к собственной памяти, хранящей знания.

Если возникают ситуации нештатные в смысле отсутствия знаний, необходимых для их преодоления, индивид обращается за помощью к социальному окружению, к людям более старшим, опытным, авторитетным. В архаичных обществах охотников-собирателей ближайшее окружение индивида будет состоять из родственников. В крайних случаях необходимости и отсутствия искомого знания в социальной группе индивид может обратиться за помощью во вне собственного социума, к другим группам (рис. 12б). Вероятнее всего, что обращение к внешним, соседним группам будет основано на существующих уже экзогамных брачных связях. Этот вариант заимствования знаний, включая идеальные типы, извне в социальную группу имеет окказиональный характер возникшей потребности и «точечного» в этом смысле запроса.

Однако значительная часть типов артефактов в социальную группу извне попадает независимо от внезапно возникших потребностей одного из ее членов. Заимствование типов происходит в процессах коммуникации, когда люди принимающей социальной группы, столкнувшись с новыми чужими образцами поведения и связанными с ними новыми типами, оценят положительно последние и проявят интерес к самим артефактам, во-первых, и к технологиям их производства, во-вторых (рис. 12в). Прагматика заинтересованности может быть как хозяйственная (то есть вещь нового типа эффективнее аналогичного собственного артефакта), так и социальная, связанная с возможностью повысить свой социальный авторитет и статус за счет обладания новыми импортными вещами. По-

сколькx зачастую в традиционных акефальных и потестарных догосударственных обществах внешние связи с миром и культурный обмен контролируют лидеры (бигмены, вожди) (Hayden 1995; Крадин, 2004), то вполне можно ожидать, что первыми обладателями импортных вещей будет элита. Во всех этих обстоятельствах заимствования обретение вещей и типов индивидом, а следом за ним и социальной группой, было делом намеренным и сознательным. Типы отчуждались от прежних своих носителей во внешних социальных группах.

Во множестве случаев социализации (в подавляющем большинстве случаев) заимствуются не собственно типы артефактов, перенимаются-передаются образцы поведения, типы деятельности, а уже в связи с ними те типы артефактов, которые необходимо связаны с осуществлением этой деятельности. Транслируются технологии производства артефактов, образцы применения их в работе, коннотативные оценки ценности, статусности и прочее. Важно подчеркнуть здесь, что заимствуется совокупность типов артефактов (рис. 12а).

Иное дело случаи внешних контактов с людьми, принадлежащими другим социальным группам. Здесь знакомство с типами может начаться и с другого конца – со знакомства с артефактом и конкретными манипуляциями с ним в труде (рис. 12в).

В ситуациях обращения взрослого (т. е. дееспособного, социализированного) индивида к опытному социальному окружению ответ будет содержать советы по коррекции усвоенного типа деятельности, правильности исполнения предписанных норм, операций, манипуляций с орудиями. В необходимых случаях могут быть переданы новые для индивида типы артефактов (рис. 12б).

Общение индивида с социальным окружением имеет, конечно, постоянный характер, не только связанный с обстоятельствами «форсмажора». В таких немотивированных обстоятельствах может состояться знакомство индивида с новыми типами – «новинками», появившимися в культуре социальной группы извне, либо благодаря изобретению кем-то в самой социальной группе (рис. 12в). Мотивация принятия нового типа может быть различна: а) либо это

очевидная эффективность нового типа в сравнении со старым, типом-предшественником (*direct biased transmission*); б) либо это авторитет социально престижной части населения – бигменов, элиты, старшего поколения (таков, например, механизм трансляции моды в обществе) (*prestige biased transmission*); в) в некоторой части случаев принятие типа связано с манифестацией им как маркером локальной социальной субгруппы возрастного, полового, классового, профессионального или иного узкоспециализированного характера; г) возможен также конформистский мотив принятия типа вслед за большинством членов социальной группы (*conformist biased transmission*). Важно подчеркнуть, что все названные виды усвоения актором новых типов артефактов работают в различных ситуациях, через которые в своей жизни проходит человек. Если первый из них, энкультурация и социализация имеет некоторый возрастной рубеж, то остальные два такого ограничения не имеют. Из этого следует также, что ни один из них не может целиком представлять социум и, соответственно, как-то характеризовать его мобильность культурного восприятия.

Появление нового типа в культуре социальной группы

Существование типа в культуре социальной группы подвержено давлению со стороны новых входящих типов, альтернативных старому типу полностью или частично. Или иначе, *почти всегда место каждого нового типа занято уже существующим «старым» типом*. Знакомство с новым типом это, прежде всего, знакомство с новым артефактом. Это оценка способности его эффективно заменить: а) имеющийся артефакт в существующем виде деятельности; б) не только сам артефакт, но и предложить новый вид деятельности (например, новые айфоны функционально больше, чем телефоны). На пути нового артефакта и нового типа стоят *барьеры интeриоризации* (смены отношений «свой – чужой»), *интеллектуального и ресурсного соотвeтствия уровней сторон, принимающей и отчуждающей тип, семиотический статус вещи, связанный с утилитарной*

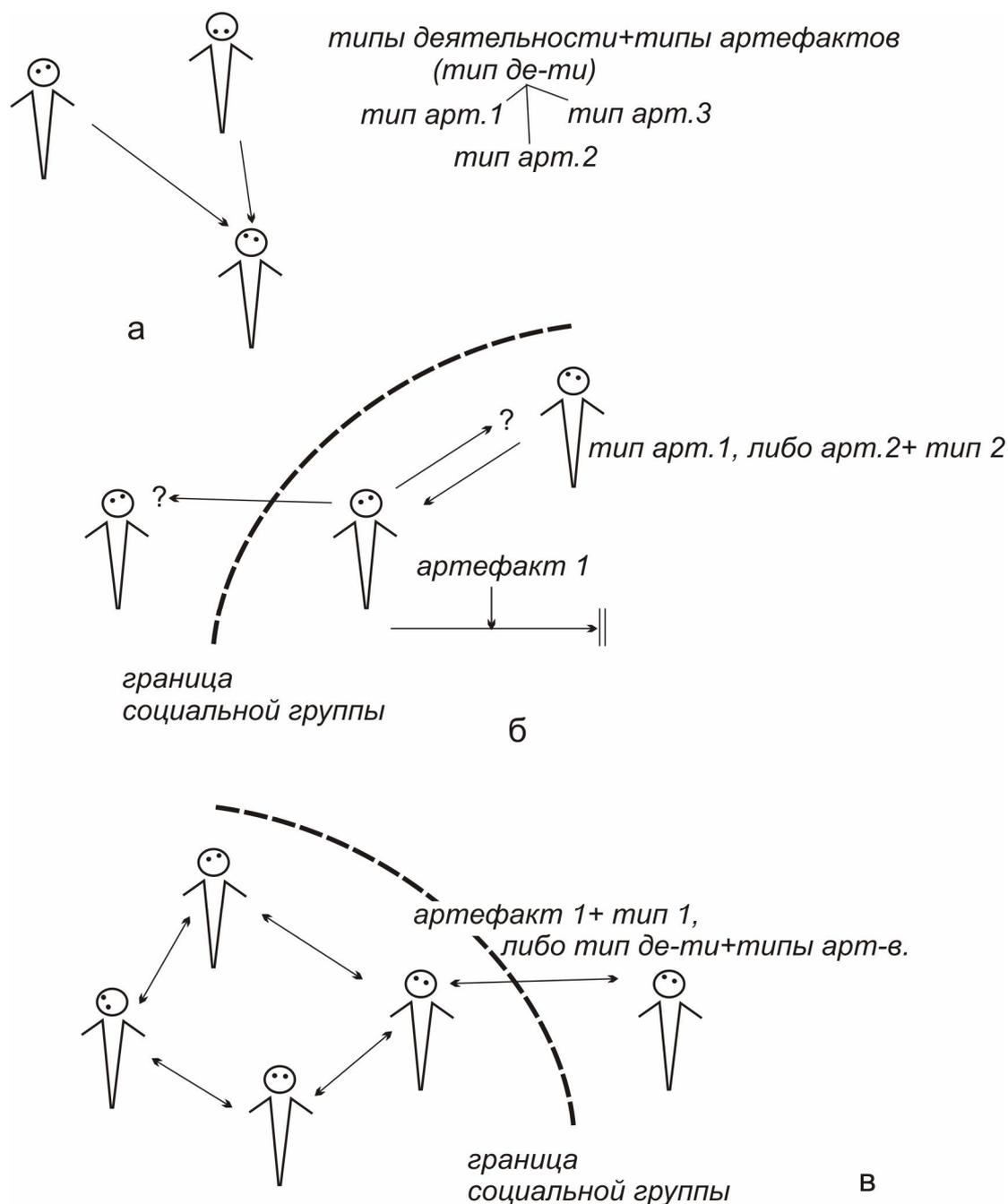

Рис. 12. Схемы получения типов артефактов актором: а) обучение, энкультурация – усвоение многих видов деятельности и принадлежащих им многих типов артефактов; б) обращение актора за помощью, коррекция типа имеющегося артефакта, либо передача нового артефакта и его типа; в) немотивированная коммуникация – знакомство с новыми типами

или неутилитарной социетальной либо идеологической прагматикой, инерция предпочтения старого новому.

С другой стороны, «свой» тип артефакта имеет преимущества культурной идентичности, длинной истории принадлежности людям (и в том числе предкам) данной социальной группы, поддержан авторитетом старшего поколения и в этом состоянии может выступать в роли маркера социальной группы, а затем, по мере уступки

позиций новому типу, в роли маркера какого-либо общественного сегмента (старого поколения, бедных слоев, окраинного населения и др.). В случае возникновения проблем с использованием артефакта нового типа люди могут вернуться к опыту использования старого испытанного артефакта. Так в случае поломки компьютера про запас хранится старая печатная машинка.

К. Кристиансен различает *инновацию* как часть продолжающегося процесса по-

степенного введения новых элементов и *инвенцию* как введение совершенно нового изобретения, который ведет к совершенно новым социальным практикам (Kristiansen, 2005b, p. 151). Примером инвенции может быть изобретение колеса.

Один из возможных механизмов распространения нового типа в культуре социума мы видим в механизме моды. Элита рассматривает артефакты нового типа как предметы, усиливающие престиж, принимает их и демонстрирует. Остальные слои общества в стремлении подражать нобилитету охотно перенимают новинки, имитируют, воспроизводят.

Стремление заменить выходящие из амортизационного срока жизни новые артефакты побуждает не только наладить их регулярную закупку, но и местное производство. С другой стороны, элита может быть заинтересована в ограничении доступа к предметам престижа низших слоев населения (Hayden, 1995).

Сосуществование типов с другими типами

Культура социума, отдельно взятой социальной группы, естественно, состоит из множества различных типов. Рамочным принципом, задающим упорядоченность типов в культуре, является действующая в обществе картина мира (worldview в культурной трансмиссии Е. Эркинса и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007, p. 244)). В его пределах мы можем вывести ряд закономерностей сосуществования типов с другими типами:

1. *Конкурентное напряжение.* Сосуществование с новыми, иными привходящими типами, о которых выше мы уже говорили.

2. *Наследование черт предыдущего типа.* Неоднократно отмечено, что новые типы несут ряд черт предшествующих им типов, функционально, возможно, уже и не нужных. Таковыми являются, например, ранние автомобили, имеющие форму карет и колясок (Степанов, 1997), галстук вместо шейного платка (Клейн, 2011а, с. 450). О. Монтелиус эти пережитки называл типологическим рудиментом, форма которого обусловлена прежним функциональным назначением предшествующего типа, в но-

вом типе уже не имеющим практического функционального назначения и изготовленным по традиции (Клейн, 2011а, с. 449).

3. *Сочетание с другими типами, обязательными в процессе и сфере данной деятельности.* Например, сочетание гвоздя и молотка, тарелки и ложки и т. п. Каждый вид деятельности имеет набор необходимых в работе инструментов, вещей, конструкций. Так, мы можем говорить о наборе инструментов хирурга, а также о вооружении первобытного охотника эпохи финального палеолита.

4. *Появление нового типа на основе данного типа.* Речь идет о непрекращающемся семиотическом процессе типобразования, материалом для которого может выступить и уже состоявшийся тип.

5. *Сосуществование с альтернативными типами-дублерами,* способными заменить данный тип, восполнить его недостатки, решить проблему иными техническими способами. Речь идет об адаптивной избыточности культуры: способности противостоять различным угрозам, решать задачи, имея для подстраховки альтернативные средства (Маркарян, 1983). Так есть несколько способов и приспособлений, чтобы разжечь огонь, есть различные виды транспорта, различные каналы связи, различные носители для хранения информации и т. д.

6. *Стилевое сочетание с другими типами по принципу маркирования групповой социальной идентичности и принадлежности.* Таковыми, например, могут быть сочетаемые друг с другом предметы престижа, или атрибуты различных субкультур.

Проблема определения границ социума (социальной группы)

Важным и до сих пор не обсужденным здесь вопросом являются границы социальной группы. Очерчивая их, следует определиться с самим термином «социальная группа», употребляемым нами. Абстрактно рассуждая, в пределах задачи выработки блок-схемы, изображающей механизм трансляции типов в культуре социума и востребования их в деятельностных ситуациях, мы должны очертить логические границы такого социума, а затем уже присвоить ему характеристики исторически и ти-

пологически первичных социальных обществ или автономных социальных групп. Присвоить те характеристики, которые выработаны современной социальной антропологией (Servise, 1971; Jochim, 1981; Testart, 1982; Кабо, 1986; Hayden, 1995; Салинз, 1999; Артемова, 2004; Крадин, 2004, 2012).

Мы будем исходить из определения социума как территориальной человеческой группы, локальной популяции, самостоятельной в воспроизводстве ряда обязательных отношений: а) демографическом воспроизводстве; б) воспроизводстве в сфере власти и управления, в) экономической сфере; г) идеологической сфере, обеспечивающей осознание людьми естественной легитимности социума, которому они принадлежат (Зиновьев, 2000). Эта легитимация происходит благодаря фиксации коллектива в мифологической, религиозной, космогонической картинах мира. Этой же цели служит механизм самоидентификации социума, определяющий границы «свой – чужой», закрепляемый этнонимами и политонимами.

Но совпадают ли, тождественны ли названные сферы в территориальных границах своего проявления? Если взять во внимание идеологическую сферу, то можно увидеть сосуществование различных – и локальных, и трансрегиональных уровней. Таковы, например, религии, в том числе и первобытные шаманистические верования. Они, по сути, не удерживаются политическими, этническими границами, границами локальных социальных групп. Если говорить о локализации экономического воспроизводства, то следует вспомнить, что единые национальные рынки и экономики возникают на очень позднем уровне политического и социально-экономического развития обществ. Так, например, известно, что натуральное хозяйство было одним из факторов феодальной раздробленности, то есть поля политических и экономических отношений в этом случае не совпадали. Применительно к простейшим локальным группам охотников-собирателей сфера экономического воспроизводства, очевидно, и будет ограничена этой отдельной хозяйствующей группой,

при этом следует, что она будет уже сферы экзогамных брачных связей. На мустьерских стоянках Молодова 1 и 5 этот социум-протообщина – локальная группа – предполагается состоящим из 4–5 нуклеарных семей (Анисюткин, 2013, с. 154). У приморских охотников-собирателей и земледельцев среднего – позднего голоцена Ю.Е. Вострецов (2010, с. 20) за единицу экологической адаптации принимает поселение, соотносимое с общиной.

Применительно к археологии Сибири должен быть поставлен вопрос о том, что следует считать единицей экономического воспроизводства, скажем, таежных охотников-собирателей? Должна ли это быть группа из одной или нескольких малых парных семей, кочующих вместе весь годовой цикл, или группа, к которой принадлежат охотники из разных резидентных групп, входящие в кооперацию в коллективных видах охоты? В любом случае следует признать наиболее вероятным несовпадение полей экономического воспроизводства и этнического идентитета. Тождественны ли в своих территориальных границах сферы хозяйственная и политическая (власти и управления)? В аспекте управления экономическим воспроизводством субъекты хозяйствования могут быть частично или полностью самостоятельны. Но кроме этого сфера власти и подчинения-управления включает в себя также военные союзы, брачные связи. И те и другие шире экзогамных хозяйственных коллективов и часто являются элементом политики увеличения престижа. Этой же цели служит престижная, символическая торговля, устанавливающая межэтнические связи (Hayden, 1995).

Очевидно, что поля брачных, политических, хозяйственных, идеологических отношений на догосударственном уровне развития обществ территориально не совпадают и не образуют закрытой системы. Лишь государство становится собирателем этих связей в рамках своего политического поля. Несовпадение этих полей является фактором большей проницаемости их границ. Государство является фактором, побуждающим к совмещению этих полей, за счет доминирования сети государственно-

политических отношений происходит искусственное оформление границ, в том числе и границ идентичности. В новейших условиях существования транснациональных корпораций, международных организаций происходит выход полей экономических и политических отношений за пределы поля государства.

Интересна в этом отношении статья П. Джордана и С. Шенмана (Jourdan and Shenman, 2003) «Культурная трансмиссия, язык и традиции плетения корзин у индейцев Калифорнии». В ней авторы выясняли, связаны ли как-то типы плетеных корзин в Калифорнии с определенными языковыми группами. Вывод, к которому они пришли, состоит в признании, что границы языковых групп не останавливают проникновения традиций плетения корзин и в их лице горизонтальную трансмиссию.

Локальные социальные группы – социумы – исторически имели разный тип организации на разных уровнях социальной эволюции (Гринин, Коротаев, 2012; Классен, 2012; Крадин, 2012; Скальник, 2012; Артемова, 2004). Существует, популярная схема Сервиса «локальная группа – племя – вождество – государство» (Servise, 1971 (1962); Крадин, 2004, 2012). Возьмем за исходный простейший тип общества – локальную группу. Попробуем сформулировать логически исходное, первичное состояние полей социальных связей, чтобы ответить на вопрос о границах социальной группы в каменном веке. Рассматривая локальную социальную группу как локальную человеческую популяцию, примем следующие характеристики: а) коллективистичность; б) реципрокный характер взаимоотношений; в) кровно-родственные отношения как основа всех социальных связей (Servise, 1971; Hayden, 1995; Артемова, 2009; Классен, 2012; Крадин, 2012). О.Ю. Артемова (2009, с. 477–480) полагает, что если коллективистичность вполне универсальна, то не является безусловной данностью для обществ охотников-собирателей эгалитарность; в каких-то случаях вырабатывались культурные механизмы социального выравнивания. По Б. Хайдену, адаптация людей в условиях территорий, бедных на пищевые ресурсы, и, как

результат, низкая плотность населения (менее 0,1 чел. на 1 кв. км) с неизбежностью ведут к эгалитарному поведению и этике (Hayden, 1995, С. 24–26).

На этой основе осуществляется кооперация в промыслово-хозяйственной (экономической) сфере; ряд видов деятельности и дефицит каких-то ресурсов, например, загонная охота и охота на сезонных миграционных путях требуют совместного участия охотников из соседних резидентных групп. Экзогамия брачно-половых отношений диктует установление устойчивых родственных связей с соседними человеческими популяциями (группами). На этом, надстроенном над первым, более высоким и территориально более обширном уровне развиваются отношения престижного и экономического обмена вещами, знаниями и людьми, обмена ресурсами удаленного непрямого доступа и реализуется более высокий тип власти (условно говоря, потестарная, патриархально-клановая власть, вождество), (об этом, например: Hayden, 1995, р. 42; Березкин, 2000). На этом уровне формируется также идеологическая система традиционной легитимности социума, одним из факторов которой является идентичность. Повторим еще раз, что это надстроенный над единичными экономически самостоятельными семейными-родовыми коллективами уровень, в который входят, во-первых, коллективы, связанные сетью экзогамных брачных связей, во-вторых, коллективы, образованные в результате разрастания материнских групп и их деления и отпочковывания боковых родственных групп. Формально можно признать этот уровень самодостаточным и объявить его пределы как искомые границы социальной группы (локального социума, общества). Однако, социальная реальность такова, что при приближении происходит аберрация границ. Отнюдь не гарантировано, что локальные человеческие популяции неизменно поддерживали одну и ту же сеть экзогамных связей, что пограничные, смежные коллективы, входящие в разные брачные системы, разные вождества и политические союзы, не обменивались брачными партнерами и ресурсами. Логически допустимы и исторически наблюдаемы

случаи насильственного подчинения одних родовых групп и вождеств другими. На этой нестабильной политической основе, по причине отсутствия сильной политической власти как стабилизирующего фактора происходит рекомбинация коллективов-партнеров экзогамных связей, обменных и идеологических систем (об этом, например: Коротаев, Крадин, Лынша, 2000, с. 35–36). О.А. Артемова пишет о том, что малые хозяйственные, резидентные группы дискретны, но состав их текуч, а стоящие над ними большие «лингвистические (диалектные) объединения» настолько аморфны, что вместо них более уместна категория «социальная сеть индивидуальных связей» (Артемова, 1987, с. 20; Артемова, 2009, с. 473). Не последнюю роль в устойчивости границ социальной группы играет географический – экологический фактор, определяющий возможность развития того или иного типа хозяйствования, диктующий необходимость оседлости, годичной мобильности или миграций. Можно рассматривать как один из возможных вариантов ситуацию, когда континуум однотипных ландшафтно-экологических условий с примерно равной плотностью ресурсов формирует непрерывность сетей связей всех типов социальных отношений, существующих на основе экзогамии и искусственно не ограниченных достаточно сильной для этого политической властью. В этом ключе находил объяснение культурной гомогенности австралийских аборигенов С.А. Токарев (Токарев, 1956, с. 150–151). В таких случаях границы социальной группы будут иметь индивидуально-фокальный характер: они будут очерчиваться по линии экзогамных связей исследуемой резидентной группы, при смещении фокуса на соседнюю и при этом брачно-родственную резидентную группу общая граница изменится.

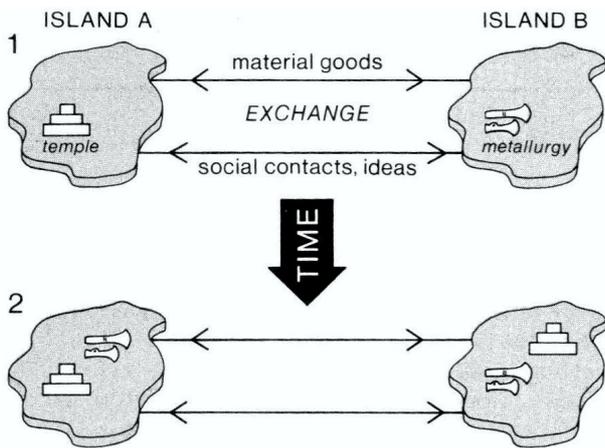
Сходным образом решалась задача определения единиц социальных групп у эскимосов-нунамиутов (David 1973, p. 277–303). Наибольшая социальная группа обозначена как «диалектное племя», экономически и лингвистически самостоятельное, со строгой тенденцией к заключению браков внутри социальной группы (Birdsell 1968, p. 232; Campbell 1968, p. 1; David

1973, p. 284). Оно же может быть представлено как региональная группа (бэнд), «на этом уровне действует большинство интеракций, вовлекающих людей в торговлю и многосторонние социальные действия» (David 1973, p. 287). Малая хозяйствующая единица определена как локальная группа (local band). Ее размер зависит от распределения ресурсов. Следствием циклов обилия/дефицита ресурсов является подвижность групп в композициях. Первичной основой организации групп среди нунамиутов, монтагнэй-наскапи, набесна является родство (David 1973, p. 285). Эта схема была применена в анализе социальной структуры раннего верхнего палеолита (Naoullian) Аквитании (David 1973, p. 277–303).

По-нашему мнению, географические барьеры среди всех допустимых барьеров культурной трансляции в палеолите и мезолите играли наиболее существенную роль в качестве границ социумов: трудно проходимые препятствия, значительные расстояния между локальными популяциями людей, различные климато-географические зоны приводили к разрыву регулярных культурных обменных связей. Ярким примером такого рода может быть сюжет миграции населения из Берингии через «бутылочное горло» коридора МакКензи между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами на юг Америки. В результате сложилась культура наконечников кловис, распространенная практически на всей территории современных США и отсутствующая на Аляске (Васильев, 2004, 2009; Goebel, Waters, O'Rourke. 2008). В идеале самые обособленные друг от друга социумы – каждый на своем острове, как это выглядит в учебнике по археологии Колина Ренфру и Пола Бана (Renfrew, Bahn, 1991, p. 352) (рис. 13).

Блок-схема механизма трансляции типа

Следующий шаг в развитии онтологии типа состоит в формализации основных позиций механизма его трансляции. Технически эта задача должна быть решена построением блок-схемы. Исходным является представление об ортогональном сущест-

Contact between two islands has the effect that innovations on one (e.g. the building of a temple; metallurgy) may lead to similar developments on the other.

Рис. 13. Контакт между двумя островами имеет эффект в том, что инновации на одном острове (строительство крепостей, металлургия) может привести к сходному развитию на другом острове (По: Renfrew, Bahn, 1991, p. 352)

вовании и протекании процессов деятельности и культуры. В первых происходит актуализация типов в виде воспроизводства их артефактов и задействование их в деятельности. Во вторых протекает «жизнь» типов от появления в культуре социума до исчезновения. Это культурные процессы. О них речь впереди. До сих пор мы характеризовали различные сферы деятельности, в которых происходит передача типа в культуру социума и передача отдельному индивиду. Последний актуализирует тип, производя артефакт.

На представленной схеме (рис. 14) мы выделяем следующие позиции:

а) индивид-актор, производящий артефакт по образцу-типу и решающему, используя артефакт и связанный с ним образец поведения, деятельность задачи.

б) тот же индивид, испытывая трудности, в поисках альтернативного типа и связанного с ним образца деятельности обращается: б-1) к собственной памяти; б-2) к социальному окружению.

в) локальная, в первую очередь, семейно-родовая социальная группа людей, хранящих в своей памяти и обменивающихся разнообразными знаниями, в том числе о типах, передающих эти образцы индивиду:

в-1) в ситуациях социализации-воспитания (передача имеет комплексный характер множественности образцов поведения и деятельности впрок); в-2) в ситуациях случайной актуальности и необходимости (передача имеет срочный, целевой, или «точечный», специализированный характер); в-3) в ситуациях коммунальной коммуникации, условно говоря, свободного общения. В этих трех типах ситуаций реализуются вертикальная (межпоколенная) и горизонтальная (однопоколенная) виды трансляции.

г) внешнее окружение локальной социальной группы, состоящее в связях экзогамного брачного обмена, потестарной властно-управленческой интеграции, хозяйственной кооперации и товарного обмена. Происходит обмен с локальной социальной группой всеми видами культурных продуктов: артефактами, людьми, знаниями (типами). Вступают в действие факторы различной прагматики, глубины восприятия, различные каналы трансляции.

д) внешнее окружение, не имеющее вышеперечисленных связей. На этом уровне вступает большинство барьеров культурной трансляции.

Составленная блок-схема имеет онтологический характер изображения всех основных, принципиальных структурных позиций механизма культурной трансляции, в том числе ввода типов в социум, трансляции и актуализации. Как нам представляется, введение схемы в археологические исследования будет иметь ряд результатов-последствий. Во-первых, она несет в себе избавление от представления о культуре как о некоей вещи-в-себе с исходящими функциями трансляции культурных типов. Пагубность такого отношения выражается в фетишизации культуры как чего-то трансцендентного, закрытого сознанию археолога, которому доступны лишь некоторые материализованные ее продукты. Соответственно, конкретные археологические исследования лишаются теоретической поддержки. Во-вторых, результатом ввода онтологической схемы должен стать этап отнесения полевых археологических данных по позициям схемы.

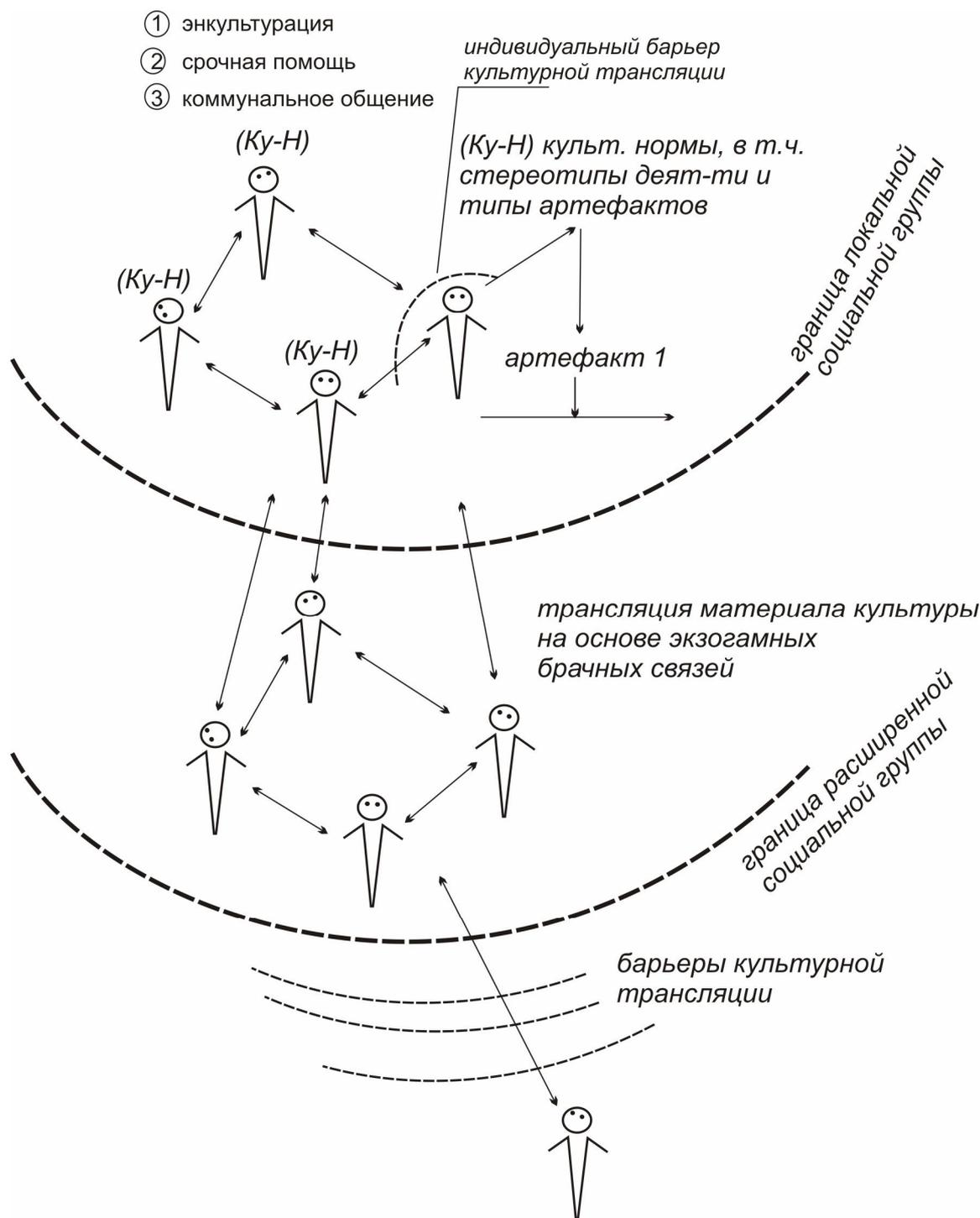

Рис. 14. Блок-схема механизма трансляции культуры

IV. Развитие типов

Собственно, сами типы вещей-артефактов не остаются неизменными в процессах трансляции и актуализации (производства и использования их артефактов). Они изменяются. Выше мы уже писали о непрекращающемся семиозисе вещей и типоброзовании. Для характеристики изменений состояния типа в культуре мы

вводим схему цикла развития типа. Цикл «жизни» типов представляет собой ряд этапов от появления до исчезновения, через которые проходят все типы (рис. 15): **1) внедрение versus изобретение типа; 2) распространение типа (в том числе трансляция в другую социальную группу); 3) старение типа; 4) элиминация versus мемориализация типа.**

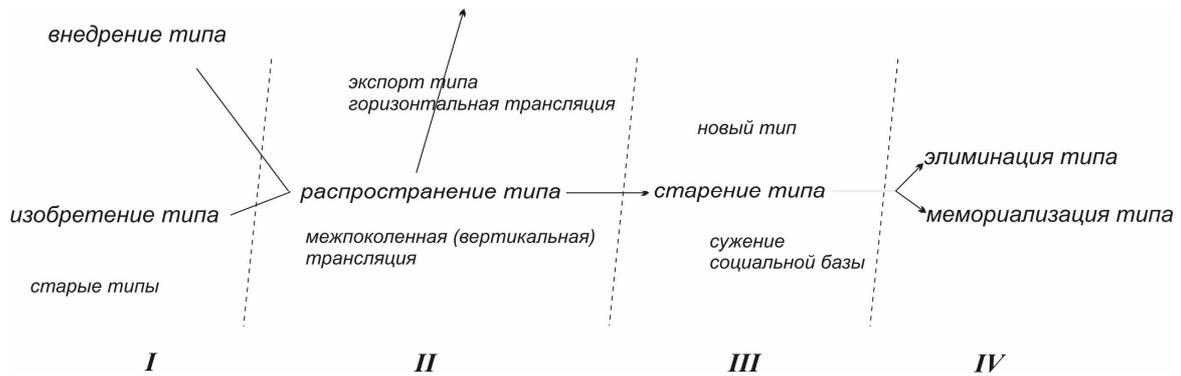

Рис. 15. Схема цикла развития типа

Появление типа

Появление в культуре социальной группы типа возможно как изобретение, либо как трансляция-заимствование. Введение типа всегда актуально: существуют реальные причины выбора людьми в его пользу.

Изобретение типа внутри самой социальной группы допустимо как результат творчества. В качестве возможной причины появления типа называют также ошибку (Boyd and Richerson, 1985, 2005). Тип возникает как результат подражания и воспроизводства удачного нового *единичного* артефакта. Новый тип как новация приходит на смену предшественнику. Это может быть функциональный заместитель, либо принципиально новый тип, порождающий новые сферы деятельности и новые социальные отношения.

Замена старого типа новым легче осуществима в утилитарной – незнаковой сфере. Напротив, в знаково-символической сфере, религиозной, в частности, новации могут быть приняты с большими трудностями. Замена может быть основана на рациональном отношении: новый тип эффективнее в разных параметрах (надежнее, легче, дешевле и т. д. прежнего). Другая логика замены – престижная: тип по каким-то причинам избран как маркер престижа социальной элиты и по логике социального подражания (моды) получил распространение во всей социальной группе. Новый тип будет принят легче, если будет воспринят как «генетическое» или традиционное продолжение типа-предшественника. В каких-то случаях новый тип является модификацией старого. Длительность (скорость) принятия нового типа в утилитарно-

прагматических, незнаковых случаях различна в пределах от срока жизни человеческого поколения до «моментальной». Возможны случаи, когда новый тип так и остался только в пределах социальной страты изобретателя и станет ее маркером. Например, маркером-признаком молодежной возрастной группы, территориальной, родовой, профессиональной и др. Перспективы принятия типа всей социальной группой зависят также и от ее размера, многоканальности и скорости информационно-коммуникативных потоков внутри нее. При всем вышесказанном принятие социальной группой типа, изобретенного в ее среде, происходит легче заимствования в отношении преодоления барьера интериоризации «свой/чужой». Для какой-то части социума новый тип уже «свой». Остается задача признания его, если не всеми, то авторитетной частью общества.

Замена старого типа новым в идеологической сфере, религиозной сфере, в частности, наталкивается на консерватизм общества. История знает примеры религиозных преследований и войн: преследования ранних христиан в Иудее и Римской империи, борьба католиков с протестантами и др.

В современном мире развиты различные технологии внедрения новых типов (товаров) – рекламирование и прочие PR-кампании, появления института экспертов. Вопрос замены типа часто может быть связан со столкновениями интересов различных политических, финансово-промышленных, военных, идеологических элит. Как, например, вопрос отказа от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания и перехода на экологически и экономически

более совершенные, или вопрос поставки видов вооружений от конкурирующих стран-производителей.

Существование типа в культуре социальной группы

Существующие в культуре социальной группы типы составляют багаж ее культурного опыта. В зависимости от текущей потребности к жизни вызывается тот или иной стереотип поведения, в том числе и производства артефактов и способов управления ими. По П. Бурдые, человек почти никогда не подчиняется слепо существующим культурным предписаниям. Существует момент творчества и свободного выбора среди наличных стереотипных решений – *габитус* (Бурдые, 1994, с. 98). В археологии нами введен *принцип адаптивной варибельности* – гибкости в выборе того или иного способа из арсенала технических решений (Инешин, Тетенькин, 2000).

Существование типа в культуре социальной группы основными своими аспектами имеет: 1) актуализацию типа производством артефактов; 2) трансляцию внутри социальной группы, в частности, горизонтальную и вертикальную-межпоколенную трансляцию; 3) модификацию артефактов – знаковой формы типа; 4) модификацию значения – коннотаций типа.

Актуализация типа есть производство артефактов определенного – этого – типа. Сами артефакты являются частью деятельностных процессов – средствами деятельности. Длительность вхождения их в деятельностные процессы есть длительность их производства, амортизации, мемориального сохранения (музеефикации, мемориализации), утилизации как мусора. Реальность существования типа подтверждается реальностью производных от него артефактов. Типы, чьи артефакты уже не воспроизводятся, воспринимаются как устаревшие.

Производство артефактов сопряжено со множеством непредсказуемых обстоятельств: мастерство актора, специфика исходного материала, длительность задачи, творчество как стремление к совершенству за пределами канона и прочее. Продукты-артефакты в итоге не имеют полного тождества с идеальным типом.

Удачные отклонения способны привести к *модификации* типа или появлению нового типа. Еще раз упомянем, что модификация легче происходит в утилитарно-прагматической сфере и сложнее – в ситуациях знаково-символических, где, во-первых, знаковая составляющая консервативна в силу своей закрытости-парадигматичности, во-вторых, консервативна идеологическая и особенно, религиозная сфера человеческого сознания и духовной культуры, с которой связано значение такого знака.

Существующее воспроизводство типа в артефактах, или, формулируя иначе, производство артефактов определенного типа обуславливает узнавание типа, включая коннотаты социокультурной ситуации его существования.

Трансляция типа, в том числе межпоколенная, происходит как обучение в исторически, культурно и методически различных формах. В традиционных обществах это, например, передача опыта от отца к сыну. В известном ряде случаев этот опыт рассматривается как сакральный, а передаче его достойны избранные. Рубеж освоения опыта (производства артефактов и овладения связанными с ними видами деятельности) может быть обставлен как переход в новое социальное состояние (вручение диплома, водительского удостоверения). Мы предполагаем, что логически и исторически наиболее ранней формой межпоколенной передачи опыта является подражание младшего старшему в ходе совместной деятельности.

Длительность пребывания типа в культуре социальной группы приводит к дополнительной коннотации – модификации значения типа. Со временем старые артефакты могут становиться маркерами-символами прежних владельцев, прежде всего, предков, родителей, а типы – «этническими», «родовыми» признаками культуры социальной группы. Происходит *мемориализация* типа, когда «народные» костюмы, блюда участвуют в конструировании (демонстрируются) этнической идентичности. Первичные деятельностные контексты употребления артефактов данного типа уже отсутствуют.

Трансляция типа за пределы социальной группы

Один из аспектов существования типов – трансляция их за пределы социальной группы. В наше время мы видим, например, широкое распространение в мире японских автомобилей, автоматов Калашникова и шоколадных батончиков «Сникерс». В большом ряде случаев можно наблюдать трансляцию типов, связанных с идеологией, религиозной, в частности. Таковы мировые религии, последняя из которых – ислам, продолжает свое развитие вширь. В той части прошлого человечества, которая является прерогативой археологов, имела место передача опыта земледелия, металлургии, широкое хождение имели предметы скифо-сибирского стиля и другие, техника микропластинчатого расщепления торцовых нуклеусов в финале позднего палеолита имела распространение от Восточной Сибири до Северной Америки.

Важным вопросом являются границы социальной группы. Формально-логически, это локальный социум, воспроизводящий себя во всех основных сферах: демографической, хозяйственной, политической, идеологической. Смысловая неясность термина «этнос» побудила нас использовать нейтральный термин «социальная группа». Ранее мы высказывались, что поля экономических, политических, демографических, идеологических отношений могут не совпадать. Жесткое их совпадение начинается с появлением государств. Несовпадение этих полей является фактором большей проницаемости их границ.

Выше мы уже писали, что принимаем за основу исходную простейшую форму социального объединения – эгалитарную группу. В ее составе мы видим смысл выделять два уровня. На первый уровень мы ставим локальную резидентную группу, организующую отдельную стоянку. Второй уровень образован сетью экономических-кооперативных, управленческих-потестарных и идеологических связей, выстраиваемых на основе сети экзогамных отношений. Это надстроенный над единичными экономически самостоятельными родовыми коллективами уровень, в который входят, во-первых, коллективы, связанные сетью экзо-

гамных брачных связей, во-вторых, коллективы, образованные в результате разрастания материнских групп и их деления и отпочковывания боковых-родственных групп. Этот уровень социальной организации формально мы принимаем как самодостаточный и полагаем его пределы как искомые границы социальной группы (локального социума). С оговоркой, что, конечно, не гарантировано, что локальные человеческие популяции неизменно поддерживали одни и те же экзогамные связи, что пограничные, смежные коллективы, входящие в разные брачные системы, разные вождества и политические союзы, не обменивались брачными партнерами и ресурсами. В результате происходит абберация границ.

Итак, выход типов за пределы границ социальной группы может быть обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, это должен быть тип достаточно успешный в местной культуре, не устаревший, эффективность которого считалась бы очевидной. Успешность типа, как правило, есть также и успешность его вида деятельности, а также престиж его обладателей. Во-вторых, психологический барьер «свой/чужой» легче проходим для типов (идей и вещей) утилитарно-прагматического назначения, в обществах одного хозяйственно-культурного типа и одного уровня развития.

Добавим, что заимствование типа может быть неполным. Пределы социальной группы могут пересечь только вещи – материальные знаковые формы типа. Значение – содержание его не вполне будет усвоено принимающей стороной. Это означает, в частности, что владельцы импортных вещей не в состоянии наладить их производство. Наоборот, заимствование типа будет полным, если будет усвоена технология его изготовления и более того, если она в той или иной части будет использована для производства других типов. Глубина трансляции типа зависит от различных обстоятельств: канала, стимула, материала (людей, вещей или знаний об артефактах) и барьеров трансляции. Тип может быть транслирован в одиночку или вместе с другими типами, связанными между собой принадлежностью к одному виду деятельности (краски и кисти, ружья и патроны).

Количество заимствованных типов прямо коррелирует с установлением культурной зависимости воспринимающей социальной группы. Риск потери культурной независимости связан с передачей (экспансией) вместе с типами чужеродной идеологической системы и утратой собственной идентичности и традиционной легитимности политической и идеологической (религиозной) власти. Существующее в политико-экономической сфере понятие «продовольственный суверенитет» (его утрата связана с более чем 50-процентным потреблением продуктов импортных) может быть заимствовано и модифицировано в подобном же смысле как «культурный суверенитет». Культурный империализм «отражает распространение или преимущество одной культуры над другими, выражающееся в модификации, замещении, или разрушении, обычно из-за различного экономического или политического влияния (Kottack, 2002, p. 606).

Элиминация типа в культуре социальной группы

Исчезновение типа в культуре социальной группы происходит через замену другим однопорядковым типом, либо как деструкция и типа, и культуры, и социальной группы. Выход типа из состава культуры социальной группы происходит как элиминация – устранение типа. Если прежде тип был транслирован в культуру других социальных групп, то с выходом из употребления в данной социальной группе он полностью не исчезает, сохраняясь где-то еще. «Смерть» типа в культуре социальной группы означает завершение его процессуального цикла. Нужно различать собственно устранение типа и разрушение культуры социальной группы, содержащей тип.

Об устранении типа мы рассуждали отчасти уже выше в разделе введения типа. Это ситуация прихода нового типа на смену старому: замена на более совершенный функциональный аналог. Возможно, новый тип в дополнение к замещающей функции несет в себе дополнительные новые функции, как, например, сотовые телефоны и иже с ними. Возможна замена на новый тип, порожденный внутри самой социаль-

ной группы, либо привнесенный извне (импорт).

После «снятия с производства» старого типа его артефакты какое-то время еще сохраняются в материальной культуре, как, например, старые отечественные автомобили «Волги», «Москвичи», «Запорожцы». Некоторые артефакты и типы попадают в стадию *мемориализации*, становясь знаками-символами эпохи, народа, государства и др. В этой роли национальных символов выступают давно вышедшие из актуального потребления народные костюмы, предметы быта, да и уцелевшие строения, например, крестьянские избы. Они становятся экспонатами музеев, семейными реликвиями, костюмами фольклорных танцевальных ансамблей, портативные предметы – сувенирными прототипами. Более того, в наше время существует государственная политика мемориального сохранения устаревших типов как символов национальной идентичности – культурного наследия.

Замена старого типа на новый происходит не разовым актом и неравномерно. Справедливым будет утверждение, что в крупных социумах группы, находящиеся на территориальной и социальной периферии, старшие возрастные группы дольше держатся за старые типы, и замена происходит позже. Сходный вывод мы найдем у Уиллера о том, что центральные элементы культурного ареала моложе, поскольку там идет неустанная разработка новых форм, а периферийные элементы того же ареала – древнее (цит. по: Клейн, 2010, с. 605). Устаревшие типы могут также «оседать» в детской культуре. В конце концов, забвение типа, неузнавание артефактов становится, по Л.С. Клейну (1978), одним из источников археологизации вещей. По Г.И. Медведеву и Е.Б. Волосовой (Медведев, Волосова, 1993), артефакты выходят за «порог узнаваемости».

Выстраивание типов вещей различных исторических эпох в типологические ряды позволило Пит-Риверсу, Монтелиусу и другим в рамках эволюционистского, сравнительно-исторического подходов говорить об эволюции вещей (Клейн, 2011а). Предпринимались попытки построения эволюционной систематики подобно систематике

живых организмов в биологии (Городцов, 1927). Насколько уместно говорить об эволюции вещей с точки зрения наших представлений о процессах существования типов в культуре? Употребление термина «эволюция» в смысле преемственности развития допустимо, если речь идет о *модификации* типа. Повторимся еще раз, что в нашем понимании модификация есть изменение – усовершенствование типа через изменения и артефакта, и идеального типа, включая контексты деятельностных (производственных) практик. Исходный модифицируемый тип сохраняется как основа. Замену одного типа на другой, чужеродный, нельзя представить как преемственность в собственном смысле слова.

Исчезновение типа вместе с разрушением культуры социума есть один из аспектов социальных кризисов и катастроф. Тема распада в культуре изучена не достаточно, и мы теперь остановимся, указав лишь на ее существование.

Заканчивая описание цикла процесса существования-развития типа в культуре отдельно взятой социальной группы, укажем на возможность: 1) дальнейшего существования типа в чужих культурах; 2) сосуществование типа в разных культурах разных социумов с различной хронологией и динамикой цикла в каждой из них.

V. Что даст археологии теоретическая разработка культурной трансляции? (Заключение)

Говоря в целом, всякая группа артефактов есть результат деятельностных и культурных процессов. Поэтому совершенно законен и интерес к характеру, природе этих движущих сил, механизмов их развития. Поиск в этом направлении привел нас к выводам о слабости определенных позиций имеющихся теоретических разработок и, соответственно, возможности предприятия собственного исследования (Тетенькин, 2007, 2009, 2011, 2012а, 2012б; Инешин, Тетенькин, 2011). Без учета теоретической компоненты, т. е. без учета онтологии культурных процессов и механизмов мы всегда будем представлять себе культуру как черный ящик, из которого время от времени вываливаются артефакты и тради-

ции, которые мы будем лишь констатировать на уровне конкретно-исторических феноменов и общесоциологических явлений. Напротив, ввод онтологических представлений исследуемых объектов – артефактов и их типов – делает легитимными все усилия, направленные в сторону раскрытия их содержания. Вводимые теоретические схемы необходимы как ядро научного предмета. Конкретные факты добываются, интерпретируются и организуются по предложенной схеме идеального объекта в рамках определенного научного подхода. В этом смысле для нас теоретико-методологическое обеспечение, онтологическая работа являются критерием научности в исследовании.

Рассмотрим далее прагматику введения теоретических представлений культурной трансляции в археологии. Начнем с того, что ввод онтологической блок-схемы должен изменить само восприятие, а следовательно, и описание и набор ожиданий, предъявляемый к материалу. Беря в руки единственный артефакт, первая типичная задача, которую решает археолог, это определение принадлежности к тому или иному типу и присущим ему возрастным и ареальным характеристикам. Типологическая работа, вполне стереотипная для каждого специалиста, заключается в вопросах истории развития каждого из типов, типичности сочетания типов в данном ансамбле. Следуя логике блок-схемы, мы вправе спрашивать далее: 1. Принадлежит ли тип данной резидентной группе как «коренной», автохтонный или заимствован извне? 2. Если заимствован, то из ближнего или дальнего социального окружения? 3. О какой трансляции можно вести речь: был ли транслирован только артефакт или весь тип? 4. Каковы каналы векторы, дистанции трансляции артефакта и типа? 5. Каковы возможные стимулы трансляции и преимущества транслируемого типа? 6. Какова глубина трансляции типа? 7. На смену какому старому типу пришел новый тип и исчез ли старый? 8. С какими другими типами данный тип связан принадлежностью к одному, общему виду деятельности?

Следующая группа вопросов связана с типологической характеристикой ансамбля.

Описывая его как сумму типов артефактов (включая сюда и технологии как значения типа), мы соотносимся с существующей уже культурно-хронологической «картиной мира». Следуя логике культурной трансляции, мы вправе спрашивать, является ли диахронный ряд ансамблей определенного, фиксированного облика (типа) результатом вертикальной трансляции внутри одной социальной группы или даже одной локальной резидентной группы? С какими культурными процессами и событиями связаны фиксируемые возрастные границы появления и исчезновения данного типа ансамбля? Являются ли перемены облика ансамбля результатом миграции, обмена людьми, знаниями, вещами или результатом иных процессов? Какова интенсивность этих связей? Интересующая нас проблема культурной вариативности сосуществующих типов ансамблей может ли быть результатом длительной совместной истории нескольких самостоятельных групп обитателей или выражением культурной пластичности населения, способного в каких-то условиях смены ресурсной и иной обстановки менять облик значительной части материальной культуры?

С точки зрения возможности ведения каких-либо реконструкций археологические источники, особенно на ранних стадиях исследования, несут в себе немало стандартных сложностей. Формально присутствие в комплексе артефакта очень часто может быть обусловлено рядом причин, в том числе и взаимоисключающих. Существует огромный пласт пессимистических возражений, связанный с доводами культурной конвергенции. Сочетание артефактов может быть наложением многих разрозненных во времени эпизодов человеческого обитания. В пределе, каждый артефакт есть знак отдельного эпизода. Наложение их (эпизодов) один на другой, интерпретационная неопределенность, общий ровный типологический фон «смазывают картину», создают информационный источниковый шум. С нашей точки зрения, может быть предложена определенная тактика его преодоления.

Мы можем изучать процессы трансляции типов на основе различных типов-

маркеров, подобно тому, как изучается миграция видов животных по маркированным, снабженным датчиками особям, либо подобно тому, как миграция элементов эпической культуры изучается по четко идентифицируемым мифологическим сюжетам (Березкин, 2003, 2005; Васильев, Березкин, Козинцев, 2009). Такими маркерами в археологии позднего палеолита – мезолита могут стать уникальные, ясно идентифицируемые вещи и их типы, экзотичные импорты, редкие категории археологического материала, стоящие за ними специфические технологии. Такой путь трассирования типов-маркеров в задаче изучения путей миграции в раннем верхнем палеолите на юге Средней Сибири и Монголии избрал, например, Е.П. Рыбин (2014). Идентификация двух и более эпизодов позволит трассировать и, следовательно, выделить сам процесс трансляции типа. В различных ситуациях они станут основой для заключений о каналах трансляции, границах социальных групп и их информационных культурных полей, многих других аспектов культурной истории. Установление фактов переноса ресурса с источника на стоянку, эксплуатации людьми с различных стоянок общих источников ресурсов дают надежные сведения о таком виде трансляции как транспортировка артефактов и исходных для них материалов (Инешин, Тетенькин, 2011). Выделенная связь культурной трансляции между социальными группами / стоянками / памятниками А и В должна характеризоваться по следующим позициям: 1) хронологический диапазон между датировками А и В; 2) расстояние между А и В; 3) вектор трансляции А и В; 4) характер транслируемого материала; 5) характер отношения транслируемого типа, артефакта к общему составу культуры («свой» vs «внедряемый»); 6) степень отличия артефакта, типа А от артефакта, типа В; 7) канал трансляции; 8) причина актуализации типа; 9) глубина восприятия типа; 10) причины новообразования типа.

В нашей практике археологии нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья есть несколько развитых сюжетов, для понимания которых необходимо будут востребо-

ваны онтологические представления о культурной трансляции.

1. Многократное обитание людей с тождественной материальной культурой на одном и том же месте со сходным образом организации пространства. Таковым случаем является местонахождение Большой Якорь I. В хронологических рамках около 12,7–11,7 тыс. л. н. не менее 11 раз люди селились, организуя очаги, зачастую «трафаретно» наложенные, в нескольких случаях зримо ощущая остатки предыдущего эпизода обитания. Культурно-типологически горизонты близки друг другу (гомогенны) (Инешин, Тетенькин, 2010), объединены в группу ансамблей типа Большого Якоря (Тетенькин, 2010, 2011). В качестве рабочей гипотезы предполагается принадлежность их к одной локальной резидентной группе, традиционно занимающей территорию; воспроизводство суммы технических адаптационных традиций в рамках культуры автохтонной местной популяции.

2. Воспроизводство традиции линейных сооружений из гнейсовых плит-пластин, установленных на ребро, на местонахождении Коврижка 3 в интервале 11,0–8,0 тыс. л. н. Конструкция из верхнего уровня 2 культурного горизонта (10,4 тыс. л. н.) была подновлена людьми 1А культурного горизонта (8,1 тыс. л. н.) (Тетенькин, 2012, 2013). Постулируется культурная трансляция длительностью около 3 тысяч лет весьма специфической традиции организации пространства стоянки. При этом ранние эпизоды (11,0–10,4 тыс. л. н.) и поздние (8,1–8,0 тыс. л. н.) принадлежат типологически разным ансамблям палеолитического (типа Авдеихи) и мезолитического (типа Большой Северной) облика. В качестве рабочей гипотезы предложено существование культурной преемственности населения в иных аспектах орудийной деятельности значительно изменившего культурный облик.

3. Наиболее ранние на Нижнем Витиме призматические микропластинчатые нуклеусы в составе 3 и 2 культурных горизонтов верхнепалеолитического облика стоянки Коврижка 3. Интерпретированы как технические типы в стадии зарождения типа. То же самое в отношении бифаса – топора с

ушком в 3 к. г. Коврижки 3 (Тетенькин, 2010, 2014).

4. Перенос вулканической пемзы 2 культурного горизонта Коврижки 3, около 11,0 тыс. л. н. с Удоканского вулканического поля в бассейне среднего течения Витима, более 500 км удаления. Установлен вектор хозяйственной мобильности населения – трансляции материала артефактов – в субдолинном направлении. Постулированы возможные контакты с верхневитимской группой населения (стоянки Усть-Каренга 1–16) (Демонтерова и др., 2014).

5. Установление типов общих для типологически различных ансамблей одного хронологического среза – 8,1–8,2 тыс. л. н. Это 3, 4, 4А к. г. Коврижки 2 и 1А к. г. Коврижки 3. В качестве рабочей гипотезы предложена идея сезонно-ресурсной радикальной смены технологий каменного производства и в итоге всего облика каменной части культуры. Отдельные «сквозные» типы, единые возраст и территориальная ниша поддерживают идею принадлежности обоих типов ансамблей культуре одного населения.

6. Выделение диахронных линий существования трех разных типов ансамблей (типа Большого Якоря, Авдеихи и Большой Северной) на протяжении 12–6 тыс. л. н. (первые два типа), 9–6 тыс. л. н. (все три типа ансамблей). Интерпретировано как устойчивое воспроизводство (вертикальная трансляция) трех разных наборов адаптивных технических традиций в одной экологической нише, предположительно, в культуре одной социальной группы.

7. Типологически тождественные изделия (скребки) из экзотического сырья, темно-бордового аргиллита в синхронных комплексах 6,0 тыс. л. н. во 2 культурном горизонте Коврижки 1 и искусственных ямакладах Усть-Каренги 16 (Ветров, 2008; Тетенькин, 2010). Предложен тезис коммуникации населения нижнего и верхнего течения Витима.

Предложенные интерпретации, несомненно, будут тестироваться всеми последующими исследованиями. Важно, чтобы под эти и другие будущие работы была бы заложена теоретическая основа, позволяющая оценить эпистемологические пределы

допустимых ответов, понимать природу изучаемых явлений, в конечном счете. Ввод онтологических представлений позволяет обоснованно обсуждать возможные пути объяснений, когда прописаны сами пределы и возможность существования тех или иных культурологических причин для появления на свет ансамблей культурных остатков. Вторым этапом развития теории и практики культурной трансляции мы видим инкорпорирование объяснительных моделей. Последние могут быть задействованы в интерпретации и понимании культурных процессов, оставивших после себя изучаемые

остатки. Выбор наиболее реалистичной, наиболее эвристичной модели должен зависеть от конкретных особенностей реконструируемой ситуации.

Работа частично была осуществлена благодаря поддержке Фонда Фулбрайта (США). Автор выражает благодарность за помощь в поиске литературы Х. Смит, Центр по изучению первых американцев Техасского А&М университета.

Статья поступила 10. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Barkow J.H. The elastic between genes and culture // *Anthropological Theory. An Introduction History*. R. J. McGee and R.L.Warms (Ed.). New York: McGraw-Hill Companies, Inc. 2004 (1989). P. 440–445.
2. Bettinger R.L. *Hunter-Gatherers: Archaeological and Evolutionary Theory*. New York and London: Plenum Press, 1993. 257 p.
3. Bettinger R. L., Eerkins J. Point Typologies, Cultural Transmission, and the Spread of Bow-and-Arrow Technology in the Prehistoric Great Basin. *American Antiquity*. 1999. # 64. P. 231–242.
4. Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential. *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary practices / edited by J.A.Brown*, New York: *Memoirs of the Society for American Archaeology*, no.25., 1971. P. 6–29.
5. Binford L.R. *In Pursuit of the Past*. London. Thames and Hudson, 1983. 255 p.
6. Binford L.R. “Researching Ambiguity: Frames of Reference and Site Structure” // Binford L.R. *Debating Archaeology*. San Diego: Academic Press, 1989. P. 223–263.
7. Birdsell J.B. Some predictions for the Pleistocene based upon equilibrium systems among recent hunter-gatherers. // *Man the Hunter*. Edited by Lee R.B. and Devore I. Chicago, Aldine, 1968. P. 229–240.
8. Boyd R., Richerson P.J. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago and London: The University of Chicago, 1985. 331 p.
9. Boyd R., Richerson P.J. *The Origin and Evolution of Cultures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 456 p.
10. Butzer K.W. *Archaeology as Human Ecology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 365 p.
11. Campbell J.M. Territoriality among ancient hunters: interpretations from ethnography and nature // Meggers B.J. (ed.) *Anthropological Archaeology in the Americas*. Washington: Anthropological Society of Washington, 1968. P. 1–21.
12. Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.N. *Cultural Transmission and Evolution: A Quantitative Approach*. Princenton, New Jersey: Princenton University Press, 1981. 389 p.
13. Cavalli-Sforza, L. L., Feldman M. W., Chen K. H., Dornbusch S. M., 1982 *Theory and Observation in Cultural Transmission // Science* 218(4567). P. 19–27.
14. Clark D.L. *Analytical Archaeology*. London and Colchester: Methuen&Co LTD, 1968.
15. Clark J. E., Blake M. The power of prestige: competitive generosity and emergence of rank societies in lowland Mesoamerica // *Contemporary Archaeology in Theory*. Preucel Robert and Hodder Ian (Editors). Oxford, Malden: Blackwell Publishing Ltd, 1996. P. 258–281.
16. David N. On Upper Paleolithic society, ecology and technological change: the Noailian case // *The explanation of culture change: models in prehistory*. Edited by Colin Renfrew. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1973. P. 277–303.
17. Dawkins R. *The extended phenotype*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
18. Dawkins R. *The selfish gene*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1989. 352 p.

19. Dunne R.C. Style and function: A fundamental dichotomy // *American Antiquity*. 1978. #43. P.192–202.
20. Durham William H. Application of Evolutionary Culture Theory // *Annual Review of Anthropology*. 1992. #21. P. 331–355.
21. Eerkens J.W. Practice makes within 5% of perfect: The role of visual perception, motor skills, and human memory in artifact variation and standardization // *Current Anthropology*, 2000. #41. P. 663–668.
22. Eerkens J.W., Lipo C.P. Cultural Transmission, copying errors, and the generation of variation in material culture and the archaeological record // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2005. №24. P. 316–334.
23. Eerkens, J. W., Lipo C. P. Cultural Transmission Theory and the Archaeological Record: Providing Context to Understanding Variation and Temporal Changes in Material Culture // *Journal of Archaeological Research*. 2007. №5. P. 239–274.
24. Funnell R., Smith R. Search for a theory of cultural transmission in an anthropology of education: notes on Spindler and Gearing // *Anthropology & Education Quarterly*. 1981. Vol. 12, No. 4 (Winter, 1981). P. 275–300.
25. Gabora L.M. Ideas are not replicators but minds are // *Biology and Philosophy*. 2004. №19. P. 127–143.
26. Gearing F.O. Toward a general theory of cultural transmission // *Anthropology & Education Quarterly*. 1984. Vol. 15, No. 1 (Winter, 1984). P. 29–37.
27. Goebel T., Buivit I. Introducing the archaeological record of Beringia // *From the Yenisei to the Yukon*. College Station: Texas A&M University Press, 2011. P. 1–30.
28. Goebel Ted, Waters Michael R., O'Rourke Dennis H. The Late Pleistocene Dispersal of Modern Humans in the Americas // *Science*. 2008. Vol. 319. P. 1497–1502.
29. Hayden B. Pathways to Power Principles for Creating Socioeconomic Inequalities Foundations of social inequality. Edited by T.D.Price, G.M.Feinman. New York and London: Plenum Press, 1995. P. 15–86.
30. Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A. Complex hunter-gatherers in Interior British Columbia // *The emergence of cultural complexity*. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. Orlando: Academic Press, Inc, 1985. P. 181–199.
31. Henrich J. Demography and cultural evolution: Why adaptive cultural processes produced maladaptive losses in Tasmania. // *American Antiquity*. 2004. №69. P. 197–221.
32. Henrich J. Cultural Transmission and the Diffusion of Innovations: Adoption Dynamics Indicate that Biased Cultural Transmission is the Predominate Force in Behavioral Change // *American Anthropologist*. 2001. №103(4). P. 992–1013.
33. Jochim M.A. Strategies for survival. Cultural behavior in an ecological context. London: Academic Press, 1981. 233 p.
34. Johnson M. Archaeological Theory. An Introduction. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 239 p. (2nd ed., 2002)
35. Kristiansen K. Theorising diffusion and population movements // *Archaeology. The Key Concepts*. Edited by C. Renfrew and P. Bahn. London and New York: Routledge, 2005a. P. 75–79.
36. Kristiansen K. Innovation and invention – independent event or historical process? // *Archaeology. The Key Concepts*. Edited by C. Renfrew and P. Bahn. London and New York: Routledge, 2005b. P. 151–155.
37. Kottack C.P. Anthropology. The Exploration of Human Diversity. New York: Mc Graw – Hill Companies, 2002. 738 p.
38. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Genes, mind and culture. The coevolutionary Progress. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1981. 428 p.
39. Lyman R.L., O'Brien M.J. Cultural traits: Units of analysis in early twentieth-century anthropology // *Journal of Anthropological Research*, 2003. №59. P. 225–250.
40. MacDonald D. H. Subsistence, Sex, and Cultural Transmission in Folsom Culture // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1998. №17. P. 217–239.
41. Malinowski B. The Essentials of the Kula // *Anthropological Theory. An Introduction History*. R. J. McGee and R.L.Warms (Ed.). New York: McGraw-Hill Companies, Inc, 2004 (1922). P.157–172.
42. Miller D. Artefacts as a products of human categorization processes // *Symbolic and Structural Archaeology*. Edited by Ian Hodder.

- Cambridge, London: Cambridge University Press, 1982. P. 17–25.
43. Mithen S.J. Cognitive archaeology, evolutionary psychology, and cultural transmission with particular reference to religious ideas // Barton C.M., and Clark G.A. (eds.) *Rediscovering Darwin: Evolutionary Theory in Archaeological Explanation*, Archaeological Paper No. 7. Washington, DC: American Anthropological Association, 1997. P. 67–74.
44. Renfrew P., Bahn P. *Archaeology. Theories, Methods and Practice*. London: Thames&Hudson, 1991. 640 p. (3rd ed.).
45. Richerson P., Boyd R. *Not by Genes Alone. How Culture Transform Human Evolution*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. 332 p.
46. Service E.R. *Primitive social organization: an evolutionary perspective*. New York: Random House, 1971. 221p. (1st edition in 1962).
47. Schiffer M.B. *Formation Processes of Archaeological Record*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1987. 429 p.
48. Shennan S. Cultural transmission and cultural change // *Contemporary Archaeology in Theory*. Preucel Robert and Hodder Ian (Editors). Oxford, Malden: Blackwell Publishing Ltd., 1996. P. 282–296.
49. Testart A. The significance of food storage among hunter-gatherers: residence patterns, population densities, and social inequalities // *Current Anthropology*. 1982. №23(5). P. 523–537.
50. Tooby J., Cosmides L. Psychological foundations of culture // Barkow J.H., Cosmides L., and Tooby J. (eds.) *The Adapted Mind*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 19–136.
51. Trigger B.G. *A History of Archaeological Thought*. Cambridge University Press, 1990. 500 p.
52. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979а. 175 с.
53. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Коковская культура. Новосибирск: Наука, 1979б. 200 с.
54. Акимова Е.В. Поздний палеолит зоны Красноярского водохранилища // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. Т. I. СПб.–М. – Великий Новгород, 2011. С. 15–16.
55. Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // *Байкальская Сибирь в древности*. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2, ч.1. С. 4–35.
56. Анисюткин Н.К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2013. 172 с.
57. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987. 199 с.
58. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
59. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.
60. Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Усть-Бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всерос. конф. с международн. участием*. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2007. Т.1. 432 с.
61. Березкин Ю.Е. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 259–264.
62. Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2003. № 2 (14). С. 94–105.
63. Березкин Ю.Е. Южносибирский компонент америндейских мифологий: этногенетический и социокультурный аспекты // *Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В.Харинского*. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч.1. С. 42–46.
64. Бромлей Ю.В. *Этнос и этнография*. М., 1973. 283 с.

65. Бурдые П. Начала. Choses Lites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses Lites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
66. Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 144 с.
67. Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. СПб., 2009. 167 с.
68. Ветров В.М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С.123–130.
69. Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима / Автореф. дис... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 17 с.
70. Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 28–43.
71. Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 173–187.
72. Вострецов Ю.Е. Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500–1800 лет назад) / Дис. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. Т. 1. Санкт-Петербург, 2010. 751 с.
73. Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927. 10 с.
74. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 92–123.
75. Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum plus. 2014. №1. С. 165–180.
76. Деревянко А.П., Шуньков М.П. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты: Сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 283–311.
77. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Изд-во Центрполиграф, 2000. 686 с.
78. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С.8–29.
79. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С.11–22.
80. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Адаптивная вариабельность в системах расщепления в финально-плейстоценовых отложениях Нижнего Витима // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и транс-континентальных связей. Иркутск, 2000. С. 57–24.
81. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии : Сборник научных трудов / под ред. А.В.Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч.1. С. 96–104.
82. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
83. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблема определения археологических связей в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып.2. С. 96–104.
84. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 302 с.
85. Классен Х. Дж. М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антро-

- пология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 190–218.
86. Клейн Л.С. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). М., 1973. 17 с.
87. Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978. 120 с.
88. Клейн Л.С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.18–23.
89. Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград : АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологич. научно-исследоват. объединение, 1991. 448 с.
90. Клейн Л.С. Археологическая типология / автореф. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. СПб, 1993. 16 с.
91. Клейн Л.С. История археологической мысли : В 2 т. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011а. 688 с.
92. Клейн Л.С. История археологической мысли : В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011б. 624 с.
93. Клейн Л.С. Теоретический словарь археологии. Донецк : Донецкий государственный университет, 2014. 279 с.
94. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высш. Шк., 1974. 304 с.
95. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 200 с.
96. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–84.
97. Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин] Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 219–241.
98. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
99. Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия ИГУ. Серия Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
100. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
101. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 286 с.
102. Медведев Г.И. Резюме // Мезолит Верхнего Приангарья. Ч.1. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1971. С.104–110.
103. Медведев Г.И., Волосова Е.Б. О термине «освоение» и некоторых проблемах археологического познания (геоархеологический аспект) // Исторический опыт освоения Восточных районов России : Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1993. С. 56–61.
104. Николаев В.С., Масумото Т., Кустов М.С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 184–193.
105. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
106. Рыбин Е.П. К выделению специфических форм артефактов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С.132–136.
107. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
108. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
109. Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 365–386.
110. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

111. Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.
112. Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 59–73.
113. Тетенькин А.В. К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003б. Вып. 1. С. 26–33.
114. Тетенькин А.В. К вопросу о культурных механизмах трансляции артефактов в пространстве // Социогенез в Северной Азии : материалы III Всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 37–43.
115. Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып.8. С. 64–134.
116. Тетенькин А.В. От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса иркутской школы // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003а. Вып. 1. С. 8–25.
117. Тетенькин А.В. Элиты, землянки, могилы. В поисках понимания перспектив // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 7–34.
118. Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 64–134.
119. Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 94–95.
120. Тетенькин А.В. Процессуальный подход к типам в археологии: постановка проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8 (14) : В 4-х ч. Ч. 4. С.197–200.
121. Тетенькин А.В. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Витима в свете проблем археологического районирования // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. Ун-та, 2012. Вып. 3. С.112–121.
122. Тетенькин А.В. Проблема изучения процессов существования типов вещей в культуре // Вестник ИрГТУ. 2012а. № 3. С. 342–349.
123. Тетенькин А.В. О семиотической природе типов артефактов // Вестник ИГЛУ. 2012б. № 2 (19). С. 65–72.
124. Тетенькин А.В. Проблема культурной вариативности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 104–107 (ВАК).
125. Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка 3 в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С.163–168.
126. Токарев С.А. Народы Австралии и Тасмании // Народы Австралии и Океании / под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 43–322.
127. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.
128. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток : ООО «Рея», 2010. С. 50–73.
129. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. 800 с.
130. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995а. С. 233–280.

131. Эко У. Отсутствующая структура. «Петрополис», 1998. 432 с.
Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК

Список сокращений

ППГ – переход от плейстоцена к голоцену	ОАИ – объект археологического исследования
ПКВ – проблема культурной вариабельности	ИО – идеальный объект
	КТ – культурная трансмиссия

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89086633571, e-mail: altet@list.ru

Tetenkin Aleksei Vladimirovich, PhD, associate professor, stuff of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89086633571, e-mail: altet@list.ru

УДК 902

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЧИНГАЛАХ НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ (ЯКУТИЯ): ТЕХНИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© А.К. Шараборин

Местонахождение Чингалах возле г. Олекминска на Средней Лене является еще одним памятником с коррадированным комплексом в этом регионе. Датирование комплекса, в силу поверхностного залегания, основывается только на технико-типологических показателях, общей архаичности, коррадированности и приуроченности к террасовым уровням средне-четвертичного возраста. Подробный технико-морфологический анализ дает общий обзор галечной индустрии.

Ключевые слова: Чингалах, Малая Мунку, ранний палеолит, технико-морфологический анализ, коррадированный, некоррадированный.

EARLY PALEOLITHIC SITE CHINDALAKH ON MIDDLE LENA RIVER: TECHNICAL-MORPHOLOGICAL APPROACH

© А.К. Sharaborin

Site Chindalakh near Olekminsk on Middle Lena River is yet another site of the wind eroded artifacts in that region. Because of open-air location dating of the site is based only on technical-typological data as well as common archaic oblique and position on Middle Quarter terrace levels. Such technical-morphological analysis gives a general review of pebble industry.

Key words: Chingalakh, Malaya Munku, Early Paleolithic, technical-morphological analysis, wind-eroded, not wind-eroded stuff.

Введение

В результате археологических исследований 2007–2014 гг. в Олекминском районе Республики Саха (Якутия) РС(Я) произошло открытие местонахождений поверхностного типа, приуроченных к выходу древнего галечника – Сосновый Бор и Чингалах. Наиболее исследованным является местонахождение Чингалах.

Олекминский район является одним из наиболее изученных, с довольно высокой плотностью разновременных археологических памятников. Это обусловлено тем, что рассматриваемая территория относится к слиянию двух крупных рек – Лены и Олекмы, в устье которой в 1986 г. была открыта раннепалеолитическая стоянка Усть-Олекма 1 (Алексеев, Кириллин, Степанов, Черосов, 1992), и представляется одним из перекрестков древних миграционных путей человека (Лаухон, Дроздов, 2005).

За годы исследований на данной территории археологами было открыто несколько десятков археологических объектов, среди них раннепалеолитические местонахождения Юнкюр 4 (Черосов, 1988, с. 64–65), Бердинка, Абага, Кырамда, Алалайка 1–2, приуроченных к 50–60-метровой террасе р. Лены, культурно-хронологическая позиция которых относится авторами к ашельской эпохе и выделяется в алалайскую культуру (Мочанов, Федосеева, 2002, с. 28; 2013, с. 361, табл. XX, 1,2; XXI, 1–3).

Геоморфологическая ситуация

Геоморфологически район исследования относится к Приленскому структурно-денудационному плато со средними высотами 400–500 м (Коржуев, 1959). Местонахождение Чингалах располагается над с. Юнкюр, в 4 км к северу от внешнего уступа V надпойменной 50–60-метровой тер-

расы р. Лены. Координаты (WGS-84): 60°25'49.09" с. ш., 120°17'30.37" в. д. (рис. 1).

Местонахождение приурочено к цокольной 55-метровой останцовой террасе, являющейся структурной частью долины р. Малая Мунку. Цоколь террасы сложен кембрийскими известняками, рыхлые отложения, от 1 до нескольких метров, представлены тяжелыми красноцветными суглинками.

Поверхность террасы относительно ровная, занята пашнями, с юга и запада ограничена прослеживаемым реликтом русла Малой Мунку, с севера – обширным понижением, восточная сторона представляет пологий склон, плавно опускающийся к р. Малая Мунку, находящейся в 2,5 км (рис. 1). Условная площадь останца 1 × 2 км. Распространение галечника за границами останца не прослеживается. Археологический материал сконцентрирован в юго-западной части останца.

Технико-морфологическое описание коллекции

Коллекция Чингалах насчитывает 140 изделий. Сырьем для изготовления орудий служил местный галечник. Значительная часть, 1/2 коллекции, изготовлена из кварцита, остальные представлены эффузивными породами (базальт, андезит), в единичных случаях кварц.

Изделия несут следы эоловой корразии от сильной и средней степени до полного отсутствия ее. Встречаются изделия, у которых различная степень сохранности может различаться и на одном сколе. Часть изделий была покрыта карбонатной коркой, достигающей в некоторых случаях до нескольких миллиметров. Артефакты из эффузивных пород нередко покрыты беловатой патиной, часть кварцитовых изделий подверглась довольно интенсивной десквамации. Встречаются изделия и отщепы, чья значительная разность сохранности плоскостей говорит о том, что снятия производились с более древних изделий (вторичная переработка). Следует отметить, что многолетняя вспашка незначительно сказалась на сохранности артефактов, и в основном

выражена следами ржавчины на поверхности камня.

Учитывая разную сохранность поверхности артефактов с учетом технико-морфологических признаков, коллекция разделена на две хронологические группы: коррадированную и некоррадированную.

Коррадированная группа насчитывает 99 экз.

Нуклевидные изделия – 25 экз., представлены 9 типами: *Простые нуклеусы* – 3 экз. С бессистемными снятиями с граней заготовок.

Нуклеусы двухплощадочные встречного типа скалывания без оформленных площадок – 4 экз. Один из них представлен овальной кварцитовой галькой, сношенной наполовину продольными встречными сколами (рис. 2.1).

Нуклеусы радиальные – 3 экз. Два из них представлены массивными одноплощадочными изделиями, один изготовлен из валуна мелкозернистого кварцита, фронт выпуклый, тыл сохраняет галечную корку (рис. 2.2). Третий – представлен двухплощадочной формой на валуне мелкозернистого кварцита. Один из рабочих фронтов несет негативы центростремительных снятий. Размеры: 15,7 × 11 × 7,7 см.

Нуклеусы двухплощадочные монофронтальные, параллельного скалывания с подготовленными площадками – 8 экз. Все изделия преимущественно массивные, контрфронты и боковые стороны покрыты естественной коркой. Ударные площадки, скошенные (рис. 2.3) и горизонтальные (рис. 2.4), в большинстве случаев оформлены одним или серией сколов. На одном из нуклеусов встречные снятия производились без подготовки с острого края заготовки (рис. 2.5). Исключением является плоский небольших размеров нуклеус из базальта, у которого боковые стороны подработаны с фронта крутыми сколами (рис. 2.6). Нуклеус, с которого снимались пластины, изготовлен на базальтовой плитке с люстрированными плоскостями. Снятия производились вдоль естественных длинных граней (рис. 2.7).

Три нуклеуса в этой тип-группе по технико-морфологическим признакам выделяются в отдельную подгруппу. Один – из

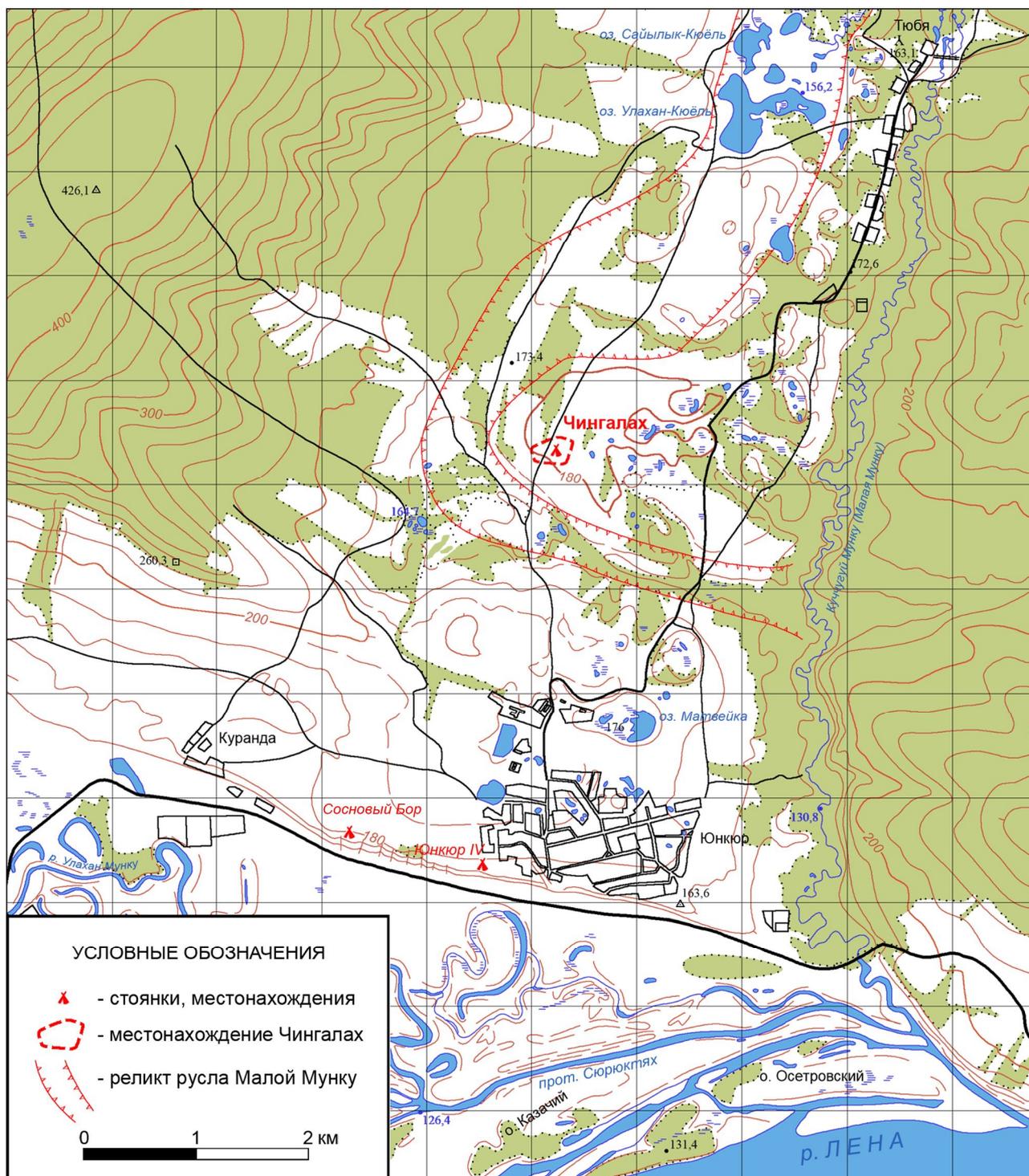

Рис. 1. Карта расположения местонахождения Чингалах

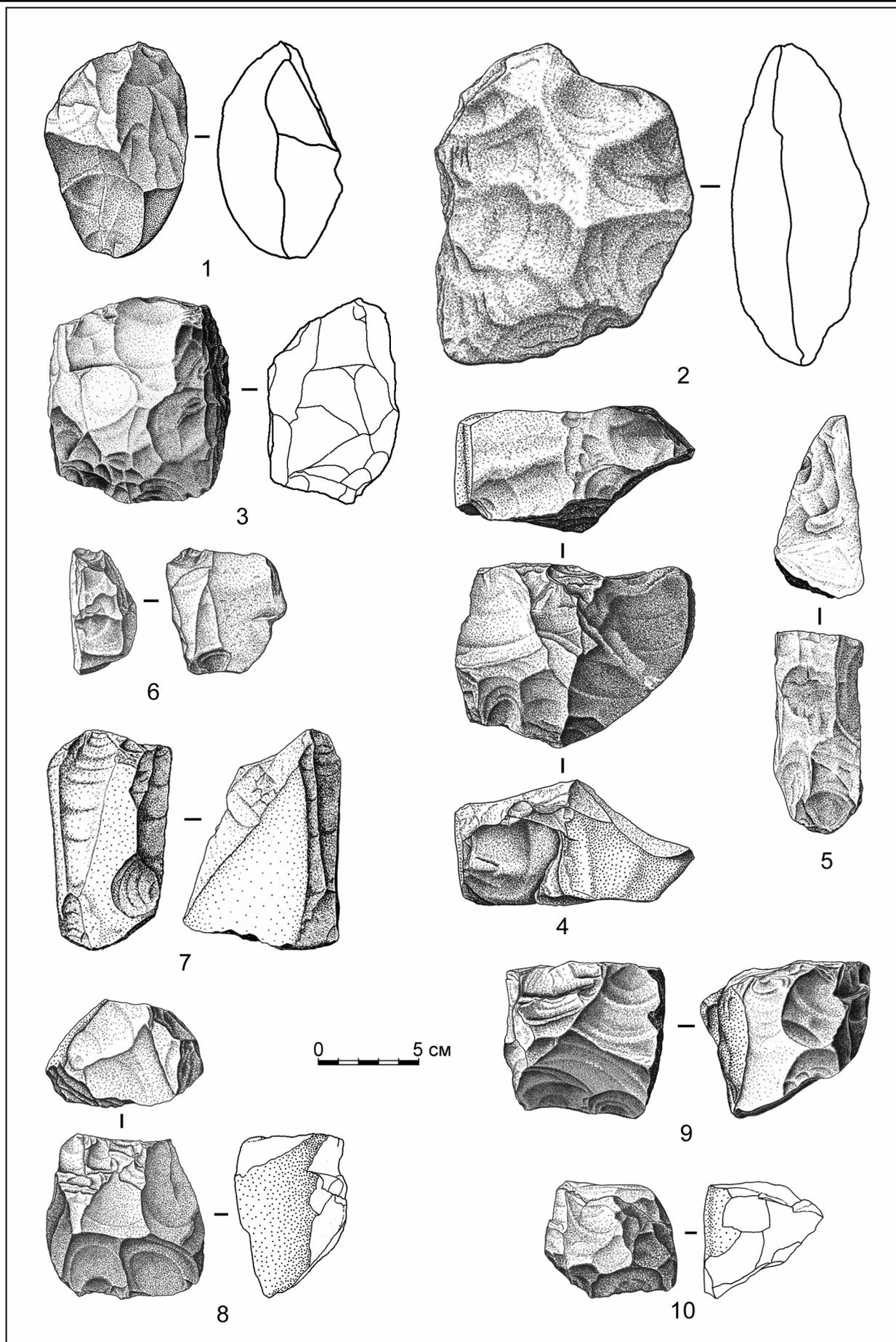

Рис. 2. Местонахождение Чингалах. Нуклеусы. Коррадированная группа

кварцита, с горизонтальной площадкой, сработанной крупными боковыми сколами. Встречные сколы наносились со стороны тыла, что придало изделию острую плоскую нижнюю грань и подтреугольный профиль (рис. 2.8). Остальные два нуклеуса из базальта и андезита сохраняют общие технические и морфологические характеристики первого (рис. 2.9, 10).

Кубовидный нуклеус с негативами продольных и перпендикулярных снятий, нанесенных с одного ребра. Один из торцов обрабатывался перпендикулярно со стороны тыла (рис. 3.1).

Нуклеус чоппинговидный изготовлен на удлинённом кварцитовом ветрограннике. Дуга скалывания расположена на поперечном крае, снятия производились поочередно в двух направлениях (рис. 3.2).

Нуклеус одноплощадочный пирамидальный на базальтовой гальке. Ударная площадка представляет собой сильно коррадированную ромбовидных очертаний плоскость (рис. 3.3).

Нуклеус с тремя плоскостями скалывания из базальта. Снятия производились с трех продольных граней. Одна из наиболее широких рабочих поверхностей – выпуклая, с негативами радиальных снятий, на двух остальных сколы производились в основном перпендикулярно продольной оси изделия (рис. 3.4).

Нуклеус веерообразный из базальта, с негативами пластинчатых сколов и отщепов, направленных от дуги скалывания к продольной оси. Площадка, оформленная широким поперечным сколом, скошена под острым углом к тылу. Края площадки подработаны, видимо, для увеличения длины снятий. Один из негативов снятий имеет очертания правильной пластины (рис. 3.5).

Преформы – 2 экз. Одна из них изготовлена на крупной гальке тонкозернистого кварцита, имеет форму треугольной призмы. Одна – горизонтальная и три – вертикальные плоскости тщательно обработаны плоскими сколами (рис. 3.6).

Количество обнаруженных продуктов отщепления невелико, всего обнаружено 61 снятие (в коррадированной группе), из них на 11 изготовлены орудия. Из числа необработанных отщепов выделяются два круп-

ных кварцитовых снятия трапециевидной формы, с широкими ударными нефасетированными площадками, расположенными под прямым углом к брешку (рис. 3.7, 8); и пластинчатый скол, с обломанным дистальным концом из мелкозернистой черной породы (рис. 3.9).

К орудиям отнесено 24 изделия. Среди орудий серийно представлены чопперы и чоппинги. Все изделия несут следы вторичной обработки и следы использования в виде фасеток утилизации и забитости.

Чопперы – 4 экз. Концевой – на кварцитовом валуне, с округлым лезвием, пяткой подправленной крупным косым сколом (рис. 3.10). Чоппер на двухплощадочном кварцитовом нуклеусе, у которого крупные встречные снятия производились по периметру с естественных плоскостей. Лезвие чоппера – широкое, округлое, сработано на одной из острых граней регулярными сколами с одной стороны и единичным сколом (возможно утилитарного характера) – с другой (рис. 3.11). Боковой – на базальтовой гальке с выпуклым лезвием (рис. 3.12). Концевой – на треугольном обломке андезита, с дугообразным лезвием (рис. 3.13).

Чоппинги – 3 экз. На уплощенном подтреугольном кварцитовом валуне, с треугольным лезвием (рис. 4.1). На кварцитовом подтреугольном в плане валуне, с асимметрично-треугольным лезвием (рис. 4.2). Боковой – с дугообразным волнистым лезвием (рис. 4.3).

Отбойники, с характерными сколами, разбитыми и забитыми торцами – 2 экз.

Орудия на массивных отщепах – 2 экз. Первое на первичном сколе, с бифасиально обработанным лезвием (рис. 4.4). Второе – скребловидное – на крупном удлинённом кварцитовом отщепе (рис. 4.5).

Крупное трехгранное орудие с продольным лезвием, изготовленное на массивном обломке мелкозернистого кварцита. Широкие плоскости обработаны крупными сколами, лезвие подправлено двухсторонней вторичной ретушью, в средней части имеется глубокий скол. Обух округлый оформлен с краев крупными снятиями, концы усечены, в одном случае круто, во втором – более полого. Размеры: 29×13,7×10,2 см (рис. 4.6). Ближайшие ана-

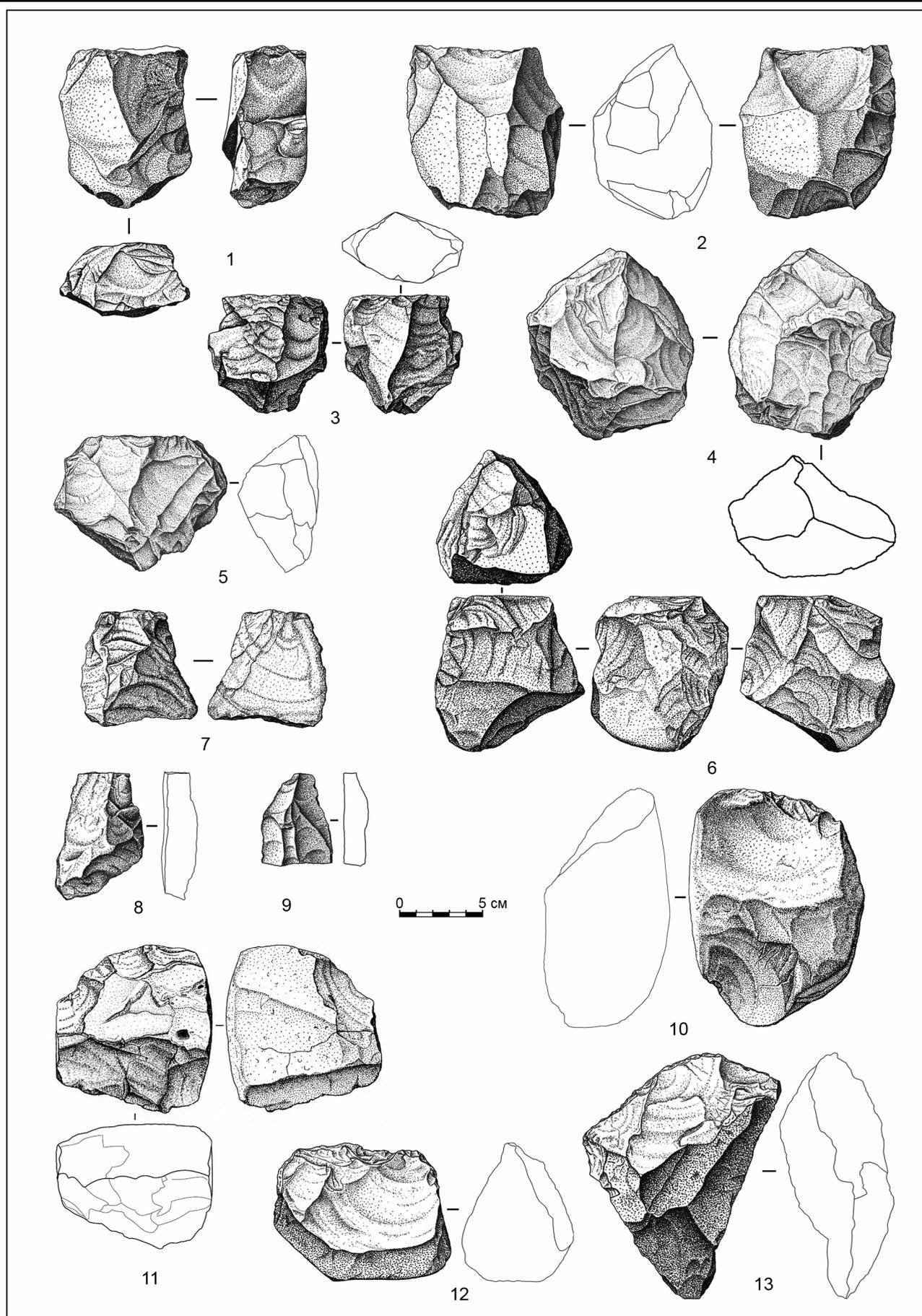

Рис. 3. Местонахождение Чингалах. Коррадированный материал: 1–5 – нуклеусы; 6 – преформа; 7, 8 – отщепы; 9 – фрагмент пластинчатого скола; 10–13 – чопперы

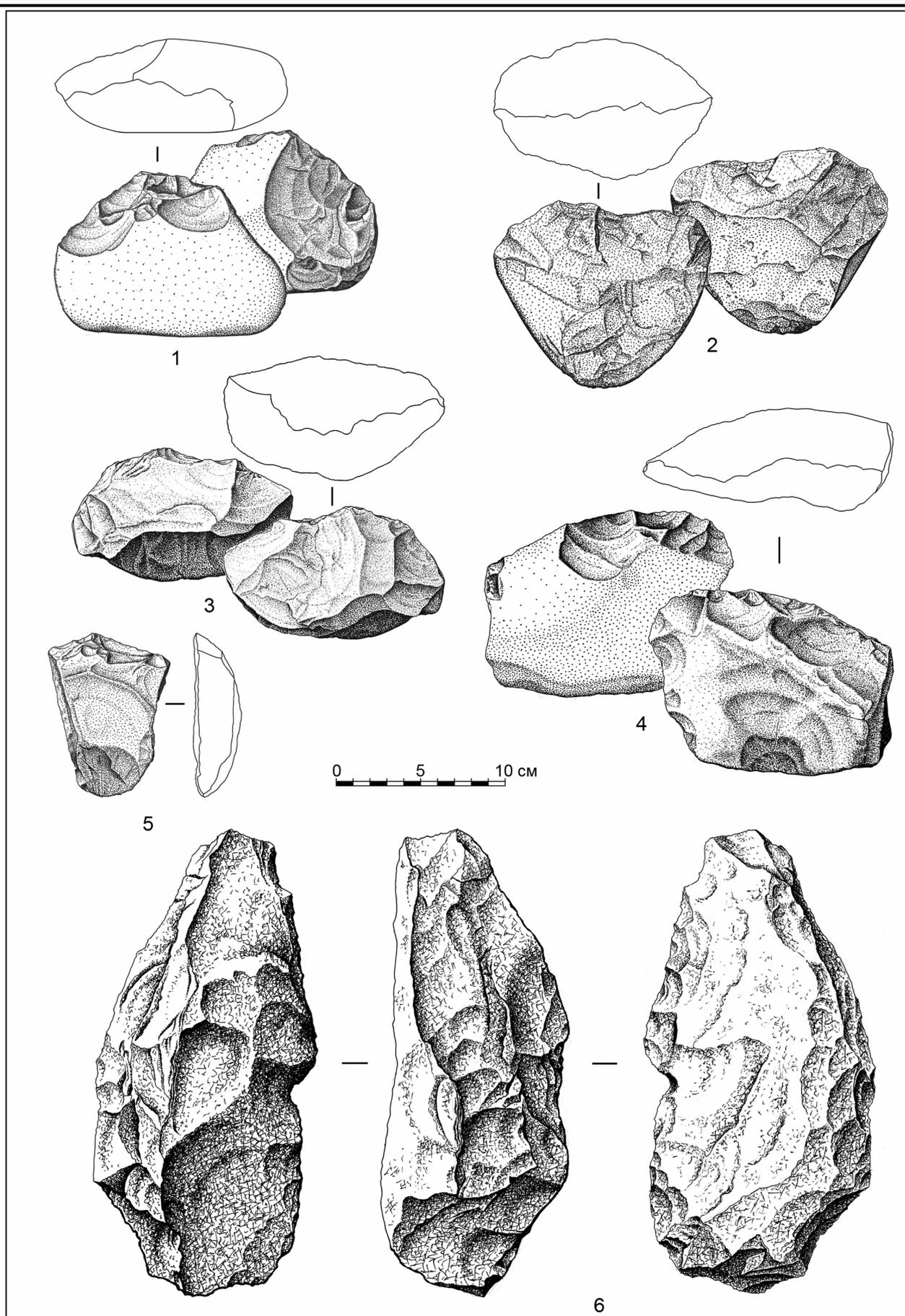

Рис. 4. Местонахождение Чингалах. Коррадированный материал: 1–3 – чоптинги; 4, 5 – орудия на отщепах; 6 – трехгранное орудие с боковым лезвием

логи, с которыми можно сравнить данное изделие по функциональному применению, орудие цалди – двуручный топор с продольным лезвием и тщательно обработанными плоскостями лезвия и обуха, – встречаются в ашельских комплексах на Северном Кавказе (Любин, 1998) и Южном Урале (Котов, 2013).

Массивное комбинированное орудие изготовлено на удлинённом кварцитовом валуне сочетает в себе два лезвия – концевое (торцовое) и боковое. Концевое лезвие прямое, характерное для рубящих изделий типа кливер, оформлено грубыми двусторонними сколами, заканчивающимися заломом. Боковое лезвие скребловидное, оформлено крупными сколами, глубоко заходящими на брюшко изделия, часть лезвия имеет противоположную дополнительную подправку из относительно мелких плоских сколов. Обушная часть этого орудия, на первый взгляд, носит сколы характерные для отбойников – длинные, относительно массивные, вокруг точки удара, вместе с тем, не исключается специальное оформление остроугольного конца (рис. 5.1).

Комбинированное орудие на небольшой гальке из кварца имеет продольное лезвие, полученное в результате двусторонних крупных сколов, и носик, выделенный на конце изделия глубоким выемчатым сколом. Носик подработан односторонними небольшими продольными сколами (рис. 5.2).

Комбинированное орудие на первичном отщепе из черной мелкозернистой породы. В комбинацию входят шиповидное орудие и режущее острие. Шип оформлен крутой ретушью на боковой стороне отщепа. Под острие был использован с небольшой подработкой, противоположный лезвию угол отщепа (рис. 5.3).

Скребла – 2 экз. Одно – из мелкозернистого кварцита, несет бифасиальную обработку, лезвие выпуклое, обработано продольными сколами с брюшка на спинку. Спинка подправлена двумя крупными сколами с обушка. Брюшко уплощено боковыми сколами (рис. 5.4). Второе скребло изготовлено на массивной пластине из андезита, лезвие оформлено на выпуклой про-

дольной стороне крутой дорсальной ретушью с мелкой ступенчатой подправкой (рис. 5.5).

Скребки – 2 экз. Первый – изготовлен на крупном удлинённом сколе кремнистой породы, лезвие сработано мелкой крутой дорсальной ретушью на скошенном конце изделия (рис. 5.6). Второй скребок подпрямоугольной формы изготовлен на кварцитовом отщепе, округлое зубчатое лезвие оформлено на боковой стороне заготовки крутой разнофасеточной вентральной ретушью (рис. 5.7).

Долотовидные орудия – 2 экз. Первое – на первичном подтреугольном отщепе из тонкозернистого кварцита. Лезвие частично сломано, оформлено на дистальной части двусторонней мелкой ретушью, обушок несет следы забитости и тонкие продольные сколы (рис. 5.8). Второе орудие изготовлено на куске базальта брусковидной формы, лезвие оформлено на торце заготовки продольными односторонними сколами, подправлено мелкими сколами, размеры: 9,5×3,1×3,2 см.

Ножи на пластинчатых сколах – 3 экз. (рис. 5.9–11).

Некоррадированная группа состоит из 41 изделия.

Нуклевидные изделия: 8 экз.

Радиальные одноплощадочные нуклеусы – 4 экз. Представлены массивными формами, три из них из кварцита, один из кремнистой эффузивной породы, контрфронт изделий сохраняет естественную корку (рис. 6.1).

Протопризматические двухплощадочные нуклеусы – 3 экз. Первый нуклеус – из базальта, одна площадка на естественной коррадированной плоскости, противоположная площадка подтреугольная, слегка скошена, значительно меньше первой, грубо оформлена двумя крупными сколами, один из которых заканчивается заломом. Негативы снятий в основном от отщепов, но есть следы довольно правильных пластин (рис. 6.2). Второго нуклеуса из базальта, пластинчатые сколы и отщепы снимались с естественной плоскости, частично подработанной небольшими плоскими сколами. Противоположная площадка полностью сработана, что придало изделию кониче-

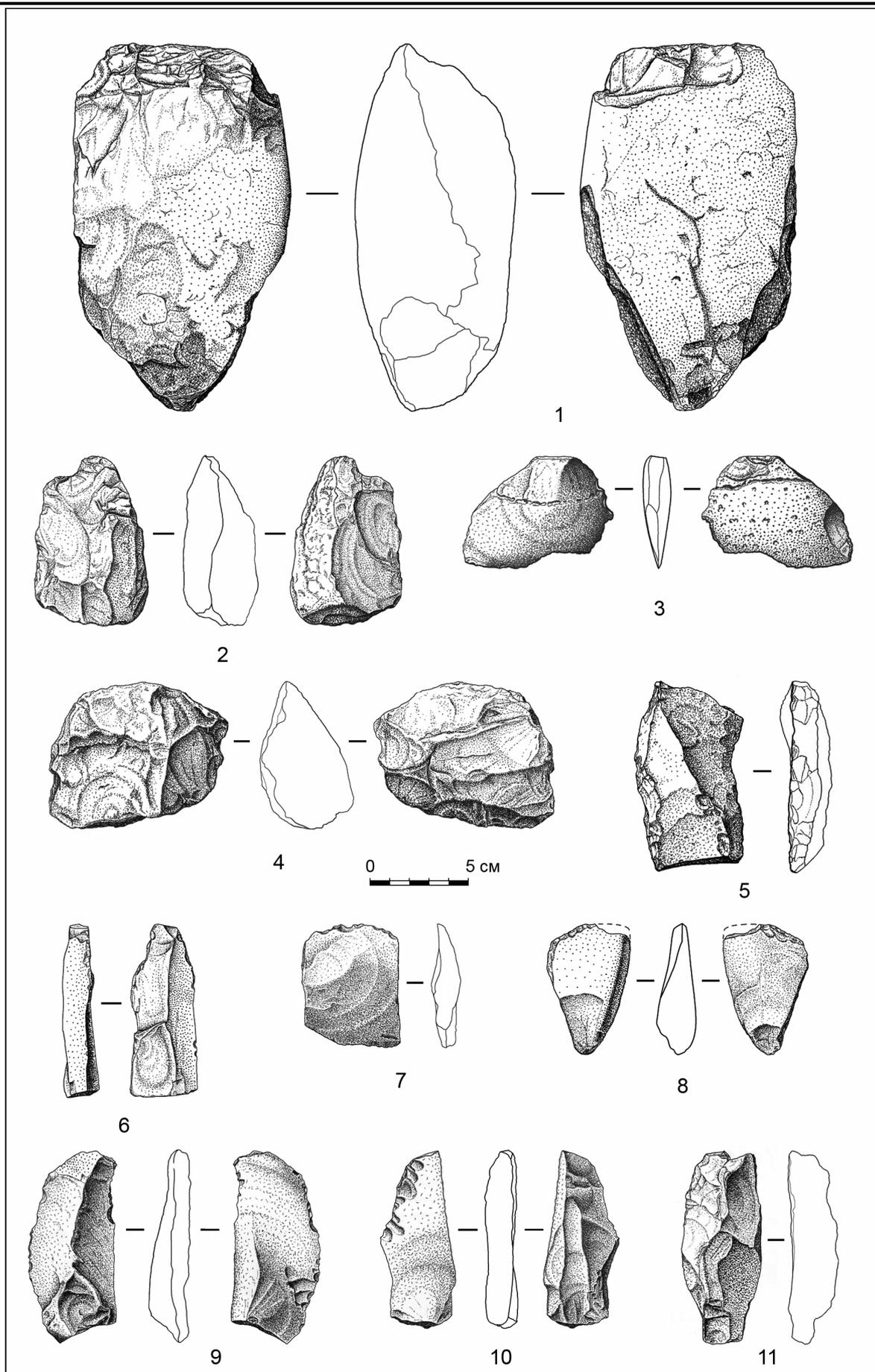

Рис. 5. Местонахождение Чингалах. Коррадированный материал: 1–3 – комбинированные орудия; 4, 5 – скребла; 6, 7 – скребки; 8 – долотовидное орудие; 9–11 – ножи на пластинчатых сколах

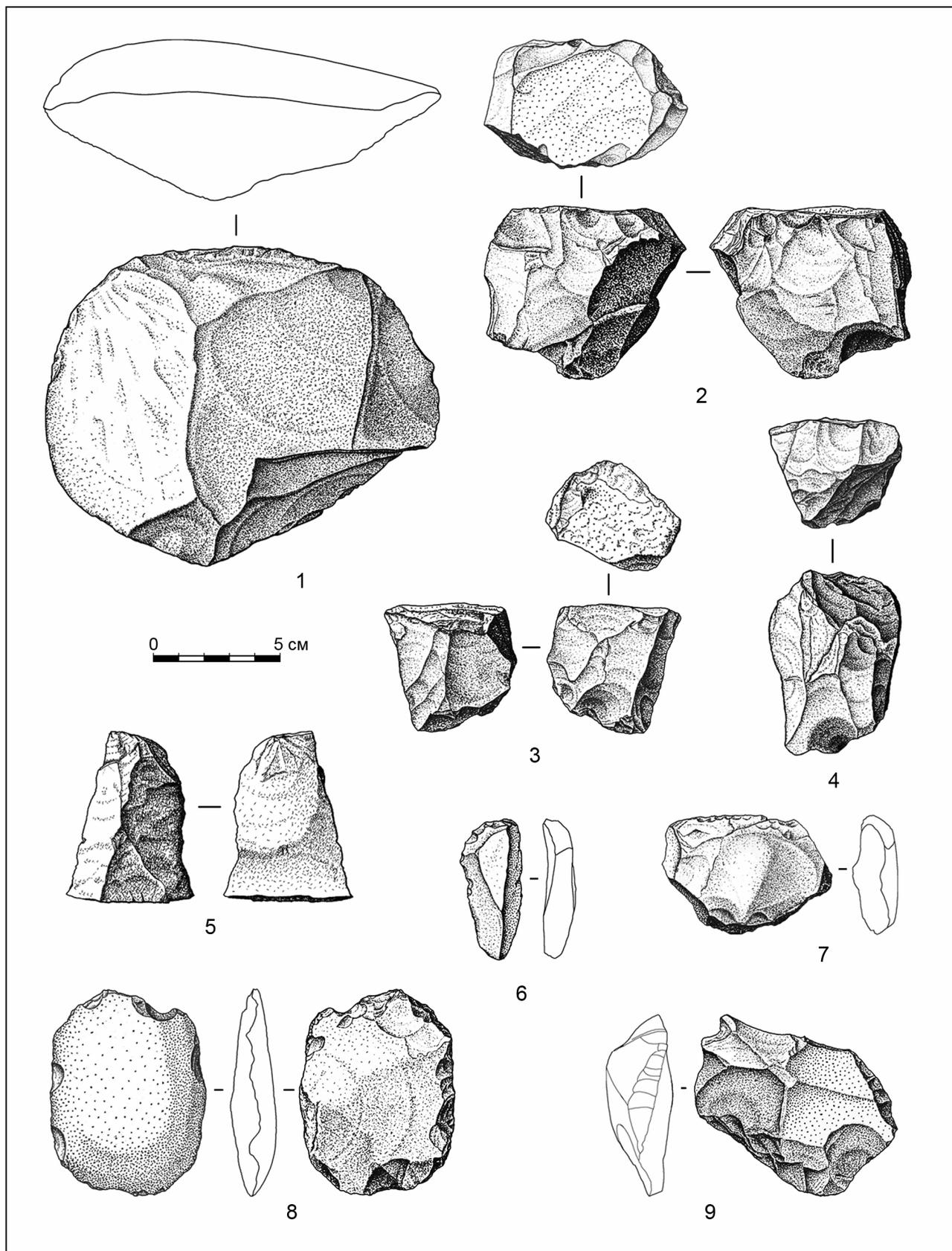

Рис. 6. Местонахождение Чингалах. Некоррадированный материал: 1–4 – нуклеусы; 5 – фрагмент пластины; 6–7 – скребки; 8 – скребло; 9 – комбинированное орудие с шипом

ские пропорции (рис. 6.3). Третий нуклеус монофронтальный, скалывание велось только на одной полукруглой поверхности. Противоположная сторона уплощена поперечными сколами. Одна из площадок слегка скошена к тылу и тщательно обработана плоской ретушью. Вторая площадка значительно скошена, имеет неровный волнистый край, оформлена двумя крупными сколами, один из которых сильно скошен к тылу, несет следы мелкой краевой подправки (рис. 6.4).

Преформа на базальтовой гальке, это изделие можно отнести к заготовке протопризматического нуклеуса. Имеет округлую уплощенную форму, прослеживаются частично зачищенные плоскими крупными сколами противопоставленные площадки, с которых были произведены пробные относительно небольшие снятия. Размеры: $6,4 \times 10,1 \times 7,6$ см.

Индустрия сколов представлена 25 изделиями, среди них одна крупная пластина из базальта, снятая хорошо сконцентрированным точечным ударом (рис. 6.5), остальные представлены невыразительными аморфными отщепами, массивными сколами и обломками.

Орудийный набор состоит из 10 экз.

Чоппер – изготовлен на плоской, подпрямоугольных очертаний, кварцитовой гальке. Прямое лезвие оформлено крупными продольными односторонними сколами на одном из торцов, в левой части которого имеется довольно значительный выемчатый скол. Размеры: $12,7 \times 10,4 \times 5,2$ см.

Скребки – 4 экз. Один из скребков концевой, изготовлен на пластинчатом кварцитовом отщепе, левая плоскость спинки сохраняет галечную корку. Скошенное лезвие округло-выпуклое, обработано крутой дорсальной ретушью, с мелкой краевой ступенчатой подправкой (рис. 6.6). Еще один скребок изготовлен на отщепе подтреугольных очертаний из черной плотной каменной породы, снятом, очевидно, с нуклеуса. Прямое лезвие оформлено мелкой крутой вентральной ретушью, брюшко несет негативы разнонаправленных снятий с нуклеуса (рис. 6.7).

Скребла – 2 экз. Первое – на первичном базальтовом отщепе овальной формы. Два

прилежащих края обработаны по брюшку плоской разнофасеточной ретушью (рис. 6.8). Второе скребло изготовлено на крупном базальтовом обломке, выпуклое лезвие оформлено по естественному острому краю заготовки крутой дорсальной разнофасеточной ретушью. Размеры: $8,5 \times 11 \times 5,6$ см.

Комбинированное орудие на крупном базальтовом отщепе представлено скребло-видным лезвием с крутой дорсальной ретушью и шипом, оформленным в противоположном углу дистального конца (рис. 6.9).

Тесло из мелкозернистого кварцита, удлиненной, сужающейся в средней части формы и подтреугольным поперечным сечением. Округло-выпуклое лезвие оформлено крутыми вентральными сколами и подправлено плоскими заломистыми снятиями. Спинка высокая, с крупными сколами, брюшко сохраняет галечную корку. Размеры: $8,7 \times 5 \times 3,7$ см.

Обломок небольшого двусторонне обработанного ножа представлен овальной, косо усеченной изломом, частью. Обе стороны изделия тщательно обработаны плоскостной ретушью, продольные стороны несут следы мелкой краевой вторичной подправки. Размеры: $3,9 \times 3,4 \times 0,8$ см.

Заключение

Многолетние шурфовочные работы так и не привели к обнаружению культуросодержащего слоя. Скорее всего культурный слой в свое время был уничтожен золовыми процессами, а также многолетней вспашкой. Все эти факторы не дают возможности для выделения и датирования культурного слоя. Можно говорить лишь об общих геологических условиях и ссылаться на время формирования среднечетвертичной 50–60-метровой террасы р. Лены, которому, вероятно, соответствует возраст оформления 55-метровой останцовой террасы р. Малая Мунку, на которой располагается местонахождение Чингалах. Прослеживаемый реликт русла р. Малая Мунку дает основание предполагать, что местонахождение было приурочено к древнему руслу. В отложениях V надпойменной террасы Средней Лены фиксируется фауна

Хазарского палеокомплекса, в частности *Bison priscus longicornis* и *Equus latipes orientalis*, что позволяет говорить о времени, по крайней мере, начала миндельрисского (тобольского) межледниковья в нижних границах.

Технико-морфологический анализ материала коррадированной группы показывает на присутствие техники первичного расщепления, направленной на получение удлиненных отщепов и пластинчатых сколов с не фасетированными прямыми ударными площадками.

Нуклевидные изделия представлены серией архаичных форм нуклеусов и монофронтальных нуклеусов с устойчивой формой специально подготовленных противопоставленных площадок, с параллельным принципом скалывания. Единственный нуклеус из этой группы имеет негативы длинных и правильных пластин, снятых вдоль естественных граней заготовки. Выделяются три нуклеуса, которые при исходном сырье разной твердости сохраняют общие технико-морфологические характеристики, выраженные в оформлении площадок, одна из которых широкая горизонтальная, а встречные снятия производились по косой со стороны тыла.

Из орудий серийно представлены чоперы и чопинги, вторая по количеству категория, все изделия несут следы вторичной обработки и следы использования в виде фасеток утилизации и забитости.

О присутствии бифасиальной техники может говорить наличие экзотического орудия функционально аналогичного цалди, а также кливероподобного орудия и сильно коррадированного скребла, с обработанными плоскостями.

Обособлено по своим техническим характеристикам стоят два изделия – вееро-видный нуклеус, с подготовленной ударной площадкой, и нож на вторичном пластинчатом снятии, с тщательно подготовленной выпуклой площадкой и боковыми внешними плоскостями, обработанными перпендикулярными сколами, напоминающими леваллуазские технические характеристики. Однако отсутствие изделий и нуклеусов, с которых могли бы сниматься подобные сколы, относит эту форму к разряду случайных.

Принимая во внимание общую архаичность технико-типологических показателей, можно предварительно отметить, что часть этой коллекции отражает в себе раннепалеолитическую галечную культуру, с учетом приуроченности к среднеплейстоценовым террасам, видимо, не ранее позднего ашеля. Данному выводу не противоречат и технико-типологические признаки: галечный облик индустрии; независимость типологии инвентаря от характера исходного сырья; базирование техники первичного расщепления на двухплощадочном нуклеусе параллельного скалывания; наличие пластинчатой формы заготовки; бифасиальной техники обработки орудий; использование ретуши при вторичной обработке орудий.

Вторая группа менее представительна в количественном и типологическом плане, представлена разновременным археологическим материалом, включающим и культуру голоцена. Из коллекции выделяется группа из трех протопризматических нуклеусов, нацеленных на получение удлиненных тонких заготовок.

Статья поступила 11. 03. 2015 г.

Библиографический список

1. Алексеев А.Н., Кириллин А.С., Степанов А.Д., Черосов Н.М. Усть-Олекма – новый памятник древнейшего палеолита // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 33–39.
2. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 288 с.
3. Коржуев С.С. Геоморфология долины Средней Лены и прилегающих районов. М. : АН СССР, 1959. 150 с.
4. Котов В.Г. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр в Южном Зауралье // Вестник Пермского университета. Серия «История». Пермь : ПГУ, 2013. Вып. 1 (21). С. 7–21.

5. Лаухин С.А., Дроздов Н.И. К проблеме древнейших миграций палеолитического человека через Берингию в Северную Америку // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». Магадан : СМУ, 2005. С. 88–91.
6. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.
7. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: Докл. для междунар. Северного археологич. конгресса, Ханты-Мансийск, 9–14 сент. 2002 г. Якутск, 2002. 60 с.
8. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск : АН РС(Я), ЦААПЧ, 2013. Т. 2. 489 с.
9. Черосов Н.М. Памятники каменного века центральной части Приленского плато (Олекминский район ЯАССР) // Археология Якутии. Якутск : ЯГУ, 1988. С. 54–71.

Список сокращений

АН РС(Я) – Академия наук Республики Саха (Якутия)

АН СССР – Академия наук СССР

ПГУ – Пермский государственный университет

СМУ – Северный международный университет

ЦААПЧ – Центр арктической археологии и палеоэкологии человека

ЯГУ – Якутский государственный университет

Сведения об авторе

Шараборин Аркадий Куприянович, Зав. отделом этнографии Музея антропологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета, 677000, Россия, г. Якутск, СВФУ, КФЕН, ул. Кулаковского, 48, тел.: +7 (4112) 49-68-41, e-mail: unker70@mail.ru

Sharaborin Arkadiy Kupriyanovich, Director of Department of Ethnography of the Museum of Archaeology and Ethnography of the North-Eastern Federal University, 677000, Russia, Yakutsk, NEFU, ul. Kulakovskogo. 48, tel.: +7 (4112) 49-68-41, e-mail: unker70@mail.ru

УДК 39 (=512.157)

ТУМАТСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ САХА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

© **В.В. Ушницкий**

Средневековые туматы сыграли весьма важную роль в этногенезе народов Южной Сибири. Обширная литература по туматам имеется в бурятской историографии, считающей их предками родов хоринских бурят. Сведения о туматах имеются в якутском фольклоре, по архивным данным XVII в., это название группы «пеших» якутов, обитавших в Вилюе. Как считает В.С. Николаев, усть-талькинская археологическая культура Южного Приангарья XII–XIV вв. связана с туматами.

Ключевые слова: археология, легенды, восточные источники, архивные документы, Сибирь, этногенез, тюркология, история Якутии.

TUMAT'S COMPONENT IN THE ETHNOGENESIS OF SAKHA: ARCHAEOLOGICAL, FOLKLORE AND WRITTEN EVIDENCIES

© **V.V. Ushnitsky**

The medieval Tumats played a very important role in the ethnogenesis of the peoples of Southern Siberia. There is the extensive literature about the Tumats in the Buryat historiography that considers them ancestors of the Khori-Buryat clans. There are the data about the Tumats in the Sakha folklore. According to the archive data of the 17 century, it is the name of the «on-foot» Sakha inhabited in Viluy. The Ust-Tal' kinskaya archeological culture of Southern Priangarie of the 12–14 centuries is connected with the Tumats.

Key words: archeology, legends, oriental sources, archival documents, Siberia, ethnogenesis, turkology history of Yakutia.

Одной из важнейших задач при изучении этнической истории соседних этносов является поиск родственных связей, идентичных названий племен и родов, чтобы на их основе реконструировать язык и этническую принадлежность средневековых племен. Например, средневековых хоритуматов своими предками считает ряд соседних и близких этносов.

Рашид ад-Дин указал на то, что в древности туматы обитали в Восьмиречье (Секиз-мурэн), где в его времена уже обитали ойраты [Рашид ад-Дин, 1952. С.118]. Отсюда считается, что пришедшие в X–XI вв. ойраты вытеснили большую часть туматов с их территории. По указанию письменных источников XIII в., туматы проживали поблизости от страны Баргуджин-Тукум в пределах страны кыргызов.

Тюркоязычные племена туматов В.С. Николаев считает народом, создавшим усть-талькинскую культуру Южного Приангарья XII–XIV вв. По его утверждению, туматы мигрировали в конце XI в. в Прибайкалье с предгорий Саяно-Алтая. В результате проникновения новых племен с юга в начале XV в. происходит вытеснение части туматов в долину среднего течения р. Лены [Николаев В.С., 2004. С. 158].

В научных дискуссиях об этнической принадлежности туматов наличие туматов в составе саха еще не стало темой активного научного обсуждения. Имеется фольклорное сведение о том, что туматов с долины Туймаады изгнал Омогой Баай, победив их. Особое воинственное племя тумат, проиграв в войне с Омогоем, перекочевало на север и в сторону Вилюя и там осело. От их

потомков произошли туматские роды северных районов [Боло, 1994. С. 256]. Судя по этим преданиям, туматы до прихода саха могли проживать на территории Средней Лены и только потом сосредоточиться на Нижнем и Среднем Вилюе. Имя туматов запечатлено в названии долины Туймаады.

Поэтому нам предстоит внимательно еще раз проанализировать фольклорные и письменные источники. Туматы, по материалам фольклорных источников XVIII в., выступают в качестве мигрантов с юга: «в рукописном сочинении иркутского надворного советника Ивана Эверса на основании устных свидетельств якутов сообщается, что туматы, не желавшие подчиняться монголам, «со всеми семействами перебрались к началу реки Лены» и спустились вниз по ее течению до пределов нынешней Якутии» [цит. по: Туголуков, 1985. С. 214].

Поэтому неудивительно, что туматы являются в письменных источниках XVII в. одним из этнолокальных групп саха. В свое время Б.О. Долгих пришел к выводу, что «туматы – общее племенное название якутов, плативших ясак в Средневилюйское зимовье (за исключением Оргутского рода, кангаласского по происхождению), а тагусы, кыргыдаи, кирикееи, онтулы, лучинцы и олесы – названия туматских родов» [Долгих, 1960. С. 468–469]. «Пешие» вилюйские якуты, жили только рыболовством и охотой [Долгих, 1960. С. 460–462]. С.И. Николаев также сделал вывод, что термин «тумат» был собирательным, общим названием большинства вилюйских якутов [Николаев С.И., 1957. С. 94–96].

У этих «пеших» якутов не только не было лошадей, но не было, по-видимому, и крупного рогатого скота. Средства к существованию давали им только рыболовство, охота и добыча сосновой заболони [Долгих, 1960. С. 460–462]. Таким образом, «пешие» вилюйские якуты имели лесное хозяйство, схожее с культурой таежных тюрков – тофаларов, тубаларов и челканцев.

Кокуи и осекуи в архивных документах также упомянуты среди родов «пеших» саха. Название рода кырык сопоставимо с именем огузского племени кырык. Имя рода Асыыкай (осекуи) можно сопоставить с названием кыргызского племени азык. В

китайских источниках упоминается западно-тюркское племя асиги.

Название рода «конных» саха Вилюя, которых казаки представили как тагус, можно связать с древним тогуз-огуз. В 1638 г. тагусы встречены в Вилюе; они же находились на Алдане, на берегах реки Томпо. В районе среднего Вилюя был Тагуский наслег [Боло, 1994. С. 109]. Интересен тот факт, что ётёхи легендарных хара-сагылов (или «тыял буолбуттар») именовали ётёхёми Токус. Исходя из этого, можно предположить, что до прихода саха на Среднюю Лену часть его территории населяли именно туматы или тогусы [Там же. С. 21]. Прежде всего, легендарные хара-сагыллар якутского фольклора отождествляются с племенами керсагалы, карасакал, кер-саал, упоминаемыми в письменных и фольклорных источниках XVII в. на территории Саяно-Алтайского региона.

Оргутский род «пеших» якутов или архивных «туматов» представляется поздним Ёргоётским наслегом Вилюйских улусов. Это имя стоит в одном ряду с эргитами, эльгейцами, эргисами в составе центральных и вилюйских саха. Эти якутские названия родов сравниваются с этнонимами саяно-алтайских тюрков – эргит, иргит. Этимология этнонима иргит выводится из самодийских языков (версия М.А. Кастрена), связывается с лесным народом ойин-ирген у Рашид ад-Дина (гипотеза Г.Н. Потанина).

Название рода Модут, имя которого в архивных документах встречается под именем Маданская волость, сравнимо с тувинским этнонимом мада. Также род Чорду имеет в Туве своих однородцев в лице носителей этнонима чоду. Насчет эргитов и модутов можно сказать, что они являются носителями кыргызского компонента в составе саха, так как иргиты и мада упоминаются как ближайшие родственники кыргызов Енисея.

Имеются данные, говорящие в пользу присутствия туматов на Средней Лене. Так род Тюмэты входил в состав Мегинского улуса. Среди подгородных «саха» в документах XVII в. фигурирует Чумецкая волость, согласно Б.О. Долгих, имя этой волости идентифицируется как Туматская [Долгих, 1960. С. 364]. В Хатасском насле-

ге были люди туматского рода, в количестве 230 душ, пришедшие со стороны Вилюя и объединившиеся с хоринцами [Иванов М.С., 1985. С. 22].

Роды и наслеги под названиями Тумат и Тюмэти есть в северных улусах: Жиганском, Усть-Янском. По записям В.В. Никифорова, сделанным в 1925–1926 гг., туматы обитали в Вилюйском, отчасти в Олекминском округах бывшей Якутской области. Они занимались охотой и рыболовством, жили в «земляных урасах» (видимо, холомо) и постоянно перекочевывали с места на место. Оружием им служили луки и стрелы с железными наконечниками, а также пальмы. Туматы носили одежду из звериных шкур, обвешанную кистями из оленьих волос и вышитую разноцветным бисером. Саха туматов обыкновенно называли «тигиилээх сырайдаах», так как это племя имело обычай татуировать свое лицо. Туматы «имели чрезвычайно суровый вид и жестокий нрав» [ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 122. Л. 68–73].

Архаичность быта упоминаемых в фольклоре туматов привела исследователей к мысли о древности обитания их на территории Якутии и связи их с палеоазиатским (юкагирским) субстратом. Фольклорные источники отличаются свойством переноса давних событий на более близкие к современности, подобно этому, древние этнонимы вместе с изменением этносазнания перетерпевают изменение, попадая из разряда «чужих» и «враждебных» в «свои». Словом тунгус обозначали группы якутов-оленевонов в XIX в.; часть представителей

тунгусских родов Вилюя перешли на скотоводство, ассимилировавшись с вилюйскими якутами. Возможно, тогда память о тунгусских племенах Вилюя была перенесена на туматов, которые являлись в XVII в. субэтнической группой якутов.

Поэтому можно подумать, что именно туматы являются одним из южных компонентов саха. Однако версия фольклорных источников о вытеснении легендарных туматов со Средней Лены, потом со Среднего Вилюя предками саха и однозначное отношение к туматам как враждебному племени показывает сложность этногенетических процессов. В отличие от хоринцев, большинство туматов было физически уничтожено монгольскими армиями в ходе кровопролитных военных операций. Поэтому говоря о туматах как тюрках и предках саха, следует сказать, что небольшое количество уцелевших мужчин могли составить этническое ядро объединения, вокруг которого ассимилировались тунгусские родовые группы.

Довольно проблематичной является доказательство участия туматского субстрата в этногенезе саха. Поскольку родовой состав вилюйских «пеших» якутских родов, обозначением которых было слово тумат, говорит в пользу их тюркоязычия и близости к саяно-алтайским тюркам. Туматы, возможно, были этнически близки к сойотам и тофаларам, также обитающим на территории Байкальского региона.

Статья поступила 12. 03. 2015 г.

Библиографический список

1. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену / По преданиям якутов бывшего Якутского округа / Якутск : Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. 320 с.
2. Долгих Б.О. Родовой состав народов Сибири. М., 1960. 622 с.
3. Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVIII века. Улан-Удэ, 1997. 104 с.
4. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск : Издательство Института географии СО РАН, 2004. 306 с.
5. Никифоров В.В. Материалы участника Якутской экспедиции АН СССР / ААН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 122. Л. 68–73.
6. Иванов М.С. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). Якутск : Кн. изд-во, 1985. 144 с.
7. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
8. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. 268 с.

9. Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. I. Якутск, 1992 (1937). 416 с.

10. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: 8(4112) 364658, e-mail: voma@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasil'evich, PhD, researcher, Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North SO RAN, 67700, Russia, Yakutsk, Petrovskogo str., 1, tel.: 8(4112) 364658, e-mail: voma@mail.ru

УДК 94

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© О.В. Гусева

Статья предметно рассматривает деятельность Томского и Барнаульского местных управлений общества Красного Креста в 1914–1918 гг. Показана их роль в содействии фронту, в создании дополнительных медицинских учреждений, в помощи раненым и больным, в поддержке солдатских семей и беженцев. Источниковой базой послужили архивные документы и сведения из газет.

Ключевые слова: общественные организации, Красный Крест, благотворительность, пожертвования, медицина, раненые, больные, беженцы, Первая мировая война, Томская губерния.

FORMS AND METHODS OF WORKING OF THE ORGANIZATIONS OF RUSSIAN RED CROSS IN TOMSK GUBERNIYA DURING THE WOULD WAR I

© O.V. Guseva

The article describes the activity of Tomsk and Barnaul local departments of the Red Cross Society in 1914–1918. Author demonstrates their help to the front as well as their organizing additional medical institutions, their help to injured soldiers, their families and displaced persons. Research based on archive and newspaper documents.

Key words: society institutions, Red Cross Society, charity, donations, medicine, injured persons, ill persons, displaced persons, World War I, Tomsk gubernia.

Накануне Первой мировой войны Томская губерния входила в состав Омского военного округа. В соответствии с Указом от 18 июля 1914 г. «О призыве нижних чинов запаса армии и флота в губерниях, областях и уездах европейской России» в Западносибирском регионе была объявлена всеобщая мобилизация войск [9, с. 38].

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. Томское Местное Управление обратилось к местному населению с рядом воззваний, призывая всех к активной, напряженной работе по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов. Воззвания были распространены не только в г. Томске, но и по всей Томской губернии. Сибиряки с сердечным участием откликнулись на призыв Российского общества Красного Креста (РОКК) об оказании помощи фронту [11, с. 2].

Повсеместно стали открываться различные общественные организации, такие как Сибирское Общество помощи больным и раненым воинам, Всероссийский Союз Городов, Дамский Комитет. Все они, наравне с Российским обществом Красного Креста, имели одну и ту же цель – помощь раненым, больным воинам и их семьям. Местные Управления Российского общества Красного Креста Томской губернии выступили с инициативой объединить все эти организации под флагом Красного Креста и сплоченными силами начать работу [12, л. 21 об.].

К началу войны Томское и Барнаульское местные Управления имели достаточно большой денежный капитал для выполнения задач в условиях военного времени. Так Барнаульское местное Управление РОКК имело накопительный капитал

69 859 руб. 29 коп. Из них 42251 руб. 24 коп. составил запасный капитал на нужды военного времени и 20755 руб. 66 коп. – на помощь увечным воинам. Запасный капитал на нужды военного времени с началом войны сразу был отчислен согласно Уставу в Главное Управление Общества [7, л. 62].

Первые месяцы войны показали неготовность лечебной базы Военного ведомства к приему столь большого числа раненых. В тыл, в том числе и Томскую губернию, с фронта стали направляться тысячи недолеченных воинов, возникла необходимость расширения старых и строительства новых лазаретов, хирургических, перевязочных, инфекционных отделений Красного Креста [5, с. 185–186]. На одном из заседаний членов Барнаульского местного Управления Российского общества Красного Креста в 1915 г. было принято решение восстановить лазарет в г. Барнауле, так как во всей губернии, кроме госпиталя в г. Томске, больные и раненые воины больше нигде не могли получить хирургическую помощь. Здание под лазарет Красного Креста в г. Барнауле было предоставлено начальни-

ком Алтайского округа В.П. Михайловым. Заведующим лазаретом единогласно был избран один из лучших хирургов г. Барнаула, член местного Управления Российского общества Красного Креста Николай Михайлович Буторин [7, л. 64]. На содержание в лазарете 25 кроватей в течение всей войны Барнаульскому местному Управлению РОКК требовалось 7 500 руб. С целью сбора средств на оборудование лазарета и содержание кроватей по селам и уездам Томской губернии были разосланы воззвания [8, л. 8], проведены кружечный сбор на сумму 2602 руб. 21 коп., благотворительная лотерея-аллегри. Владельцем электротeatра «Новый мир» было пожертвовано 410 руб. 58 коп., вырученные от сеансов кинематографа [7, л. 1]. 24 марта 1915 г. на заседании местного Управления Барнаульского отдела общества Красного Креста заведующий лазаретом врач Н.М. Буторин отчитался перед членами Управления о покупке в Москве при содействии профессоров Шилова и Самарина необходимых вещей для лазарета: хирургических инструментов и оборудования, аппарата Рентгена,

Рис. 1. Фото из журнала «Искры» № 47 от 30 ноября 1914 г.

электрических арматур, посуды и других хозяйственных принадлежностей, а также заявил о готовности лазарета к открытию. Лечебные заведения обслуживали только раненых военных и получали на это определенные денежные суммы. Барнаульское местное Управление РОКК приняло решение оказывать помощь не только раненым воинам, но и проводить обследование на аппарате Рентгена частных лиц [7, л. 7–8]. В целях жесткой экономии штат служащих Красного Креста в лазарете был распределен следующим образом: сестер милосердия А. Карташину и Печатных, состоявших в должности фельдшерниц, было решено перевести на должность сестер милосердия, уменьшив им содержание с 40 руб. на 25 руб. в месяц, на должность фельдшерницы лазарета с содержанием 60 руб. в месяц была назначена А. Филатова. Вместо двух сиделок и двух санитаров было решено оставить в лазарете одну сиделку и одного санитаря [7, л. 13 об., 14]. 2 июня 1915 г. в Барнауле состоялось открытие лазарета Красного Креста на 25 кроватей. В 1916 г. было решено добавить в лазарет ещё 10 кроватей для раненых воинов, так как все нижние чины, подлежащие хирургическому лечению, направлялись из военных лазаретов в барнаульский хирургический лазарет Общества Красного Креста [7, л. 64 об., 65].

Война потребовала большого числа младшего медицинского персонала. 26 февраля 1915 г. от Главного Управления Российского общества Красного Креста председателю Барнаульского местного Управления Красного Креста А.А. Лесневскому был направлен циркуляр об открытии двухмесячных подготовительных курсов для сестер милосердия военного времени. Барнаульским местным Управлением было решено ввиду ограниченного числа лекторов, согласившихся читать лекции, пригласить за плату местных врачей, выделив на это 1000 руб. Об открытии курсов врачом Г.В. Орловым была сделана публикация в местной газете «Жизнь Алтая». Пройти курсы сестер милосердия военного времени приглашались женщины в возрасте от 18 до 40 лет, имеющие свидетельство об окончании среднего учебного заведения [7, л. 4]. Курсы проходили с 12 апреля по

12 июня 1915 г. Изначально на курсы записалось около 50 слушательниц, из числа которых к их окончанию осталось лишь 28. Занятия на курсах проводили известные в Барнауле врачи: Н.М. Руднев, В.Т. Петров, М.П. Элисберг, Д.Н. Говжило, Велменаньев и Костерин. 22 и 24 июня были проведены экзамены, по итогам которых звания сестра милосердия военного времени были удостоены 18 слушательниц [7, л. 12 об., 13]. 27 мая 1916 г. Управлением Барнаульского Отдела РОКК в г. Москву для оказания помощи ранеными больным воинам было командировано 20 сестер милосердия. 7 мая 1917 г. 14 сестер милосердия с той же миссией были командированы в г. Киев [6, л. 1–3]. В учреждениях Красного Креста и военно-лечебных заведениях сестры милосердия военного времени получали от Общества Красного Креста подъемные деньги – 150 руб. и жалование – от 30 до 40 руб. в месяц. Во время командировки к месту работы и обратно сестрам были положены суточные – 2 руб. [1].

Одной из форм благотворительной деятельности Томского и Барнаульского местных Управлений Красного Креста являлась выдача пособий раненым воинам. Процедура получения пособия была достаточно бюрократизирована. Являющиеся за пособием раненые военнослужащие обязательно осматривались врачебной комиссией для определения степени ранения. Каждый, кто получал пособие от Красного Креста, ежемесячно должен был являться в лазарет для переосвидетельствования трудоспособности. Сумма пособия составляла от 2 до 3 руб. в месяц до получения пенсии от Александровского комитета [7, л. 2]. Если претендующий на пособие военнослужащий не мог лично явиться в лазарет местного Управления Красного Креста, то, согласно циркуляру от 13 августа 1915 г. «О выплате единовременного пособия», он направлял ходатайство и врачебное заключение в Главное Управление Российского общества Красного Креста. Главное Управление пересылало ходатайство в местное Управление, в ведении которого находилась территория, на которой проживал военнослужащий [6, л. 95].

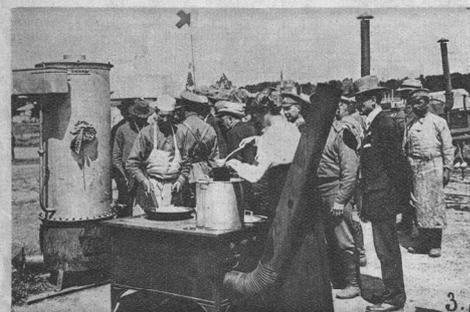
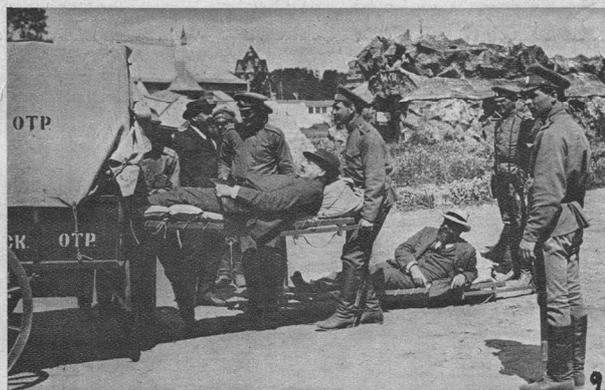
СИБИРСКИЙ ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ.

Фот. А. И. Савельева.

Изъ Москвы отправился на галиційскій фронтъ 4-й сибирскій (томскій) передовой врачбно-санитарный отрядъ. Томскій отдѣлъ сибирскаго общества помощи раненымъ и больнымъ воинамъ пожертвовалъ на организацию отряда 40.000 рублей. Всероссийскій союзъ городовъ ассигновалъ на оборудованіе отряда 60.000 рублей и принялъ на свой счетъ содержаніе его. 4-й сибирскій отрядъ—самый большой

изъ всѣхъ отрядовъ общественныхъ организаций. Персоналъ его—150 человекъ. По оборудованію онъ одинъ изъ наиболее богато обставленныхъ. Отрядъ устроенъ на мѣстѣ лазарета. При отрядѣ имѣется госпитальная палатка, изоляционная палатка для инфекціонныхъ больныхъ на 20 кроватей, большая операціонная палатка, зубо-врачебный кабинетъ и четыре летучки. Бани отряда могутъ въ теченіе дня

вымыть 1.500 человекъ. Пять его походныхъ кухонь въ день могутъ накормить около 3.000 человекъ. Для борьбы съ удушливыми газами отрядъ везетъ респираторы и очки. Съ отрядомъ ѣдетъ группа химиковъ для изученія способовъ борьбы съ удушливыми газами.

1) Палатки отряда. 2) Члены главнаго комитета союза городовъ А. Д. Алферовъ и А. Г. Хрущевъ (на носилкахъ) во время осмотра отряда. 3) Кухни. 4) Прачечная 5) Службный персоналъ отряда.

Рис. 2. Фото из журнала «Искры» № 26 от 5 июля 1915 г.

В деле оказания помощи больным и раненым воинам Российское общество Красного Креста взаимодействовало как с государственными и местными органами самоуправления, так и с общественными организациями. Алтайское местное Управление Красного Креста оказывало материальную помощь «Сибирскому Обществу для подачи помощи раненым воинам» в устройстве сапожной мастерской, в которой раненые воины получали возможность обучаться сапожному ремеслу [7, л. 60 об.]. Совместно с государственными и местными органами самоуправления Общество Красного Креста Томской губернии активно участвовало в оказании помощи беженцам и вынужденным переселенцам. Из районов, охваченных военными действиями, в

Томскую губернию прибыло большое число беженцев, которые нуждались во всесторонней помощи. 20 октября 1917 г. по линии Барнаул – Бийск на станциях Б. Речка, Уткуль и Бийск были открыты пункты приема беженцев. Вместимость на каждой станции была не более 70 человек [2]. В местах большого скопления беженцев организовывались общественные работы, на которых специалисты из числа беженцев занимались строительством школ, больниц, делали заготовки и т. д. [3]. Совместно с особым Комитетом о беженцах Барнаульское местное Управление Красного Креста активно принимало участие в организации помощи беженцам. Особый Комитет о беженцах был образован в Барнауле под председательством городского головы

Александра Адольфовича Лесневского, в который вошли представители от всех, существующих в городе, благотворительных организаций, в том числе и от общества Красного Креста. На момент открытия средств у Комитета не было. Для размещения беженцев Комитет снял помещение в доме купца Д.Н. Сухова. На ремонт данного помещения требовалось 3000 руб. Комитет обратился ко всем общественным организациям и обществам Красного Креста пожертвовать материальные средства в пользу беженцев. Барнаульское местное Управление Красного Креста выдало Комитету о беженцах 3000 руб. на приспособление помещения, а также отпустило в распоряжение Дамского Комитета отдела – 3000 руб. на устройство столовой и питание беженцев. На заседании Управления Барнаульского отдела Красного Креста совместно с Комитетом о беженцах 6 сентября 1915 г. обсуждался вопрос об оказании Отделом Российского Общества Красного Креста материальной помощи беженцам. Согласно сообщению губернатора Томской губернии Владимира Николаевича Дудинского в Барнаул ожидалось прибытие до 1000 человек беженцев [7, л. 20 об.]. Для устройства больницы для беженцев Барнаульский отдел Красного Креста уступил одно из своих помещений. Дамский Комитет отдела согласился устроить в доме купца Д.Н. Сухова столовую для беженцев [12, л. 28 об.].

В благотворительной деятельности на нужды военного времени принимали участие все слои общества, так в 1915 г. служащие Министерства Императорского Двора в Алтайском округе постановили отчислять 2% из своего содержания на нужды войны. Служащие Окружного и Местного контроля передали свои отчисления в распоряжение начальника Алтайского округа, Тайного Советника В.П. Михайлова, уезжавшего на театр военных действий в качестве помощника главноуполномоченного Российского общества Красного Креста [12, л. 20]. Председатель Язовского волостного попечительства Барнаульского уезда 17 мая 1915 г. перевел в Барнаульский отдел Общества Красного Креста 2 руб. 82 коп., а также пожертвовал на нужды войны 58 ар-

шин холста, две старые рубахи и два полотенца [8, л. 72].

Как и в годы Русско-японской войны, на узловых железнодорожных станциях Томской губернии комитетами Красного Креста устраивались питательные пункты [10, с. 7]. 19 февраля 1915 г. в Барнауле состоялось открытие остановочного лечебно-продовольственного пункта, на котором нижние чины, возвращавшиеся к себе на родину, получали ночлег, горячую пищу и чай, могли вымыться в бане, получить чистое белье и все необходимые сведения [12, л. 24]. В 1915 г. с завершением навигации и открытия 3 ноября Алтайской железной дороги организацию деятельности по приему и отправке воинов почти полностью стало осуществлять Сибирское общество, а пункт Общества Красного Креста стал обслуживать воинов, приезжающих из деревень в Барнаул к воинскому начальнику для медицинского освидетельствования [12, л. 24 об.].

Несмотря на тяжелое военное время, Российское общество Красного Креста открывало как можно больше своих комитетов в городах и отдаленных местностях. Для сбора пожертвований Комитеты Красного Креста были открыты в городе Томске, Тайге, Новониколаевске, Каинске, Кузнецке, Бийске. В селах Усть-Чарышская пристань, Тогул, Камень, при волостных правлениях были организованы попечительства Красного Креста [11, с. 6].

С 1914 г. по 1 января 1916 г. от населения Алтайского округа поступило денежных пожертвований на помощь увечным воинам – 75 459 руб. 83 коп. Кроме денежных пожертвований население щедро жертвовало холст, сухари, табак, а также золотые и серебряные вещи, дамские украшения. В 1914 г. пожертвований наличными деньгами поступило в кассу Барнаульского местного Управления на сумму 34 947 руб. 15 коп., в 1915 г. – 40 876 руб. 35 коп. Из-за засухи в Томской губернии 1915 г. приток пожертвований резко снизился и едва ли достиг к 1 января 1916 г. 10 000 руб. [7, л. 62].

Активными жертвователями являлись крестьяне Томской губернии. В 1914–1915 гг. в пользу Красного Креста 166 во-

**Рис. 3. Госпиталь Барнаульского местного управления Общества Красного Креста [1916 г.].
В центре сестра милосердия Анна Андреевна Белозерская, г. Барнаул (Алтайский
государственный краеведческий музей (АГКМ) ОФ. 18538/2. Ф-10282)**

лостных правлений собрали пожертвований на сумму 16 238 руб. 79 коп., 79 крестьянских товариществ пожертвовали 5177 руб., 77 маслодельных артелей – 2600 руб., 50 сельских обществ – 1615 руб., 33 волостных попечительства – 1524 руб. В кассу Барнаульского местного Управления поступило 5000 руб. пожертвований, собранных в 1914–1916 гг. старообрядческим наставником – Петром Ефимовичем Бобровским. Он ходил по селениям и призывал крестьян жертвовать деньги. В общей сложности крестьянство губернии пожертвовало в пользу Красного Креста наличными деньгами 32154 руб. 79 коп. [7, л. 62 об.].

Большую помощь в изготовлении необходимых для воинов вещей и отправке их на фронт оказали женщины Дамского Кружка, организованного под председательством Людмилы Николаевны Масло-

вой при Барнаульском местном Управлении Российского общества Красного Креста. В короткий срок Дамский Комитет из купленных и пожертвованных материалов отправил 19 транспортов для боевого фронта и близлежащих к нему лазаретов, всего на сумму 100 000 руб. [7, л. 63–63 об.].

Российское общество Красного Креста в период Первой мировой войны являлось самой крупной общественной организацией в Российской Империи. К середине 1917 г. под флагом Красного Креста работало 136 850 человек, членами Общества состояли 39 000 человек. На фронтах войны действовало 2255 учреждений Красного Креста, в том числе 149 госпиталей на 46 000 коек, обслуживаемых 2450 врачами, 17 000 сестер милосердия, 275 фельдшерами, 100 аптекарями и 50 000 санитарями. В его распоряжении находилось 6 плавучих

госпиталей, 33 000 лошадей и 530 автомобилей. В тылу располагалось более 1400 учреждений Красного Креста, в том числе 736 местных комитетов, 112 общин сестер милосердия, 80 больниц. За время войны, с августа 1914 по июль 1917 гг., было израсходовано 281,9 млн руб.; из них 180,5 млн составили правительственные дотации, 18,7 млн – пожертвования, 12,9 млн – ссуда Государственного банка под обеспечение принадлежащих РОКК ценных бумаг [4].

Общество Красного Креста Томской губернии, являясь территориально одной из крупнейших структур Общества Красного Креста, внесло значительный вклад в реше-

ние благотворительных задач Общества по оказанию помощи фронту, в том числе раненым воинам и запасным нижним чинам, уволенным в отпуск по болезни и ранениям. Успешному решению задач Общества в годы Первой мировой войны способствовали опыт благотворительной деятельности, приобретенный в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.), значительные к началу войны суммы запасного капитала. Немаловажным для деятельности Общества явилась готовность сибиряков к пожертвованиям на благо воинов-фронтовиков.

Статья поступила 01. 08. 2014 г.

Библиографический список

1. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ) ОФ. 19233/1. Расчетная книжка сестры милосердия Российского общества Красного Креста Ольги Дмитриевны Голубевой. 22 октября 1918 г.
2. Голос труда. 13 октября 1917.
3. Голос труда. 19 ноября 1917.
4. Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник (Журнал Российского государственного гуманитарного университета «Новый исторический вестник»). 2001. № 4. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Загл. с экр. Режим доступа: URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/17.shtml (дата обращения: 20.02.2012).
5. Горелов, Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. С. 185 – 186.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 142. Оп. 1. Д. 1.
7. ГААК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2.
8. ГААК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4.
9. Ерёмин И.А. Мобилизация 1914 г. в Западной Сибири и Степном крае // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). Серия: Гуманитарные науки (история). С. 38.
10. Отчет Томского местного Управления Российского общества Красного Креста за первое полугодие 1904 года. Томск, 1904. С. 7.
11. Отчет Томского отдела Российского общества Красного Креста за 1914 год. Томск : Типография Губернского Управления, 1915. С. 2.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1427. Оп. 1. Д. 305. Л. 21 об.

Сведения об авторе

Гусева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник музея Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, 656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 73, ауд. 105. тел: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: o14ik-o@yandex.ru

Guseva Ol'ga Vladimirovna, PhD, scientific staff of the Museum of Altaisky State Technical University, 656038, Russia, Altaisky krai, Barnaul, ul. Dimitrova, 73, office 105, tel.: 8 (3852) 29-07-00, 24-06, e-mail: o14ik-o@yandex.ru

УДК 94

ВКЛАД ВОЕННОПЛЕННЫХ В КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ Г. ОМСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© М.Ю. Кунгурова

Статья рассматривает деятельность струнного оркестра, созданного в Омске чехами – военнопленными Первой мировой войны. Показан вклад иностранцев в культурную жизнь Западной Сибири. Источниковой базой послужили архивные документы и газеты.

Ключевые слова: военнопленные, чехи, музыка, оркестр, культура, Первая мировая война, Омск.

IMPACT OF THE PRISONERS OF WAR TO THE CULTURE OF OMSK DURING THE WOULD WAR I (1914–1918)

© M. Yu. Kungurova

Article is devoted to an activity of string orchestra organized by Czech prisoners of World War I. It is demonstrated the impact of foreigners to the cultural life of Western Siberia. Research based on archive and newspaper documents.

Key words: prisoners of war, Czechs, music, orchestra, culture, World War I, Omsk.

В годы Первой мировой войны на территории Западной Сибири в связи с оттоком большого числа мужского населения на фронт и образованием вакуума рабочей силы, труд военнопленных стал активно использоваться как в сельском хозяйстве, строительстве, так и на объектах железной дороге, на частных и промышленных предприятиях. Военнопленные участвовали в строительстве здания транспортной Академии Дворца Юстиции – Законодательного Собрания, Доходного дома на бульваре Валиханова.

В среде военнопленных были представители разных профессий, в том числе, деятели культуры. Они основали первый в Омске симфонический оркестр [2]. В газете «Омский вестник» в марте 1915 г. сообщалось, что среди пленных оказалось много хороших музыкантов, особенно из чехов, поэтому планировалось организовать два оркестра – струнный и духовой музыки. Оркестры должны были работать в пользу Красного Креста [8].

Командующим войсками Омского военного округа 31 января 1915 г. в г. Омске был утвержден Комитет по организации

профессионального труда военнопленных, решением которого был создан струнный оркестр из военнопленных. В состав музыкального коллектива вошли лучшие специалисты из числа военнопленных музыкантов. Для оркестра были приобретены музыкальные инструменты на сумму 1852 руб. Оркестр начал свою работу 20 апреля 1915 г. В газете «Омский вестник» постоянно размещались объявления о проведении очередного концерта оркестра военнопленных музыкантов [9; 10]. В ноябре 1915 г. Омский комитет по организации профессионального труда военнопленных из ведения военного ведомства перешел в ведение гражданских властей. Музыканты оркестра играли в кинематографах «Прогресс», «Гигант», «Салон», «Арабат» и других концертных площадках [12]. Выступления музыкантов имели большой успех у жителей города. Сборы от проведения концертов военнопленных поступали Красному Кресту. Общая выручка оркестра к 1 января 1917 составила 30 865 руб. 53 коп. Из этой суммы 15 773 руб. 78 коп. было оплачено музыкантам, а 3680 руб. 85 коп. израсходовано на приобретение музыкальных

Рис. 1. Омск. Городской театр

инструментов. Чистая прибыль вошла в сумму, сданную Красному Кресту [4, л. 189]. Исходя из этого, мы вправе говорить о вкладе военнопленных в дело благотворительности.

Оркестр военнопленных музыкантов состоял исключительно из дружественно настроенных к России славян – чехов, что было особенно важно ввиду того, что в соответствии с Правилами о порядке содержания военнопленных на территории Сибири и об отпуске их на работы, назначение на работы военнопленных интеллигентных профессий допускалось только при их полной политической благонадежности [3, л. 80–81]. А славяне, в отличие от немцев и венгров, таковыми считались. Популярность музыкального коллектива росла, и содержатели кинематографов достаточно часто ходатайствовали перед Коалиционным комитетом об отпуске военнопленных для игры и предлагали им достойное вознаграждение. Однако к 1917 г., несмотря на то, что вопрос о возможности использования оркестра для этой цели Коалиционным комитетом был решен утвердительно, имелось несогласие местных союзов музыкантов, т. к. военнопленные, по их мнению, обесценивали труд музыкантов и создавали конкуренцию [4, л. 189]. В начале 1917 г. работа оркестра была запрещена.

Создание оркестра военнопленных и его успешная работа, что видно из суммы выручки, полученной оркестром, свидетельствовали о высоком уровне культуры местных жителей, которые посещали концерты коллектива музыкантов военнопленных и участвовали в различных культурных мероприятиях [13, с. 45]. Выступления музыкантов, несомненно, привлекали внимание сибиряков к военнопленным, что способствовало формированию еще более благосклонного отношения к ним со стороны местных жителей.

Следует отметить, что военнопленные проявляли свою предприимчивость не только на тех работах, куда их отправляли. По данным Министерства внутренних дел, некоторые военнопленные германцы и австрийцы, отправленные во внутренние губернии, обладая более или менее значимыми средствами, занимались на досуге скупкой различных предметов, обладавших художественной или археологической ценностью. Этот промысел принял настолько большие размеры, что существовала угроза исчезновения многих ценных памятников России [11].

Как правило, военнопленные трудились самостоятельно и совместно с сибиряками на тех работах, куда их отправляли. Военнопленные были привлечены и к по-

Рис. 2. Оркестр военнопленных в Омске

(Материал из Отчета члена состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Петроград : Государственная Типография, 1915. С. 51)

стройке здания Управления железной дороги в Омске, строительство которого с началом войны по причине нехватки рабочих строительных специальностей было прекращено. В сентябре 1914 г. в газете «Омский вестник» в статье «О работе пленных на Омской железной дороге» отмечалось, что на постройке здания Управления же-

Рис. 3. Скульптор Франтишек (Владимир) Францевич Винклер

Касьянов В. Одиссея чешского ваятеля // Русское слово. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Загл. с экр. Режим доступа: <http://www.ruslo.cz/articles/143/> (дата обращения 20.11.2014)

лезной дороги были заняты около 100 человек пленных, среди которых оказалось много каменщиков, плотников и других ремесленников. Всего на объектах Омской железной дороги работали около 1000 пленных различных национальностей. Пленные находились на полном иждивении и под ответственностью железной дороги [7].

О привлечении военнопленных к строительству здания Управления железной дороги стоит сказать особо. К работе по постройке здания были привлечены не только славяне, но и венгры, и китайцы. Руководитель стройки здания Управления железной дороги инженер Волков назначил военнопленного Владимира Францевича Винклера главным скульптором строительства здания Управления железной дороги. Владимир Винклер, будучи чехом, не стал воевать за интересы Австро-Венгрии, добровольно сдался в плен, после чего был направлен в Омский военный лагерь. Для строительства здания В. Винклеру было

разрешено подобрать солдат из лагеря. На заготовку глины были определены пленные венгры и китайцы, приготовлением порошка из гипса и формованием деталей занимались поляки и итальянцы, скульптурными работами – чехи и румыны [1, с. 2]. В качестве помощника В. Винклера был определен военнопленный Владислав Преносил, который попал в Омск из Забайкалья, где искали в 1917 г. скульпторов для строительства зданий в Омске. В 1961 году в переписке с омскими железнодорожниками В. Преносил так отзывался об Омске и своей работе в городе: «Все места в городе для меня дороги, потому что в нем провел я самые хорошие дни своей жизни, был косвенным участником Великой Октябрьской революции, встречался в Омске с русскими, работал вместе с ними, узнавал душу русского человека и, наконец, женился на русской» [5, л.1]. В. Преносил также рассказал

о том, что на строительстве здания Управления трудились чехи: Крсек, бывший лакировщик и маляр, и Коукала, который работал табельщиком. Военнопленные вместе с русскими рабочими участвовали в митингах и собраниях в Омске в 1917 г., и, как пишет В. Преносил, тогда же военнопленные «сроднились с русским народом, полюбили его» [5, л. 1; 6].

Таким образом, в условиях военного времени, военнопленные внесли свой вклад в решение не только социально-экономических задач сибирского общества, но и в развитие культурной жизни сибиряков. Творческая деятельность военнопленных привлекала внимание сибиряков, что способствовало сближению их общественно-политических взглядов, совместному участию в революционных событиях 1917 г.

Статья поступила 01.09. 2014 г.

Библиографический список

1. Аркада. 22 мая 1996. С. 2.
2. Ваш Орел. 26 сентября 2007.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 151.
4. ИАОО. Ф. Р661, Оп. 1, Д. 38.
5. ИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1671.
6. Омская правда. 24 июня 1961.
7. Омский вестник. 19 сентября 1914.
8. Омский вестник. 11 марта 1915.
9. Омский вестник. 3 апреля 1915.
10. Омский вестник. 27 мая 1915.
11. Омский вестник. 5 июня 1915.
12. Омский вестник. 24 ноября 1915.
13. Черняк Э.И. Общественно-политическая жизнь Сибири, март 1917 – ноябрь 1918 гг.: Съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций: дис. на соискание ... д-р истор. наук. Томск, 2001.

Сведения об авторе

Кунгурова Марина Юрьевна, аспирант (научный руководитель Н.Д. Ростов) ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», 656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 46, тел.: 8(3852) 29-09-50, e-mail: dmivictor@mail.ru

Kungurova Marina Yur'ievna, PhD candidate, Altaisky State Technical University, 656038, Russia, Altaisky krai, Barnaul, ul. Lenina, 46, tel.: 8(3852) 29-09-50, e-mail: dmivictor@mail.ru

УДК 947

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 17-й СИБИРСКОЙ ОТДЕЛЬНОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ

© М.Г. Ситников, И.В. Ладыгин

Данная статья представляет собой попытку реконструкции истории одной из вновь сформированных частей Русской Армии адмирала Колчака. 17-я Сибирская отдельная стрелковая бригада просуществовала чуть более полугода, однако изучение боевого пути этой войсковой части представляет собой интерес с точки зрения восстановления полной картины братоубийственной Гражданской войны на востоке России в 1918–1922 гг.

Ключевые слова: Перчук, Гражданская война в Сибири, Сибирская армия, Северная группа, Глазов, Обский полк, Барабинский полк.

A BRIEF HISTORY OF 17th SIBERIAN INDEPENDENT RIFLE BRIGADE

© M.G. Sitnikov, I.V. Ladygin

This article presents the attempt to reconstruct the history of one of the new military units of Russian Army of admiral Kolchak. 17th Siberian independent rifle brigade had existed little more than a half of year, but it's operational should be interesting in order understanding the whole panorama of Civil War in the Russian East in 1918–1922.

Keywords: Perchuk, Civil War in Siberia, Siberian Army, Northern group, Glazov, Obsky regiment, Barabinsky regiment.

По сводкам командования 5-й Красной армии на начало марта 1919 г. белый 1-й Средне-Сибирский армейский корпус имел 1-ю и 2-ю Сибирские стрелковые дивизии, Пермскую стрелковую дивизию, 1-ю Сибирскую штурмовую бригаду. Кроме этих частей в состав корпуса входили 1-й Новониколаевский кадровый полк (впоследствии 65-й Обский полк, командир – подполковник В.А. Серебренников) и 2-й Барабинский кадровый полк (впоследствии 66-й Алтайский полк, командир – подполковник А.О. Верстак) [11, с. 83], которые находились ещё в Сибири, в г. Новониколаевске. Кадровые полки занимались подготовкой пополнений для действующей армии и, по сути, выполняли те же функции, что и запасные полки в годы Первой мировой. Однако, памятуя, что развал и революционные брожения в 1917 г. начались именно в запасных полках, командование белых было решено именовать такие полки «кадровыми», а не «запасными».

К 16 апреля 1919 года оба полка были переброшены в Оханский уезд Пермской губернии в Очерский завод и были сведены в 17-ю Сибирскую отдельную стрелковую бригаду, командовать которой временно назначили полковника Я.Н. Перчука [5, л. 22]. Вскоре Перчук был утвержден в должности (27 мая 1919 года) [5, л. 26]. Оперативным приказом № 20 по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу от 16 апреля 1919 г. бригада должна была «Энергично формироваться в Очерском заводе и быть готовой к 10 мая встать на позицию» [14, л. 9, 9 об.].

28 апреля 1919 г. 1-й Средне-Сибирский корпус был развернут в Северную группу войск Сибирской армии. Бригада вошла в Северную группу, имея следующий состав:

Штаб бригады и управление;
65-й Сибирский стрелковый Обский полк;
66-й Сибирский стрелковый Алтайский полк;
17-й Сибирский егерский батальон;

*Рис. 1. Здание торгового филиала Богородско-Глуховской мануфактуры, г. Новониколаевск
Здесь располагался 2-й Барабинский кадровый полк (Фотооткрытка)*

17-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион (1, 2, бат. по 4 ор. 3-х д.);
17-й Сибирский инженерный дивизион (1-я саперная рота и 1 кабельное отделение);
Комендантская рота;
Полевой подвижной лазарет;
Перевязочный отряд;
Автокоманда.

В приказе говорилось, что 17-й Отдельной бригаде к 16 мая быть готовой «стать на позиции», хотя она еще не полностью получила оружие и иные предметы снабжения. Как и все части Северной группы, она должна была, «пользуясь стоянкой и временным затишьем ... усиленно вести занятия во всех частях и привести части в полную готовность к крупным боевым операциям к 15 мая» [15, л. 15,15 об.].

К середине июня 1919 г. бригада имела следующий состав и вооружение:

65-й Обский полк подполковника Владимира Александровича Серебренникова: 12 рот, 1010 бойцов, 4 пулемета.

66-й Алтайский полк подполковника Антона Осиповича Верстака¹: 12 рот, 2010 бойцов, 5 пулеметов.

17-й егерский полк (развернут из батальона): 4 роты, 431 боец, 2 пулемета.

17-й Сводный артдивизион: 63-х дюймовых орудий.

¹ Верстак Антон Осипович. На 1 января 1909 г. – поручик расквартированного в Новониколаевске 5-го пехотного Сибирского резервного Иркутского полка 2-й Сибирской пехотной резервной бригады.

Всего в бригаде: 28 рот, 3451 бойцов и офицеров, 11 пулеметов, 6 орудий [1, с. 145].

27 мая командующий Северной группы войск генерал-лейтенант Пепеляев решил взять г. Глазов. Для этого, в частности, он приказал:

« ... а) Северному отряду полковника Бордзиловского: 25-й Сибирский стрелковый полк, Ляпинский отряд, Отряд Архангельских войск. Итого: 3 батальона и 2 партизанских отряда. Упорно оборонять позиции у с. Гаинского и в районе Кайских Увалов. По особому моему приказанию перейти в наступление для взятия Кайгорода и Афанасьевского, последнего – совместно с отрядом полковника Перчука...» [16, л. 128, 128 об.].

В отряд полковника Перчука в начале операции входил 65-й Обский полк, а затем вместо него – 17-й Сибирский егерский.

В начале мая 1919 года командование 3-й Красной армии решило срезать выступ в районе Омутинского завода, для чего приказало начать наступление Особой бригаде, хотя еще стояла распутица. Чердынский полк белых, оборонявший этот участок фронта, не выдержал внезапного наступления и начал отступать. На реке Каме чердынцы соединились с 25-м Тобольским полком. После поражения на этом рубеже 25-й полк отступил на восток, а 62-й Чердынский – на юг, вверх по Каме.

62-й Чердынский полк, отступая по тракту на с. Верх-Камское, 23 мая после

боя оставил д. Ромашево, что в 7 км от с. Верх-Камского.

24 мая, после упорного боя с 61-м Рыбинским полком красных, 62-й Чердынский полк оставил с. Верх-Камское. На помощь чердынцам подошел 65-й Обский полк подполковника Серебренникова из 17-й Сибирской стрелковой бригады полковника Перчука, усиленный кавалерийским эскадром в 200 сабель и двумя орудиями. 62-й Чердынский полк был вновь включен в Пермскую дивизию, а вместо него в бригады вернули 17-й Егерский батальон. Противник продолжал наступление в южном направлении, стремясь выйти в тыл Северной группе войск белых и перерезать железную дорогу в районе Балезино – Чепца. 27 мая 65-й Обский полк отступил к с. Гордино Северное.

Противник (1-й Северный полк красных), ведя наступление на с. Гордино Северное, сделал глубокий обход на десятки верст и вышел в 2–3 верстах от Гордино. Застава в 25–30 человек встретила красных ружейным огнем. Хотя застава была разбита, но внезапность была потеряна.

Рано утром красные начали наступле-

ние на Гордино Северное. За 1 км до основных позиций по противнику был открыт пулеметный и ружейный огонь, противник сразу залег. Перегруппировавшись, красные бросились в атаку, но были отбиты. Завязался бой, который продолжался долго. С большими потерями противник отступил на исходные позиции.

На следующий день с утра красные вновь пошли в наступление в лоб, а с фланга ударил эскадрон кавалерии, белые не выдержали и отступили к с. Гордино Южное (ныне с. Сергино), оставив с. Гордино Северное. Через 2–3 часа красные повели наступление уже на с. Гордино Южное. 65-й Обский полк оказывал упорное сопротивление. Бои шли с переменным успехом [7, с. 153].

28 мая красные (61-й Рыбинский полк) заняли д. Лазунскую (8 км от с. Гордино Южное), захватив пленных из 17-го Егерского полка и телефонную станцию 65-го Обского полка. Стремясь захватить с. Гордино Южное, батальон 61-го Рыбинского полка сделал глубокий обход, но был окружен, попав в засаду к белым. После жаркой схватки, потеряв 9 пулеметов, много

Рис. 2. Вид на церковь Св. Александра Невского (не сохранилась) и главную площадь с. Гордино Северное

винтовок и больше сотни бойцов, красным все же удалось вырваться из окружения. Преследуя противника, белые наткнулись через несколько верст на остатки 61-го Рыбинского полка и два батальона 1-го Северного полка красных, которые попытались организовать оборону. Сибиряки, сосредоточив против противника одну легкую 4-х орудийную батарею и два 6-ти дюймовых орудия, открыли сильный артиллерийский огонь и повели наступление одним полком с фронта, а другим – в обход, стремясь перерезать путь отхода красным на с. Гордино Северное. 61-й Рыбинский полк красных вновь оказался в окружении. Шесть атак они отбили. Семь раз переходила из рук в руки д. Федотята (8 км южнее села Гордино Северное), обороняемая 61-м Рыбинским и 1-м Северным полками красных. В этих боях был пленен и расстрелян командир 61-го Рыбинского полка тов. Максимюк [20]. Только перед рассветом 29 мая красные вновь прорвали окружение и отошли на с. Гордино Северное. 61-й Рыбинский полк потерял 90 убитыми и 120 ранеными [8, с. 137]. Начались бои на линии деревень Карабаевская – Краснояр.

30 мая 17-я Сибирская стрелковая бригада заняла с. Гордино Северное, окружив и уничтожив всю 8-ю роту 1-го Северного полка Особого Северного экспедиционного отряда 3-й Красной армии. Бригадой было захвачено 9 пулеметов [12]. Красные отступили на Верх-Камское.

31 мая в район села Верх-Камское подошел 23-й Верхне-Камский полк красных, который получил приказ совместно с 61-м Рыбинским и 1-м Северным полком нанести удар в тыл Северной группе войск генерала Пепеляева. Ближайшей задачей красных было взятие сёл Гордино Северное и Южное. Завязались многодневные упорные бои, так как силы были примерно равны (три полка белых против трех полков красных).

1 июня 17-я Сибирская стрелковая бригада сходу пыталась захватить с. Верх-Камское, но безуспешно. До 8 июня сибиряки ежедневно пытались взять Верх-Камское, но также безуспешно. 9 июня красные сами перешли в наступление, но были отбиты. Такое положение продолжа-

лось до 14 июня, пока 17-я Сибирская бригада не получила приказ на отступление в связи с общим отходом войск белых.

13 июня красные в составе 1-го Северного, 61-го Рыбинского и 23-го Верхне-Камского полков подошли к с. Гордино Южное. В версте от него начался бой. Сначала 1-й Северный полк наступал в центре, но затем пошел в обход слева и ударил с тыла. В результате белые отступили. Отступление правого фланга Северной группы войск происходило через села Екатеринбургское – Сива – Верещагино – Пермь. Здесь 17-ю бригаду вывели в резерв. Неизвестно принимала ли она участие в боях при обороне Перми в конце июня 1919 г.

1 июля 1919 г. части Северной группы войск белых оставили г. Пермь и заняли оборону по правому берегу реки Сылва. 3 июля части 17-й отдельной Сибирской стрелковой бригады заняли оборону по реке Сылве от с. Насадское до с. Серьгинское, левее части 16-й Сибирской дивизии, левее которой до с. Березовское – штурмовая бригада [15, л. 53, 54]. Но оборона на этом рубеже длилась не долго, т. к. 7 июля по-

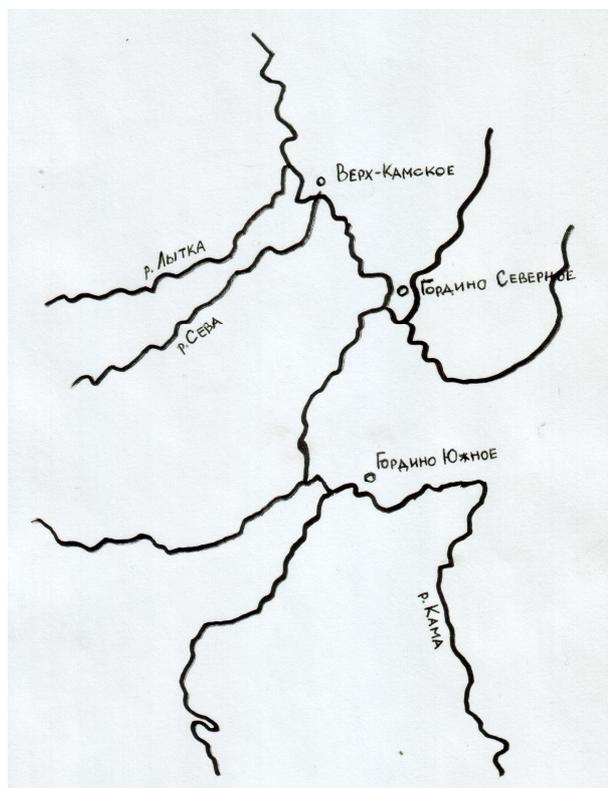

Рис. 3. Схема района сёл Гордино Северное – Гордино Южное, где действовала 17-я Сибирская отдельная бригада

ступил приказ погрузиться в эшелоны и отправиться в г. Ирбит для переформирования [16, л. 104,105].

По воспоминаниям поручика Варженского, который с 62-м Чердынским полком также перебрасывался эшелоном в район Тюмени, происходило это следующим образом: «Поезда, полные беженцев из Перми и других городов, медленно и даже весело двигались по живописным местам Урала. Чудная летняя погода. Очаровательные, с соловьями, ночи... Остановки в лесу или на берегу красивых озер, не доходя до станции, ввиду их перегрузки... прогулки... Собирающие цветы... Оставление записочек на стенах вокзалов родным и друзьям, едущим в следующих эшелонах, чтобы не потеряться... Все это создавало скорее беспечную картину приятного и не совсем обычного путешествия; ожидания быстро надвигавшейся трагедии не было заметно» [2, с. 301].

Названным выше городом отступление не ограничилось. Только в Тюмени началось переформирование частей. С образованием Восточного фронта на основании приказа Верховного главнокомандующего адмирала Колчака № 158 от 14 июля 1919 г., 1-й Средне-Сибирский армейский корпус вошел в состав 1-й Сибирской армии. Был сформирован новый штаб корпуса. Командующим корпуса был назначен генерал-майор Б.М. Зиневич. В состав корпуса вошли 1-я Сибирская дивизия, в которую влились части 16-й и 17-й Сибирских бригад. В 1-й Новониколаевский Сибирский полк были влиты 61-й Пермский и 65-й Обский полки, во 2-й Барабинский Сибирский полк включены были 62-й Чердынский и 66-й Алтайский полки, в 3-й Барнаульский Сибирский полк был влит 63-й Добрянский, в 4-й Енисейский Сибирский – 64-й Соликамский полк (согласно Приказу войскам 1-й Сибирской армии № 02 от 20 июля 1919 г.). Так, влившись в 1-ю Сибирскую стрелковую дивизию, перестала существовать 17-я Сибирская отдельная стрелковая бригада, а полковник Перчук был назначен командовать кадровым полком 1-й Сибирской дивизии [13, с. 122].

Сохранился любопытный эпизод, характеризующий полковника Перчука, рас-

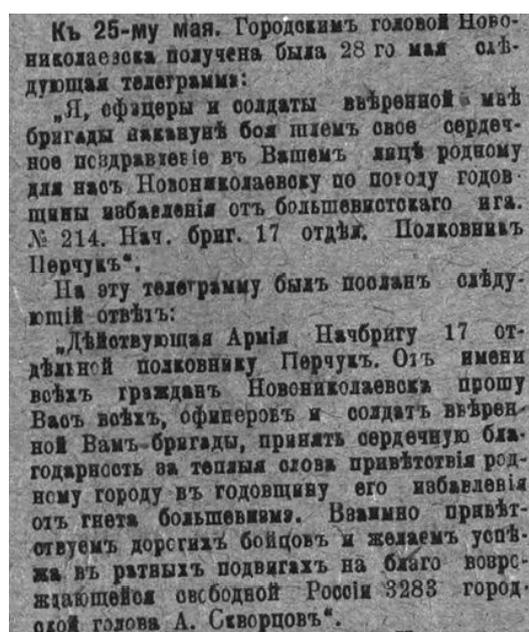

Рис. 4. Поздравительная телеграмма в 17-ю Сибирскую отдельную стрелковую бригаду от городского головы г. Новониколаевска А. Скворцова (газета «Военные ведомости», 28 мая 1919 г. Новониколаевск)

сказанный адъютантом Тобольской дивизии поручиком Смирновым: «Итак, Пепеляев уехал в направлении Омска, а через сутки Бордзиловский (полковник А.В. Бордзиловский, командир 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии 03.09–21.11.1919. Авт.) на Бачалино. В пути, на одной из пароходных стоянок наш пароход догнал другой, на котором ехал командир кадрового полка полковник Перчук, назначенный начальником гарнизона г. Тобольска. Полковник Бордзиловский решил с этим пароходом, совершающим прямой рейс, что-то погрузить и отправить дальше, но не заявил о своих правах, а просто послал доложить полковнику Перчуку, чтобы этот пароход задержался. Перчук, не считая нужным исполнять капризы встречающихся командиров, когда время пришло, приказал отчалить и следовать дальше. Здесь разыгралась гнусная картина. Бордзиловский вышел из себя и приказал капитану своего парохода догонять уходивший пароход, а коменданту штаба выстроить команды в боевой готовности на палубе, имея пулеметы, направленные на пароход Перчука. Подъехав на разговорную дистанцию, Бордзиловский взял рупор и стал кричать на Перчука, требуя немедленной остановки,

Рис. 5. Фронтовое письмо Я.Н. Перчука своей супруге Е.Г. Перчук, 1914 г.
(из коллекции И.В. Ладыгина)

и, под угрозой оружия, исполнения приказа. Перчук все выполнил, но эта, редкая по бестактности, сцена, затеянная Бордзиловским, захлебнувшимся в полноте власти, данной ему генералом Пепеляевым, была лучшей пропагандой для разложения армии. Хорошо, что Перчук, старый кадровый офицер, и ехал без винтовок и пулеметов, а то, воображаю, что бы было» [6, л. 1–43].

Приложение

Краткая биографическая справка Яков Николаевич Перчук

Родился в 1876 г. в г. Иркутске, русский.

Участник Русско-японской войны.

3 апреля 1905 г. произведен в штабс-капитаны со старшинством с 1 сентября 1904 г.

На 1 января 1909 г. – капитан 5-го пехотного сибирского резервного Иркутского полка, расположенного в г. Новониколаевске [10, с. 503].

При реформировании армии на базе Иркутского и Енисейского полков в 1910 г. был сформирован 41-й Сибирский стрелковый полк. В августе 1914 г. переведен во вновь сформированный второочередной 53-й Сибирский стрелковый полк. Участ-

ник Великой Отечественной войны в рядах 53-го Сибирского полка.

Весной 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечом и бантом [16]. В сентябре 1916 г. произведен в подполковники [18]. После демобилизации вернулся в г. Новониколаевск. Командир одного из трех офицерских взводов белых, созданных сразу после освобождения г. Новониколаевска. Возможно, состоял в подпольной офицерской организации и в белую армию вступил добровольно. По другим сведениям – был мобилизован.

В 1918 г. участвовал в боях на Байкальском фронте. В июне – июле 1918 г. командовал 2-м Новониколаевским Сибирским стрелковым полком (позднее переименован во 2-й Барабинский). Командовал второй колонной (2-й Новониколаевский полк и батальон чехословаков, всего 600 штыков) при наступлении на Иркутск, наносившей лобовой удар вдоль линии железной дороги.

С 21 июля 1918 г. исполнял обязанности начальника Управления по снабжению войск Восточного фронта. С 19 октября 1918 г. – начальник 1-й кадровой дивизии 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса.

За отличия в боях приказом адм. А.В. Колчака от 2 марта 1919 г. произведен в полковники со старшинством с 6 сентября 1917 г. [17].

3 марта переведен из 1-й кадровой дивизии Средне-Сибирского военного округа в распоряжение командующего Сибирской армии [3, л. 40].

В мае 1919 года назначен командиром 17-й отдельной Сибирской стрелковой бригады, которая участвовала в боях под г. Глазовым.

Начальник гарнизона г. Тобольска.

Вероятно, Гражданская война для него окончилась в г. Красноярске в конце 1919 г. После проживал в г. Новониколаевске, где и был арестован 12 июля 1920 г.

Приговорен коллегией Новониколаевской уездной ЧК 27 апреля 1921 года за «участия в свержении советской власти» к 3 годам заключения в концлагере. Дальнейшая судьба не известна. В списке арестованных членов так называемой «организации генерала Болдырева» не обнаружен.

Реабилитирован 15 мая 2003 г. [9].

Статья поступила 26. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Боевые расписания армий Восточного фронта 1918–1919 гг. // Белая гвардия. М., 2001. № 5. С. 120–170.
2. Варженский В. Великий Сибирский ледяной поход // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С.В. Волков. Москва, 2004.
3. Гос. архив Пермского края (ГАПК), Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 5.
6. Гос. архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп.3. Д. 5199.
7. За власть Советов. Киров, 1957.
8. Кесарев С.П., Королев А.Н., Пичугов С.Г. Особая бригада. Исторический очерк. М., 1962.
9. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / Редкол.: С.А. Папков (отв. секр.) [и др.]. Новосибирск, 2005. Т. 1. 2008. Т. 2.
10. Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. СПб., 1909.
11. Огородников Ф. М. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
12. Освобождение России (Пермь). 1919. 3, 4 июня.
13. Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.
14. Российский гос. Военный архив (РГВА). Ф. 39509. Оп. 1. Д. 3.
15. РГВА. Ф. 39888. Оп. 1. Д. 3.
16. РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1.
17. Русская армия (Омск). 1919. 20 марта.
18. Русский инвалид. 1915. 19 марта.
19. Русский инвалид. 1916. 13 сентября.
20. Сибирские стрелки. 1919. 4 июня.

Сведения об авторах

Ситников Михаил Григорьевич, заведующий отделом метрологии Пермского государственного национального исследовательского университета, 614068, Россия, г. Пермь, ул. Пермская 230, 23, тел.: +79197149941, e-mail: zebzei@yandex.ru

Sitnikov Mikhail Grigor'evich, department supervisor of metrology of Perm' State National Research University, 614068, Russia, Perm', ul. Permskaya, 230, 23, tel.: +79197149941, e-mail: zebzei@yandex.ru

Ладыгин Игорь Валерьевич, кандидат технических наук, предприниматель, член Новониколаевского военно-исторического клуба, 630099, Россия, г. Новосибирск, главпочтамт д/в Ладыгину Игорю Валерьевичу, тел.: +79139857831, e-mail: ladyginiv@rambler.ru

Ladygin Igor' Nikolaevich, candidate of engeneering, businessman, fellow of Novonikolaevsky military-historical club, 630099, Russia, Novosibirsk, glavpochtamt, do vostrebovania Ladyginu Igaryu Nikolaevichy, tel.: +79139857831, e-mail: ladyginiv@rambler.ru

УДК 94 (47). 084. 1. 2

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВЛАСТЬ НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
(МАРТ – ИЮНЬ 1917 г.)**

© А.П. Шекшеев

В данной статье освещаются революционные события весны – начала лета 1917 г. на юге Енисейской губернии. Автор рассматривает создание и деятельность комитетов общественной безопасности, их взаимоотношения с другими ветвями власти. Показано, что минусинская демократическая общественность, устранив старую власть, создала представительные органы, которые по разным причинам были не в силах единолично руководить революционным процессом. Оказавшись под прессингом большевиков и солдатской толпы, они утратили свою политическую значимость. Возникшее с самого начала революции многовластие закономерно способствовало установлению диктатуры радикально настроенных низов.

Ключевые слова: большевики, борьба, демократия, комитеты, крестьяне, общество, рабочие, революция, советы, солдаты.

**REVOLUTIONARY POWER IN THE SOUTH OF THE YENISEI
PROVINCE (MARCH – JUNE 1917)**

© A.P. Sheksheev

This article highlights the revolutionary events of spring-early summer of 1917 in the South of the Yenisei province. The author shows the creation, activities, relations with other branches of the government and the fate of the first committees of public safety. It is shown that the Minusinsk democratic community, eliminating the old regime, created a representative bodies, which for various reasons were not able alone to lead the revolutionary process. Being under the pressure of the Bolsheviks and soldier of the crowd, they lost their political significance. Arising from the very beginning of the revolution polyarchy naturally contributed to the establishment of the dictatorship of the radical masses.

Key words: the Bolsheviks, struggle, democracy, committees, peasants, society, work, revolution, tips, soldiers.

Будучи беременной революцией еще со времен запоздавшей отмены крепостного права, Россия к стихийному началу ее в феврале 1917 г. пришла со всеми признаками военно-политического и финансово-экономического кризиса монархического строя. Насильственное свержение самодержавия было обусловлено тяжелым социально-экономическим положением страны, усугубленным тяготами Первой мировой войной, разрывом связи монархии с народом и отставанием политической системы от новых социальных условий, падением авторитета православной церкви, кризисом религиозного чувства и оскудением веры, а также предательством общенацио-

нальных интересов политическими и военными кругами. Согласно взглядам одного из исследователей, политическая система, возникнув на дрожжах интеллигентских эмоций, не выражала практических интересов социумов. В обществе все более утверждалась мысль о том, что победа в войне не может быть достигнута без верхушечного переворота [1, с. 39, 44, 53].

Известия о революции всколыхнули сибирскую общественность, оказавшую массовую поддержку демократическим преобразованиям. Наряду с назначением губернских комиссаров Временного правительства, на местах представители демократических партий, которым революция

отвела роль своих проводников, совместными усилиями стали создавать комитеты общественной безопасности и советы.

В отсутствие стабильной и жизнеспособной партийной системы, способной вести политическую борьбу между различными политическими силами, революция, по мнению одного из исследователей, уничтожила правый фланг партийно-политического лагеря, ослабила его центр, который не имел широкой и надежной социальной базы, укрепившейся в массах идеологии, и резко усилила социалистические партии [23, с. 9].

В силу того, что широкие слои населения были склонны к прямой демократии, укорененной традициями сходов и общины, феномен «демократии» и «демократизации» воплощался на российской почве своеобразно и играл скорее роль тарана, разрушающего прежние структуры власти, нежели выполняющего конструктивные функции [3, с. 41]. Хотя все революционные органы пытались стать выразителями интересов народных масс, комитеты с самого начала заняли надклассовую позицию, а советы выражали интересы наименее защищенных слоев населения. Поэтому более правильными, вопреки мнению некоторых историков о том, что в условиях сложившегося «двоевластия» серьезных противоречий в отношениях между различными органами власти до лета 1917 г. не возникало [7, с. 146], остаются суждения о распространении в провинции «многовластия», которое вело к неустойчивости властной структуры и неспособности ее оперативно реагировать на требования народных масс [3, с. 40].

Не решив проблему преемственности своей власти и выдвигая сугубо либеральные лозунги, доминирующие на первом этапе революции, демократы не проявили твердости в отстаивании государственных устоев и начали их реформирование с разрушения. В Сибири они так и не добились тактического единства с представительством Временного правительства [6, с. 113–117]. В начале мая 1917 г. произошел под воздействием центра и В.И. Ленина, считает один из историков, раскол и среди социал-демократов: большевики были отозваны

из комитетов и сосредоточены на работе в советах рабочих и солдатских депутатов [30, с. 243]. Они стали, по признанию современных ученых, формой непосредственной демократии, средством мобилизации антиконституционных деструктивных сил и системой управления, маскировавшей заговор, созревший с целью захвата власти [13, с. 16–17]. К тому же, в условиях роста аномии и агрессивности, в обществе стал распространяться большевизм, выражавшийся в интуитивном одобрении его представителями разрушительных революционных процессов и желании социального реванша [23, с. 9].

Будучи яркой иллюстрацией сказанного выше, создание, деятельность и судьба первых органов революционной власти в Минусинске и уезде уже освещались как очевидцами, так и историками [2, 12, 20, 22]. Однако в силу идеологических пристрастий авторов, незначительности их исследовательских экскурсов эта тема так и не стала объектом широкого и глубокого, а где-то и объективного изучения. К примеру, протоколы заседаний Минусинского КОБа не подтверждают заявление большевиков о членстве в нем их товарища А.П. Спундэ, современный исследователь неверно представляет иерархию взаимоотношений между минусинскими городским и уездным КОБа, а другой ошибается, утверждая, что председателем уездного КОБа был избран эсер М.А. Агуф [2, с. 40; 12, с. 111; 22, с. 20].

Необходимое достоверное освещение личностей революционной власти, несмотря на выполнение местной исследовательницей серьезной работы о политических ссыльных Минусинского края, по ее же признанию, является далеким от завершения [8]. Советская власть не была заинтересована в предоставлении биографических сведений о загубленных ею деятелях революции – представителях политических сил, с которыми большевики вели ожесточенную борьбу. Между тем происходивший здесь общий для Сибири революционный процесс был полон драматических и сложных событий, познание которых углубляет историю, делая ее поучительной для рос-

сийской демократии, что и определяет актуальность нового исследования.

Организация новой власти в Минусинске произошла по инициативе политических ссыльных и проходила под их руководством. Получив известие о революционном перевороте в столице, ее лидеры: меньшевик В.К. Иков, эсер Н.Я. Быховский и большевик А.П. Голубков 3 марта 1917 г. организовали совещание, открывшееся приветственной речью местного священника о. Ф. Горбунова и проходившее под председательством исполняющего обязанности городского головы П.А. Бахова. Названное большевиками «предательской деятельностью меньшевиков и эсеров» [3, с. 40], оно стало первым заседанием Минусинского комитета по охране общественного спокойствия, куда кандидатами были предложены представители различных политических партий (М.А. Агуф, А.П. Голубков), священнослужители (Ф. Горбунов, В.И. Кузьмин), должностные лица (В.Ф. Цявловский) и др. На заседании этого органа, через два дня переименованного в комитет общественной безопасности (КОБ), было решено издавать бюллетень комитета и создать специальную группу по составлению и распространению воззвания «с разъяснением населению смысла совершающихся событий». Позднее такая же задача была поставлена перед И.Г. Сафьяновым, которого комитет откомандировал для «успокоения» инородцев. В присутствии исправника и представителя гарнизона, заявивших о признании новообразованной власти, было решено разоружить полицию и сформировать народную милицию, а также организовать сбор денежных средств для организации охраны города [14, л. 1].

На следующий день в Минусинске состоялся митинг представителей общественных организаций и гласных городской думы с участием рабочих, насчитывающий тысячу участников. Собравшиеся избрали КОБ, состоявший (вместе с кооптированными позднее) из 57 членов. Они же, в свою очередь, создали исполком с председателем П.А. Баховым, его товарищем (или заместителем) – Ф. Горбуновым, секретарем – М.И. Хачатуровым и членами: Р.И. Зефириным, Я.И. Шомесовым,

И.Г. Сафьяновым, Н.Я. Быховским и В.К. Иковым [18, л. 4–5; 26, 7 марта]. Тут же комитет направил делегацию к освобожденной из ссылки и отъезжавшей из Минусинска в Петроград известной социалистке-революционерке, «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Члены ее выразили от имени населения «чувства восхищения перед ее стойкостью в защите интересов народа». Позднее, 8 марта, КОБом рассматривался вопрос о покупке дома, в котором она проживала, для организации в нем бесплатной школы для детей окраин. Кроме того, в местном музее было решено открыть особую комнату имени «бабушки» [12, с. 114; 14, л. 10].

С целью окончательного упразднения прежней власти, Минусинский КОБ постановил подвергнуть аресту вернувшегося из Ачинска жандармского ротмистра Н.И. Смирнова, агентов его управления и прапорщика местной команды Н.А. Адике, который занял выжидательную позицию. Вместо арестованного капитана Шашина начальником гарнизона и комендантом города был назначен член КОБа В.Ф. Цявловский, а начальником организуемой милиции – бывший юрист, сосланный за участие в революционном движении на Черноморском торговом флоте, М.П. Адамович. В то же время комитет решил отметить переход к республиканскому правлению проведением митинга с молебном и парадом войск гарнизона и милиции [14, л. 4, 6, 8; 26, 7, 8 марта].

Особенностью организации власти в Минусинском крае, по мнению очевидца, являлось создание не только городского, но и уездного комитетов. Одновременно, 4–5 марта, на съезде уполномоченных потребительских обществ Минусинского уезда по инициативе и под председательством народника и агронома И.П. Бедро был сформирован уездный комитет, тут же получивший финансовую поддержку от кооперации. В него вошли от потребительских обществ И.И. Аланов, Т.И. Савенков и от Союза кредитных товариществ – М.А. Агуф и Е.Д. Добров [24, 29 апреля]. Его организация и наличие в нем местных общественных деятелей объяснялись современниками боязнью общественности

анархии, потенциальным источником которой могла стать политическая ссылка, и доверием населения к своим лидерам. 6 марта существование этого органа было признано на заседании городского КОБа, а пятеро его членов приглашены в его состав [14, л. 6]. Уже 7 марта уездный КОБ известил городской орган о командировании активистов для организации в уезде волостных и сельских комитетов [12, с. 111].

Но такие поездки не всегда заканчивались положительным исходом. Собравшись в волостном правлении, около 100 жителей с. Восточенского спокойно встретили известие приехавшего пристава Тетюхина о падении самодержавия и обещали поддержку новому правительству. Но затем несколько пьяных лиц, в прошлом отбывавших наказание в тюрьме, встретив должностное лицо, избili его в присутствии полицейского и солдата [29, л. 10; л. 2].

Согласно более поздним воспоминаниям большевиков, в Минусинске складывались три центра влияния на общественно-политическую жизнь. Политическими ссыльными и местными общественными политиками формировался «союз защиты завоеваний революции», состоявший из представителей либеральной интеллигенции, зажиточных слоев и домовладельцев. Ссылные марксисты организовывали рабочих и солдат, а крестьянство группировалось вокруг уездного КОБа и кооперации [21, с. 134].

Созданные же общественностью КОБы представляли собой коалиционные органы, объединявшие весь спектр местных политических сил от кадетов до большевиков. Так, созданная в марте 1917 г. Минусинская группа РСДРП в составе 40 членов и под руководством большевика Ю.П. Гавена уполномочила присутствовать на заседаниях КОБа в качестве своих представителей того же Гавена и Р.Г. Рамишвили. 5 марта в городской комитет явилась делегация из пяти солдат, в частности И.Е. Карпова, П.Ф. Безматерных, объявившая о поддержке гарнизоном власти Временного правительства. Они также были введены в его состав [14, л. 4; 22, с. 216]. Среди городских комитетчиков находились кадет П.А. Бахов, народные социалисты Р.И. Зе-

фиров, В.И. Кузьмин и И.Я. Чибизов, эсерка Л.Н. Злобина-Ядринцева, а также большевики К.И. Адосинская и А.П. Голубков. Кроме социалиста-революционера М.А. Агуфа, исполнявшего обязанности секретаря, членом уездного КОБа являлся представитель ПСР Е.Д. Добров. К его работе были привлечены и представители коренного населения: кадет И.И. Аланов, народный социалист И.М. Барашков и эсер И.И. Тютюбеев.

В основном членами комитетов стали представители интеллигенции. Так, к примеру, Аланов был кооператором, Голубков – врачом, Иков – банковским служащим, Назаров – учителем, Тропин – литератором, Хачатуров и Быховский – журналистами, а Чибизов – директором училища. Некоторые из них являлись блестящими ораторами, полемистами и владели литературным даром. Большинство же данных лиц, владея навыками подпольной работы, не имели способностей и опыта административно-хозяйственной деятельности. В то же время городской комитет, согласно характеристике очевидца, «отличался большим радикализмом, чем... уездный комитет» [21, с. 132–133], а его члены находились под постоянным прессингом со стороны революционных масс. Они страдали радикализмом, скорее всего, не столько в своем поведении, сколько в высказываниях, претензиях и неумении договариваться.

Отношения между комитетчиками и большевиками не заладились сразу же. По мнению очевидцев, это было обусловлено появлением большевистской листовки, в которой революция признавалась в качестве орудия, способствующего переходу власти «из рук дворянской бюрократии в руки буржуазии», и ситуацией с начальником гарнизона Шашиным, которого КОБ пригласил на свое заседание, а солдатская делегация его там арестовала [2, с. 40–42].

Несмотря на вызывающее поведение большевиков, политические разногласия вызревали также и в лоне самого Минусинского комитета. Как совершенно справедливо отмечал один из авторов, члены его уже 6 марта объявили о своей власти не только в городе, но и в уезде, а 12-го заявили о том, что уездный КОБ является учре-

ждением, подчиненным городскому комитету и играющим роль его исполкома по уездным делам [14, л. 6, 15; 22, с. 217].

Однако обстановка требовала порой совместных усилий обоих комитетов. Революция вместе со стремлением к демократическим преобразованиям вызвала в обществе нетерпение, переходящее в бунтарские настроения. 7 марта в Минусинске распространились слухи о «брожении» среди ожидающих правительственной амнистии заключенных местной тюрьмы. Назначенные комиссары выявили их тяжелое положение. На следующий день КОБ с целью его улучшения направил в распоряжение начальника тюрьмы денежную сумму, запросил соответствующие органы о снабжении ее дровами и мукой. Мировым судьям было предложено явиться в город для пересмотра некоторых дел. Докладывая на заседании КОБа 10 марта о переполненности тюрьмы и антисанитарии в ней, лица, посетившие ее, ходатайствовали об увеличении арестантского пайка, улучшении медицинского обслуживания заключенных и введении института старост, а также об изыскании денежных средств, которыми необходимо было наделить 150 арестантов, вышедших на свободу. В связи с просьбой, полученной от них, КОБ ходатайствовал о снятии кандалов перед министром юстиции А.Ф. Керенским [14, л. 8, 10, 12, 15].

Минусинский комитет продолжал свою организацию: 12 марта оформилось его Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов (М.А. Агуф, П.А. Бахов, Ф. Горбунов, Р.И. Зефилов, И.Г. Сафьянов, Я.И. Шомесов, А.Д. Яковлев) и трех кандидатов (А.П. Голубков, В.И. Кузьмин и А.Г. Шустер) [14, л. 15].

Распространялись комитеты и в селениях уезда. Так, в волостном селе Ермаковском КОБ был организован во главе с Нехорошевым. Появились органы новой власти и в хакасских местностях – в с. Усть-Абаканском и Верх-Аскизе. 6 марта в волостном селе Усть-Абаканском имело место собрание граждан села и близлежащих улусов. Крестьяне разоружили чинов полиции, образовали КОБ и народную милицию. 7 марта в д. Ильинской Шалаболинской волости избрали КОБ и милицию. На созван-

ном старостой 8 марта сходе в с. Усинском приняли участие 200 жителей, которые, заслушав учителя, священника и ссыльного, признали власть Временного правительства, учредили комитет народного спасения и решили организовать милицию. 9 марта был избран КОБ под председательством Попова в с. Салба. В тот же день общее собрание жителей с. Каратуза создало КОБ в составе 12 членов, 10 марта его председателем стал инспектор училища А.А. Мильчаков и начальником милиции – сельский староста Т.И. Мосин. Тут же население для нужд местной власти собрало по подписке денежные средства.

Вопреки усилиям черносотенцев, избранный 12 марта комитет в с. Каптыревском возглавил политический ссыльный и эсер В.С. Карцев, его товарищем был избран священник Соловьев, секретарем В.П. Стародубцев, а членами: Т.В. и С.П. Горевы, Ф.М. Губинов и Н.И. Монастыршин. Отыскав необходимые денежные средства и медикаменты, КОБ постановил открыть прием больных в местную лечебницу. Созданный в с. Субботино комитет объявил борьбу с хулиганством, а в с. Шунеры собрал и отправил в адрес Временного правительства денежные средства [4, 23 марта; 5, с. 123; 12, с. 112; 26, 15, 18, 19, 23 марта, 28 апреля].

12 марта общим собранием населения д. Абакано-Заводской и рабочих Абаканского железодельного завода был избран КОБ, состоявший из семи членов, в частности председателя политического ссыльного социалиста-революционера П.Н. Тарелкина, писаря П.И. Анциферова и сельского старосты Шморина (с совещательным голосом). Комитетчики решили открыть потребительскую лавку, создать милицию, установить контроль за ценами и продуктами, а также повели борьбу с самогонварением.

Сложнее оказалось оформить новую власть в казачьей станице Таштып. Сообщение об отречении царя здесь стало известно еще 7 марта, а 9 марта газета с этой информацией зачитывалась на общем собрании населения. На станичном сходе 13 марта иногородние по этому поводу ликовали, казаки же сомневались в возможности

«жизни без царя». Накануне волостного схода, должного избрать КОБ, разночинцы и казаки провели собрания по выдвижению кандидатов. В комитет были избраны 11 лиц, в основном представлявших казачье сословие, в частности председателем – И.М. Кузьмин, секретарем – К.М. Раевский, казначеем – Г.М. Кузьмин, членами: дьякон О.М. Чумаковский, В.Е. Боргов, В.Г. Вайков, П.Р. Зырянова, И.С. Каргаполов, С.С. Кузьмин, И.А. Шахматов и С.Я. Шуваев. Ими была создана милиция, состоявшая из пяти членов, приняты меры по выявлению огнестрельного оружия и самогонных аппаратов. Но уже 26 марта группа разночинцев и крестьян, которые сочли, что в КОБ и милицию прошли «недостойные лица», по инициативе священника Новочадовского и под председательством А.И. Олефимского начала борьбу с «темными силами» [24, 15 апреля].

Большинство населения встретило революцию с воодушевлением и высказывалось в поддержку новой власти. К примеру, на состоявшемся 19 марта в с. Тесь женском собрании учительница поздравила собравшихся как участниц первого революционного мероприятия. Они избрали двух представительниц в КОБ. Проходившее в тот же день в с. Моторском собрание общества потребителей приветствовало «зарю свободы», а 23-го послало телеграмму в адрес Государственной думы с заверением в преданности Временному правительству. Курагинский комитет отправил приветственную телеграмму в Петроград. Жители д. Ильинской собрали для нужд армии денежные пожертвования [24, 22, 23 марта, 11, 15 апреля].

Справившись с организацией КОБов в некоторых селениях, уездный комитет приступил к реорганизации правоохранительных органов. 14 марта он постановил упразднить уездную и городскую полицию, начальнику городской милиции Адамовичу, назначенному через день еще и уездным комиссаром милиции, принять дела управлений. 16–17 марта он вместо уволенных классовых чинов полиции, станковых приставов, городских и стражников набрал для охраны порядка в Минусинске, по рекомендации местных граждан, 15 пеших и 6

конных милиционеров. Состоявшееся следом их собрание постановило ускорить процесс организации оплачиваемой милиции в городе и уезде [24, 19, 21 марта].

Одновременно с усилением значимости уездного КОБа в политической жизни региона налаживалась и деятельность местных большевиков, сосредоточивших свои усилия на работе среди солдатских и рабочих масс. Еще 11 марта члены большевистской фракции IV Государственной Думы Н.Ф. Шагов и Ф.Н. Самойлов посетили местную команду, после чего солдаты вручили им наказ защищать их интересы. Но уже вскоре военнотружущие гарнизона приняли присягу правительству, а члены КОБа озаботились обеспечением их бельем, одеждой, сапогами, медпомощью и литературой. Для солдат, приезжающих домой, дамский комитет подготовил помещение, начальнику милиции было предписано выдавать отпускникам открытые листы для бесплатно-го проезда [2, с. 42; 14, л. 21–22].

15 марта 1917 г. в Минусинске состоялось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, избранного из 23 представителей от рабочих, 5 – от солдат и по 2 – от социалистических партий. Его участники создали исполком (М.А. Агуф, Ф.А. Герасимов, А.П. Голубков, Л.Н. Злобина-Ядринцева, И.Е. Карпов, А.Х. Фокин и С.Г. Эйдеберидзе), продовольственную комиссию из семи членов и делегировали трех своих представителей (М.С. Васильев, А.Ф. Южанин и Ф.А. Герасимов) в городской КОБ. На первом заседании исполкома, 17 марта избравшего своим председателем эсера Агуфа, было решено открыть биржу труда и издавать газету «Известия». Несмотря на то, что рабочие массы города в это время еще шли за эсерами и меньшевиками, большевикам удалось провести в совдеп нескольких членов, а избранный в состав исполкома Голубков вскоре стал товарищем председателя [2, с. 43; 26, 17, 19 марта]. Следом, в марте – апреле 1917 г., были организованы советы рабочих и солдатских депутатов на рудниках «Юлия», «Улень» и «Богомдарованный».

С самого начала своей деятельности КОБы были вынуждены сотрудничать между собой и советом. Так, когда просушка

заготовленного интендантством для армии хлеба, порученная продовольственной комиссией совдепа, не удалась, то уездный КОБ решил взять продовольственное дело в свои руки, подключив к нему кооперацию [14, л. 18, 20]. Или, заслушав под шумные аплодисменты телеграмму министра юстиции об амнистии уголовным преступникам, члены городского и уездного комитетов 21 марта решили с целью их освобождения командировать в тюрьму специальную комиссию в составе работников прокуратуры и комиссаров, а также выделить для поддержки данных лиц 3 тыс. руб. Через день из Минусинской тюрьмы были освобождены 220 заключенных, а еще 26-го готовились к выходу на свободу. Комиссия снабдила их некоторым количеством одежды и обуви. Более мягкими становились отношения комитетчиков и с лицами, продолжавшими находиться в заключении. Например, по заявлению заключенных, которые дали слово вести себя спокойно, в тюрьме было разрешено на три дня празднования Пасхи держать камеры открытыми [14, л. 21–22, 31; 17, л. 123; 26, 23, 25 марта].

Совместно с советом решал некоторые вопросы и городской КОБ. Так, 30 марта их члены приняли «Положение о примирительных камерах рабочих», которое должно было регулировать трудовые споры между работодателями и работниками. В соответствии с этим документом, совет получил право контролировать деятельность камер. Он объявил об установлении 8-часового рабочего дня, начал организовывать профсоюзы на предприятиях и стал принимать решительные меры по борьбе со спекуляцией [23, с. 21].

Особенностью в деятельности сибирских комитетов являлось оказание помощи амнистированным каторжанам. Получив 22 марта решение Иркутской тюремной инспекции, повторяющее приказ по министерству внутренних дел о расселении освобожденных каторжников, занятых на строительстве Усинской колесной дороги и сосредоточенных в с. Ермаковском, Григорьевке, Верхнем Кужебаре и Имисском, Минусинский КОБ создал комиссию по их устройству и послал в район их находде-

ния комиссаров. 31 марта и 11 апреля комитетчики запрашивали в инспекции на нужды бывших каторжан из 39 тыс. руб. доходов Усинской дороги перевода в сумме 9 тыс. руб.

К 18 апреля первые 300 амнистированных каторжан, одетые в лохмотья, лапти и рваные сапоги, появились в Минусинске, где им были предоставлены временное жилье и пожертвования. Судя по отчету комиссии, к 22 апреля её помощью воспользовались 2936 данных лиц, а на довольствие в Минусинске были поставлены 170–180 человек. Но многие из них изъявили желание провести отпуск в родных местах. Не имея возможности следить за поселенцами и наблюдая обеспокоенность населения по поводу их наплыва, Минусинский КОБ охотно ходатайствовал перед Временным правительством о возвращении их в родные места, а 24 апреля постановил выдать им паспорта с правом проживания по всей России. Однако губернский комиссар 28 апреля заявил о возможности выезда данных лиц за пределы подведомственной ему территории только после отбытия трехлетней ссылки и предложил начальнику уездной милиции принять меры по их трудоустройству. На 26 апреля в Минусинском уезде были размещены 596 амнистированных.

Вместе с тем, запрошенные в Иркутской тюремной инспекции денежные средства в распоряжение Минусинского комитета так и не поступили. Частные же пожертвования от мусульманской общины, Сибирской компании, общества потребителей, торгового дома Смирнова, товариществ Ивановых и Вильнеров, различных частных лиц и денежные средства, полученные при проведении специальной лотереи и литературно-драматического вечера, в сумме более 4 тыс. руб., комиссия целиком истратила на путевое довольствие амнистированных и содержание специального пункта, предназначенного для их ночлега и питания. Поступившие от населения одежда, обувь и продукты комиссия распределила между нуждавшимися. Отсутствие надежного и постоянного финансирования осложняло деятельность КОБа по размеще-

нию амнистированных и их нахождение в Минусинске.

Поэтому в мае – июне 1917 г. некоторые бывшие каторжане, воспользовавшись разрешением командования Иркутского военного округа и бесплатным проездом, отправились на службу в сибирские запасные полки, дислоцированные в Красноярске и Ачинске. Так с Усинской колесной дороги в Красноярск прибыли 500 бывших каторжан [4, 5 мая; 14, л. 49, 57; 17, л. 15, 22, 31–32, 34, 50, 67–68, 114, 122–124, 199; 26, 18 апреля]. Но, вопреки действительному положению дел, получение амнистированными права выехать за пределы губернии бывшие члены Минусинского Совета потом приписали себе [2, с. 43–44].

Очередной акцией большевиков, ведущей к конфронтации с КОБом, стала их попытка обрести контроль за милицией. 26 марта в Минусинске состоялось собрание, на котором из 80 её членов присутствовал 31 человек. Они единогласно приняли предложение большевика Гавена избрать комиссию из трех человек, которые, пополнившись двумя представителями от гарнизона, должны были заняться формированием новой милиции [14, л. 51].

Еще одним делом, общим для минусинских властей, стали учет и переоценка стоимости имевшихся в местной торговле товаров, что было вызвано недовольством и возможными эксцессами со стороны населения, возбужденного слухами о залежах довоенных и дешевых товаров, а инициированы – общим собранием гарнизона. 9 апреля была создана комиссия по нормированию цен на товары, в которую вошли по три представителя от совдепа и гарнизона, КОБа и владельцев магазинов, один – от продовольственного комитета и пятеро – от общества приказчиков.

Владельцы магазинов не смогли предоставить комиссии оправдательных счетов по закупке некоторых товаров, а покупательная цена на них колебалась. Поэтому её члены решили снизить цены на товары без счетов на 75, на предметы роскоши – на 30 процентов и закрыть магазины французского подданного Штеблера, продававшие охотничьи ружья и припасы по высоким ценам. Осуществив эту работу в магазинах

Смирнова, частью у Савельева, Вильнера, Калнина и Рогозинского, комиссия постановила во избежание возможного психоза толпы и скупки населением товаров открыть все торговые точки сразу. Приказчикам было указано продавать дешевую мануфактуру в ограниченных размерах [14, л. 2–7].

К этому времени население еще положительно воспринимало революционные преобразования и поддерживало местные органы власти. Крестьян, например, привлекали открытые заседания Бейского волостного КОБа, забыв на время пьянство и хулиганство, они активно участвовали в общих собраниях. Жители и местная колония ссыльных сочувственно относились к уволенному без содержания старейшему в губернии полицейскому приставу Зудину, который не был «держимордой» и «лихоимцем». Напротив, сдерживаемые милицией толпы народа требовали немедленной расправы над виновным в хищениях и присвоении посылок в армию начальником местного почтового отделения Власовым [24, 12 апреля].

В ряде местностей основная деятельность комитетов заключалась в борьбе с самогонварением. Прекращение деятельности винокурных заводов, например, наблюдалось в с. Табат, Иудино и Салба. Собравшиеся на съезд комитетов Комской волости представители крестьян постановили не только упразднить волостное правление и передать его функции избранному волостному КОБу, но и обязать его отправлять самогонщиков в тюрьму. По настоянию уважаемого инородцами Усть-Уйбатского КОБа, уничтожению подверглись до сотни самогонных аппаратов. Совместно с милицией комитетчики боролись и с распространением среди коренного населения игры в карты [19, 26 апреля; 26, 12, 18, 28 апреля].

Выступая за созыв Учредительного собрания и войну до победного конца, собрание бывших солдат с. Шушенского под председательством В. Кармальского 9 апреля решило оказать содействие местному КОБу, переизбрать должностных лиц и организовать сельскую милицию. Со времени образования комитета село, как пишет оче-

видец, «переродилось»: в праздник не стало видно пьяных и хулиганов, а население, справив обедню, отправлялось в школу или на собрание. Жители добровольно доставили закупленный интендантством хлеб на пристань. Позднее состоявшийся под председательством бывшего члена Государственной Думы С.А. Ермолаева сход охотно откликнулся на его призыв приобретать облигации государственного займа свободы [24, 14 апреля, 9 мая].

Однако вскоре появились первые признаки противоречий в деятельности комитетов, избранных на местах, и вышестоящей власти. Так, Григорьевский волостной КОБ, в составе которого находилось много политических ссыльных, призвал население не платить подати Временному правительству и предложил властям соседних территорий следовать его примеру. Городской и уездный КОБы были вынуждены довести до сведения его членов о недопустимости и незаконности такого поведения. Обеспечение городской продовольственной управы дровами стало возможным лишь после переговоров между минусинскими властями и Мало-Ничкинским КОБом. В интересах местной группы лиц начал действовать и Абакано-Заводской комитет, разоруживший стражу Алтайского лесничества [14, л. 35, 38, 56; 26, 12, 29 апреля].

Впоследствии ослабление лесной стражи привело к многочисленным пожарам. Она и нанятые немногие сторожа были бессильны бороться с возгораниями, возникшими в Минусинском лесничестве. 14 апреля начался пожар в Синявинских лесных дачах, перекинувшийся и угрожавший постройкам Николаевского прииска. После того как рабочие Троицкого рудника не смогли помочь своим товарищам, был пущен встречный пал. Пожар стих только с начавшимся дождем, оставив выгоревшую площадь в тысячу десятин. Но 5 мая горел лес уже в районе Михайловского прииска [24, 26 апреля, 9 мая]. Более того, вследствие так и не расследованных причин, 15 и 17 апреля случился пожар в Минусинской тюрьме: горели дома её администрации, фельдшера и надзирателей [24, 22 апреля].

18 апреля 1917 г. в Минусинске отмечали праздник трудящихся – 1 Мая (по но-

вому стилю), в разработке церемониала которого участвовали комитет и исполком совдепа. Празднование прошло под лозунгами «Долой войну», «Вся власть советам» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Оно было отмечено манифестацией с участием 5 тыс. человек, митингом на Субботней площади и торжественным шествием к могилам павших борцов [9, 1 мая].

Демонстрации были проведены на рудниках и копях, ст. Абакан. В ходе этих торжеств на руднике «Юлия» случился конфликт между рабочими и администрацией. 23 мая собрание рабочих и служащих отстранило служащих от работы, и 29 мая они покинули рудник. Управление производством перешло к рабочему комитету, что было одобрено Минусинским совдепом. При новом рассмотрении вопроса о рудниках «Юлия» и «Улень» он решил принять их в свое ведение. Созданное Петроградским совдепом примирительное совещание высказалось за допущение к работе управляющего и бухгалтера, а правление компании «Сибирская медь» перевело 15 тыс. руб. губернскому комиссару для уплаты жалованья рабочим. В то же время Минусинский совдеп, встретив сопротивление в лице министра труда, местных эсеров и столкнувшись с трудностями по руководству производством, был вынужден согласиться на восстановление старой администрации. Не удалось ему и продать находившуюся на рудниках медь.

Рабочие Калягинских угольных копей 1 Мая не вышли на работу и организовали митинг. Когда же администрация уволила некоторых из них, то совдеп потребовал их восстановления и соблюдения 8-часового рабочего дня. Однако кое-где праздник отмечался в прежних традициях. Очевидец с иронией писал в газету, что в этот день, например, каратузские «противники» самогонки «уничтожали» ее до бессознательного состояния [4, 30 июля; 23, с. 23; 26, 29 апреля].

В Минусинске становилось все больше бывших фронтовиков, раненых или увечных, которым требовалась государственная поддержка. Потеряв надежду получить ее в кратчайшие сроки и озлобившись, эти лица начали организовываться. 12 апреля со-

стоялось собрание увечных воинов численностью в 60 человек, на котором большевик Г.В. Лебедев призвал их к созданию своей организации. Избранная с этой целью комиссия в составе пяти членов, в частности Е.А. Глухих, М.Е. Лаптева и др., провела 16 апреля очередное собрание, на которое явилось уже 100 человек, а 27 апреля под председательством Лебедева оформилась Минусинская организация Союза увечных воинов. Присутствующие избрали представителей в состав совдепа и городское самоуправление. Властям было предложено предоставить увечным бесплатное лечение, в т. ч. на местных курортах, а также квартиры. Надеясь усилить свое влияние на общественную жизнь Минусинска, правление Союза обратилось с просьбой к КОБу о замене местной команды членами его организации.

Начавшееся с просьбы к центральным властям о передаче «капиталов» дома Романовых на нужды Союза и оказание помощи семьям погибших на войне, очередное собрание увечных воинов, перейдя к обсуждению вопроса о лицах, укрывавшихся от воинской службы, превратилось, как пишет газетчик, в «море гнева». Сопровождая свои выкрики взмахами костылей и стуком деревяшек, выступавшие потребовали от властей ускорить проверку призывников, получивших отсрочку, и допустить к этой работе представителей Союза [16, л. 9; 26, 18, 22 апреля].

Вспоминая происходившее тогда, большевики считали, что городской КОБ являлся «иллюзией, призраком революционной власти и органом буржуазии» [21, с. 133]. Более правильными были суждения тех очевидцев, которые считали, что к этому времени он, разрушив старый порядок и оказавшись под завалом мелких дел, стал властью, неспособной к созиданию нового. С целью завоевания большего доверия со стороны населения губернский комитет решил на косметический ремонт своих нижестоящих органов. 24 марта 1917 г. разработанные Соединенным исполнительным бюро правила устройства территориальных самоуправлений были переданы на апробацию в его специально созданную комиссию. После проработки их циркуля-

ром бюро от 26 марта «Об объединении... существующих и возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные» местным властям было предложено переизбрание КОБов по новой схеме.

Накануне выборов в Минусинске была создана группа «закрепления политической свободы», которая всячески склоняла выборщиков к «забвению внутренних распрей». «Победил», как писала одна из газет, «блок демократических организаций». 16 апреля в состав нового городского КОБа горожане избрали 37 членов, двое из которых немедленно были командированы с правом решающего голоса в уездный комитет.

20 апреля состоялось совместное заседание старого и нового составов КОБа, на котором прежний комитет сложил свои полномочия, а вновь созданный, ссылаясь на телеграмму губернского руководства о необходимости создания единого органа, – тут же поднял вопрос о распространении своей власти на территорию уезда. Однако этому воспротивился председатель уездного КОБа Бедро, заявивший о том, что Минусинский комитет, избранный лишь горожанами, не имеет права управлять уездом с его многотысячным крестьянством, которое к созданию данного органа отношения не имело. Комитетчики сначала отвергли предложение одного из своих товарищей о вводе 10 представителей в уездный КОБ и последующем упразднении городского комитета. Но после сообщения о назначенном на 13 мая открытии Уездного крестьянского съезда, должного избрать собственную власть, они решили этот вопрос на время оставить открытым и «продолжать работу и свои отношения с уездным комитетом на прежних основаниях».

Оставив также открытым вопрос о представительстве в своем составе политических партий и разрешив посторонним лицам высказываться на заседаниях лишь в исключительных случаях, комитет назначил жалованье еще не избранному президиуму. В тот же день было образовано Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов, и президиум в лице председателя – того же Бахова, товарища председателя – И.А. Комарихина и секретаря – Я.И. Фрей-

мана [9, 26 апреля; 16, л. 52; 25, 29 марта; 26, 13, 20, 22, 23 апреля].

Но на этом борьба за право руководить уездом не закончилась. На этот раз за него решил побороться Минусинский совет. На его заседании 21 апреля было «признано желательным принять участие в организации уезда и ... выделить комиссию из Совета в числе 4 человек и войти в сношения по этому поводу в комитет общественной безопасности о выделении такого же числа» [28, 4 мая].

Отчитываясь перед Минусинским комитетом 22 апреля, председатель уездного КОБа рассказал о том, что за два месяца существования уездного КОБа, работавшего в «тесном контакте» с городским органом, 12 его представителей с разъяснениями побывали в 91 селении. Их деятельность по организации власти в уезде осложнялась тем, что население в ряде мест восприняло свержение старого строя как полное упразднение прежнего правительственного аппарата в лице старост, старшин и крестьянских начальников. Убеждая местные общества не ломать старое управление там, где они были не в силах сразу организовать новое, данные лица оказали помощь в организации ряда волостных комитетов. Когда же Бедро доложил, что при наличии в уезде 35 волостей с 375 населенными пунктами сеть созданных КОБов охватила 21 волость и 168–169 селений, то комитетчики вновь заявили о необходимости сосредоточия власти в городе и уезде в руках одного комитета и решили делегировать в уездный КОБ своих представителей [14, л. 55; 26, 26, 28, 29 апреля].

Дело дошло до того, что ранее состоявшееся избрание правления Минусинского кредитного товарищества во главе с Бедро по заявлению его 100 членов было признано незаконным и подлежащим переизбранию, а поведение его самого – рассмотрению мировым судьей [24, 22 апреля].

Несбывшиеся ожидания начали вытаскивать на политическую арену не только увечных воинов в Минусинске, но и сельских маргиналов, которые повели борьбу за власть. К примеру, в с. Каратуз, где комитетчики отличались «дружной и плодотворной» работой и население активно по-

сещало их заседания, слушало чтение газет, телеграмм и обменивалось мнениями, «темные силы» повели закулисную агитацию. В результате КОБ распался, а жители разделились на «коренных» и «разночинцев». Работавший на оборону Абаканский завод стал пристанищем бежавших от призыва в армию военнообязанных, которые создали здесь нездоровую обстановку. Вследствие слабого оповещения КОБ в с. Шалаболино, где насчитывалось 2 тыс. жителей, был создан сходом в 150 человек. При этом в его состав, а затем и председателем волостного комитета было избрано лицо, чья трансформация в «большие начальники» вызвала протесты местных крестьян.

Избранные в комитеты лица зачастую оказывались людьми юридически неграмотными. Подменяя судебные органы, они принимали решения, которые дискредитировали власть. Так, Бейский КОБ за кражу пилы и самовольное оставление тюрьмы арестовал на девять суток одного из жителей, что было признано вмешательством в дела волостного суда. Местное население с разрешения комитета и при поддержке мирового судьи использовало под посев отведенные землеустроителем и обработанные земли иудинских крестьян. Незаконное решение по гражданскому делу принял и Табатский КОБ. С прибытием фронтовиков Бейский комитет с его «примиренческой позицией» был переизбран. Ставшие во главе КОБа солдаты прекратили чтения и собеседования по праздничным дням и вскоре арестовали, отправив в тюрьму, лесника и помощника кондуктора.

Борьба за власть развернулась и в Таштыпе. Она была обусловлена тем, что казаки, боявшиеся изъятия земель и уравнивания в правах с крестьянами, не хотели, чтобы в КОБ попали «разночинцы». Комитет, созданный сначала, оказался организованным «неправильно», второй был «незаконным», третий признавался «правильным», но его, по предложению уездного КОБа, следовавшего пожеланиям обозленных на бедноту станичников, также переизбрали. Возбужденные выборами, проходившими во время посевной, крестьяне во избежание скандала покинули собрание и избрали

свой орган. В свою очередь, состоявшийся 24 апреля волостной съезд признал этот комитет недействительным и назначил новые выборы. В тот же день «старые заправилы» вызвали представителей из окрестных деревень с целью досрочного избрания КОБа. Но прибывший из поселка Абаканского завода председатель местного комитета и, как его потом называли местные недоброжелатели, «проходимец» Тарелкин организовал митинг, на котором, подчинив себе собравшихся, осуществил организацию волостного комитета [24, 20, 28 апреля, 4, 14 мая].

С такой же напряженностью проходило создание КОБа на ст. Абакан. По свидетельству большевистской газеты, имевшиеся здесь «темные силы», используя клевету, якобы, опорочили кандидатов от РСДРП и вместе с уйбатскими рабочими предложили избрать в его состав председателя правления Усть-Абаканского общества потребителей Е.Д. Романова и кладовщика Шадрина. Но третейский суд, используя свидетельства некоего рабочего о недемократических высказываниях Романова, отвел его кандидатуру [28, 4 мая].

В этих условиях большевики, уже нацелившиеся на захват власти, усилили свои действия по завоеванию Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов. Создав «Рабочий клуб», они с 9 апреля стали выпускать газету «Товарищ», на страницах которой пропагандировали свои идеи. Данная агитация и руководящая роль в профсоюзах позволили большевикам 25 апреля на перевыборах исполкома совдепа оказаться во главе этого органа. Избранными оказались социал-демократы Адосинская, Герасимов, Карпов, Педаяс, Пфафродт и Южанин, эсеры Добров, Злобина-Ядринцева, Козлов и Комарихин. Из них Адосинская, Добров, Карпов, Козлов, Педаяс, Пфафродт и Южанин были избраны членами бюро, а остальные – кандидатами. Вместо эсера Агуфа председателем совдепа сначала стал большевик Г.И. Пфафродт, а с его отъездом – Гавен [2, с. 46, 48; 23, с. 23].

В то же время заниматься практическими делами, улучшающими положение конкретных людей, желающих среди ответственности находилось немного. За два ме-

сяца, прошедших после решения властей о создании продовольственного комитета, он так и не был сформирован. 29 апреля в третий раз состоялось общее собрание Торгового продовольственного комитета, на котором из 25 его членов присутствовали 13 человек. Они, наконец, сконструировали этот орган в составе пяти членов, в ближайшее время должных сложить свои полномочия в пользу городской думы.

Поэтому, когда власти были вынуждены озаботиться положением слабо защищенных категорий населения, то они ограничились обещаниями и обращениями. 27 апреля Минусинский КОБ, заслушав прошение общего собрания солдаток об увеличении пайка, ходатайствовал перед Временным правительством о выплате пособий женам воинов, а перед городским управлением – о скорейшем открытии очага для детей солдаток. Через день Минусинский совдеп также направил просьбу об увеличении пайка солдатским женам, но уже в Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов [14, л. 59; 22, с. 218].

Со времени, когда совдеп возглавили большевики, отношения между ним и комитетами еще более обострились. Вскоре совдеп, вопреки распоряжению командующего Иркутским военным округом, вынес решение не посылать солдат в маршевые роты, направляемые на фронт, а оставить их для укрепления местного гарнизона. Согласно воспоминаниям очевидцев-большевиков, после этого в Минусинск для судебного разбирательства над членами совета прибыл военно-полевой суд с помощником командующего и военным прокурором. Но заявление опиравшегося на гарнизон совдепа о снятии ответственности за сохранность жизни данных лиц заставило их удалиться [2, с. 48–49].

Начавшиеся следом события, обусловленные разочарованием общества в результатах революции, его озлобленностью и большевистской агитацией, показали бессилие властей. Еще 24 апреля освобожденные из заключения получили 59 лиц, изъявивших желание поступить на военную службу. Но, оказавшись на свободе и сгруппировавшись вокруг убийцы и бывшего каторжника М. Анисимова, они тут

же потребовали отправки в армию тюремных надзирателей и начали их терроризировать. Речной мост, через который лица, служившие в тюрьме, возвращались в город, стал местом, где встречавшие их бывшие заключенные и солдаты приводили свои угрозы в реальность, используя даже режущее-колющее оружие. В первых числах мая несколько надзирателей «шайкой» Анисимова, Петрушина и Поварницына были избиты, ранены и задержаны. Служащие тюрьмы ожидали разгрома своего учреждения и расправы над собой.

Этот беспредел совпал с прибытием 2 мая пароходом нескольких сотен солдат-отпускников, которые сразу же внесли в местную среду «революционные настроения» и заставили Минусинск пережить «тревожные дни». По предложению их делегации местным советом был организован в казармах митинг с участием солдат гарнизона. Собрав вокруг себя до 300 солдат, выступавшие из числа местных увечных воинов и рабочих указали, что бывшие полицейские Тетюхин, Горошников и др. находятся на свободе и ведут черносотенную агитацию. Они обвинили КОБ и совдеп в недостаточной решительности. Председательствующий на митинге большевик Гавен заявил о том, что распоряжение Временного правительства об отправке бывших полицейских чинов на фронт запоздало. Тогда митингующие предложили своими силами арестовать «буржуев и кулаков военного возраста», окопавшихся в тылу и призывавших воевать «до победного конца». Митинг закончился принятием резолюции, требующей не только увеличения пайка солдатским семьям и переизбрания коменданта Цявловского, но и немедленной отправки на фронт бывших полицейских и прочих «капиталистов».

После того как председательствующий санкционировал данную резолюцию от имени совдепа толпы солдат и примкнувших к ним местных хулиганов подвергли городскую управу обыску, избили, арестовали и сопроводили к начальнику гарнизона 15 в прошлом чинов полиции. Подвергнув аресту председателя КОБа, коменданта города, начальника милиции и черносотенца Ф. Солдатова, митингующие создали

«новое правительство». 3 мая состоялось объединенное заседание представителей общественных организаций и солдатских делегатов, которое решило передать власть в городе и в уезде комитету общественной безопасности, совету рабочих и солдатских депутатов и комитету прибывающих солдат. Милиции и местной команде было указано взять охрану порядка в городе в свои руки и аресты без ордера коменданта не допускать, а тюремной администрации – закрыть камеры, прекратив свободное общение заключенных. Наконец, такая одиозная личность, как Анисимов, 4 мая была вновь заключена за тюремную решетку.

Будучи под впечатлением от этих событий и сдавая свои позиции, Минусинский КОБ сменил неугодного большевикам начальника городской и уездной милиции и решил участвовать в создании Соединенного исполнительного бюро, оставив пятерых своих членов (Ф.А. Герасимова, М.А. Ермолаева, И.Е. Карпова, Ф.С. Лукьянова и Н.И. Тропина) и введя в его состав столько же представителей от совдепа и по двое – от Союза увечных воинов и комитета прибывающих солдат. Комитет был вынужден не только поделиться своей властью с радикалами, но и указал на недопустимость поведения кооперативных организаций, собиравших, минуя КОБ и совдеп, о событиях губернским властям [2, с. 50; 14, л. 62–63, 69; 15, л. 119; 26, 4, 5, 7, 13 мая; 29, 4 мая].

Но конфликтная ситуация этими событиями не была исчерпана и приобрела вялотекущий характер. Наблюдалось, к примеру, рецидивы погромных настроений: 5 мая толпа солдат, встретив учащих городского училища, отмечавших праздник и торжественно возвращавшихся в город под знаменем учебного заведения, решила развлечься. Она отобрала знамя, возвращенное потом училищу милицией, и пыталась избить участников шествия.

Одновременно комитет общественной безопасности продолжал заслушивать участвовавшие требования большевиков, солдат и уступать их вмешательству в свои дела. Так, 8 мая он согласился с временным назначением на должность помощника начальника милиции рядового стрелка 13-го

Сибирского запасного полка Н.С. Исаева, 11-го – разбирался с обвинением солдатами городской управы в неправильной выдаче пособий их семьям, а 17-го – с заявлением 75 увечных воинов о замене местного гарнизона и Усинской полуроты членами их Союза [24, 7, 11, 20 мая].

Но, когда представители организаций увечных воинов и солдат стали вмешиваться в работу специального комитета по отсрочке призыва в армию и допустили угрозы в адрес его членов, то КОБ все же решился на защиту своих служащих. Передав рассмотрение этого инцидента в совдеп, он предложил данным лицам выйти из его состава, начальнику же гарнизона указал на необходимость поставить караул у воинского присутствия [14, л. 66].

Позднее власти дополнили комитет по отсрочке комиссией, должной преследовать уклонистов от военной службы, вооружили милицию наганами и призвали гарнизон к дисциплине. Однако такие меры не способствовали улучшению обстановки: солдаты арестовали и избили гласного городской думы и в ночь на 31 мая забросали камнями квартиру, ранив минусинского обывателя. В конечном итоге КОБ счёл необходимым удалить представителей Союза увечных воинов из комитета по отсрочке, а совдепу предложил расследовать их поведение [14, л. 76; 26, 1, 2, 14 июня].

Несмотря на усложнившуюся ситуацию и одобренную собранием уполномоченные волостных комитетов реорганизацию своей власти и создание Крестьянского союза, городские комитетчики продолжали обсуждать отношения с Уездным КОБом. Эту борьбу за власть в уезде завершил проходивший в Минусинске 13–18 мая уездный крестьянский съезд. Собрав до 500 делегатов, он выступил за создание коалиционного правительства с широким представительством народных масс, заявил о невозможности заключения сепаратного мира с немцами и призвал народ «к защите нашей свободы от всяких посягательств на неё, как изнутри, так и извне». Представители деревни высказались за социализацию земли, устранение крестьянских начальников, предоставили иностранцам право создания собственного земства и наметили меры

по борьбе с самогоноварением. Участники съезда избрали уездную земскую управу с функциями уездного КОБа в составе председателя В.С. Карцева и членов Е.Д. Доброва, П.С. Каргаполова, А.З. Назарова, Н.И. Окунева, А.И. Семенюка и Н.И. Тропина, а также крестьянский совет и представителей в уездный продовольственный комитет.

Наконец, на съезде завершилось неприятие местными властями назначения губернским комиссаром своего уездного представителя. Было решено пойти в этом вопросе на компромисс и утверждать в этой должности лицо, предлагаемое уездной властью. Комиссаром Минусинского уезда стал П.Н. Тарелкин, а начальником его милиции – Т.И. Савенков [26, 20 мая; 28, с. 50].

Будучи недовольными таким исходом и деятельностью своей фракции на съезде, большевики 21 мая на заседании Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов попытались вновь обсуждать вопрос об организации власти в уезде. При этом они не согласились поделить места в совдепе с крестьянским представительством [24, 21 мая].

Между тем, когда ситуация требовала объединенных усилий со стороны властей, то они, случалось, договаривались. К примеру, это произошло на соединенном заседании городского и уездного комитетов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 20–21 мая, которое обсуждало меры по спасению леса, пострадавшего от пожара и самовольных порубок. Было решено послать в районы возгорания необходимое количество конных объездчиков, милиционеров и подчинить лесную стражу избранным комиссарам – большевику Гавену, эсерам Павлову и Тютюбееву [24, 21 мая, 1 июня].

На селе, в отличие от Минусинска, где усилилась борьба за власть, комитетчики все еще пользовались авторитетом и были способны мобилизовать общества на сбор хлеба и денежных средств на нужды армии. Встретив с негодованием предложение Григорьевского КОБа не платить подати, Лугавский комитет, во главе которого находился учитель И.Н. Катанов, организовал

в волости подписку на заем свободы и заготовку хлеба в поддержку Временного правительства. Деньги и хлеб пожертвовало на эти же цели Ново-Вознесенское общество Шушенской волости, жители с. Уджей, Сагайского, Дубенского, Восточенского, Малой Минусы, Малой Ини, Кочергино, Ново-Вознесенского и Ново-Троицкого. Состоявшийся в с. Шушенском сход жителей собрал в поддержку Временного правительства 2 тыс. пудов ржи [24, 3, 4, 20 июня].

Однако и здесь, случалось, что крестьянство, находясь под влиянием распропагандированных солдат, выступало в поддержку власти советов. Так, 24 мая состоялся митинг в с. Ермаковском, в котором участвовали 120 отпускников и около тысячи крестьян. На нем, согласно более поздним воспоминаниям, была принята резолюция с требованием передачи всей власти советам и объединения советов рабочих, солдатских депутатов с советами крестьянского представительства [11, 27 сентября].

В деревне все чаще стали проявлять себя лица, далекие от революционных иллюзий и способные на насилие. К примеру, Каптыревский волостной комитет, якобы за присвоение бересты, необходимой для выгонки дегтя, несправедливо оштрафовал жителей д. Вознесенской, а отобранные у населения металлические части самогонных заводов присваивал себе. Появившиеся на селе «новые люди» своим поведением вносили дезорганизацию в привычную жизнь крестьян. Под их воздействием состоявшийся 31 мая сход жителей с. Курагино постановил, а местный КОБ, действуя под красным флагом, конфисковал мельницу известного в прошлом предпринимателя Н.П. Пашенных. Сговорившись, представитель Ачинского совета рабочих и солдатских депутатов и местные комитетчики большевик К. Базаркин и «горлопан» Е. Гулыков арестовали 70-летнего человека. На просьбу одного из очевидцев облегчить положение арестованного комитетчик посоветовал дать ему вместо подушки камень. Лишь после вторичного распоряжения из Минусинска Пашенных был освобожден. 4 июня в д. Мангалык Ермаковской волости на гулянку, устроенную кре-

стьянином соседям, которые помогли ему построить сарай, явился солдат-отпускник. Напившись, он одного из «помочан» избил, а за другим гонялся с топором. Зная, что дебошир является братом председателя местного КОБа, крестьяне оставили его в покое [10, с. 61; с. 16; 26, 3, 4, 20 июня].

Решение крестьянского съезда об усилении борьбы с самогонварением на местах зачастую выполнялось с искажением. Создавая новый КОБ в с. Лугавском, бывшие солдаты обещали, что «с корнем уничтожат самогон». Но 14 июня сами устроили попойку. В с. Колмаково лица, на которых пало подозрение в самогонварении, были вызваны в КОБ и избиты. Напротив, когда комитетчики и милиционеры д. Уджей Сагайской волости объявили населению о прекращении винокурения, то явившиеся в правление самогонщики, пригрозив убить, довели их до сложения своих полномочий. Свидетельством слабости сельской власти стали и участвовавшие пожары. Их огнем была уничтожена часть д. Большая Иня, потерпели от них и жители с. Субботино и Шушенского [24, 11, 21, 25 июня].

Вслед за решением крестьянского представительства о переходе к земскому управлению, за избранием и утверждением уездного комиссара комитеты общественной безопасности стали преобразовываться в новую систему власти. К примеру, состоявшийся 23 мая сход жителей с. Таштып постановил реорганизовать управление в сельскую земскую управу. Проходившее 24–26 мая делегатское собрание Таштыпской волости создало волостную земскую управу в составе председателя С.Е. Еремеева, членов К.Н. Потанина, Н.Т. Голощапова и кандидатов к ним П.А. Сипкина, Я.В. Терских. Его участники избрали делегата на губернский крестьянский съезд, земских судей и волостной комитет. Организовав местную милицию, они утвердили строгие меры наказания хулиганов и высказались за распространение среди населения государственного займа свободы. Или в с. Каратуз созданный с известием о революции КОБ в июле 1917 г. распался: «старый» комитет под председательством эсера Фролова продолжал существовать вплоть до ликвидации Учредительного собрания, а

радикалы из крестьян объединились в комитет бедноты, преобразованный после октябрьских событий 1917 г. в совет [26, 14 июня, 23 декабря; 27].

Пройдя через июльское обострение политической борьбы, в результате которой объединенная группа РСДРП раскололась на организации меньшевиков и большевиков, а из эсеровской организации выделились левые социалисты-революционеры, комитеты общественной безопасности с созданием земских органов самоуправления и городской думы утратили политическую значимость и должны были прекратить свое существование.

Последние решения и дела городского и уездного комитетов были направлены на улучшение положения лиц, страдающих от тягот войны, а также на сохранение общественных богатств и населения. Вследствие того, что городская больница, рассчитанная на 35 коек, не вмещала больных, Минусинский КОБ в конце мая обратился к инспек-

тору военно-санитарной части штаба Иркутского военного округа с просьбой об открытии приемного покоя для раненых и больных воинов и в соответствующие органы – об увеличении ассигнований на содержание больницы. В июне комитетчики еще раз озаботились обеспечением продуктами солдатских семей, пообещав увеличить месячный паек на взрослого члена до 5 руб. и более. Ими были выданы пособия солдатским семьям и непосредственно солдаткам, поддерживался «очаг» для детей воинов, а больным и раненым в действующую армию отправлены белье, теплая одежда и подарки.

Решением городского КОБа от 20 июля для борьбы со спекуляцией хлебом в помощь продовольственному комитету была направлена милиция. Из-за того, что лесничий отказался отпускать средства на содержание лесной стражи, комитет обратился в земельный орган с просьбой о принятии мер по охране лесов [14, л. 69, 73; 26,

Минусинская политическая ссылка в 1916 г. (Слева направо первый ряд сверху – первый В.А. Вагин-Быстрянский, четвертый – А.П. Спундэ, восьмой – А.П. Голубков, ниже его – В.К. Иков (Миров), во втором ряду сверху – первый Н.Я. Быховский, четвертый (с ребенком) – Ф.И. Дан, шестая – Е.Д. Стасова, в первом ряду снизу (вторая справа с ребенком на руках) Л.Н. Доброва-Ядринцева. Все фотографии из фондов Минусинского музея)

16, 22, 24 июня, 22 июля].

К осени 1917 г. часть политических ссыльных, бывших членами КОБов, разъехалась. Обезглавленные, но все еще сохранявшиеся кое-где волостные и сельские КОБы начали предъявлять свои права на лес и землю, поддерживать или даже иницировать их захваты. Они же стали инициаторами организации крестьянских сходо, поддержавших кандидатов в члены Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров.

С большевизацией революционного процесса, а потом и с воцарением коммунистического режима судьба многих комитетчиков оказалась трагической. За участие в корниловщине был расстрелян на Кубани первый руководитель минусинской милиции Адамович. Аресту подвергся в Петрограде при разгроме большевиками редакции меньшевистской газеты «Рабочая газета» Хачатуров. Во время антибольшевистского переворота 1918 г. от рук повстанцев погиб Герасимов. Карцев в апреле 1921 г. был казнен в Минусинске как антисоветский «заговорщик». Ставшие гласными городской думы и почетными гражданами Минусинска Бахов и Тропин, а также Бедро и Тарелкин неоднократно арестовывались, находились в заключении. Террору подверглись не только эсер Быховский и меньшевик Иков, но и большевик Гавен.

Следовательно, в Минусинске, как и в целом по стране и Сибири, воодушевленная революцией общественность создала свою власть в лице специального органа. Однако Минусинский комитет общественной безопасности, сломав структуры прежнего управления, недолго оставался единственным выразителем интересов народных масс. Настроенные более радикально представители социалистических партий вскоре организовали свой орган власти – совет рабочих и солдатских депутатов, который после завоевания его большевиками превратился в политического конкурента. Сам комитет, не имея реальной поддержки со стороны государства, больше занимался декларацией демократических преобразований и заявлял свое право руководить регионом. Такая деятельность местных политиков была обусловлена не предательством

государственных интересов, а их мировоззренческими взглядами. Сложившееся же многовластие привело к разочарованию народных масс в демократических преобразованиях и к утрате скреп, удерживавших общество от распада и тормозивших его бунтарские настроения. В результате демократическая общественность Минусинска, ставшего революционным форпостом на юге Сибири, подверглась натиску солдатской толпы и еще задолго до октября 1917 г. начала сдавать свои позиции перед радикалами.

Происшедшие в минусинском регионе события и их последствия были закономерны, предсказуемы и характерны для всей страны. Неудачное властвование российской демократии создало условия для дальнейшей политической и социально-экономической дезинтеграции, возникновения вакуума власти, усиления социально-политического противостояния в обществе и эскалации насилия. Стал обваливаться еще достаточно сильный традиционалистский строй, имевший немало сторонников среди правящей элиты. Политическая нестабильность усугубила хозяйственный развал страны, которая начала быстро вкатываться в полосу социально-политических катаклизмов и хаоса.

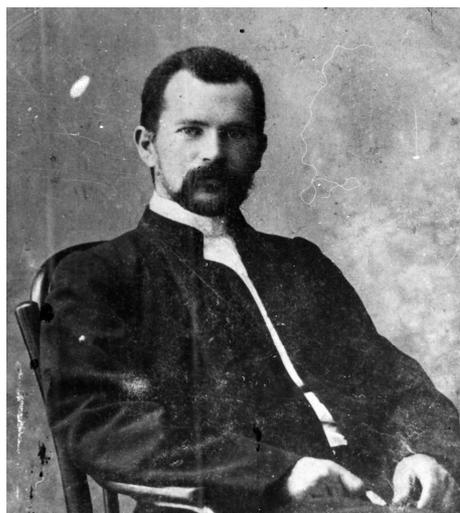
Приложение

Биографические справки

Агуф Михаил Аронович – 1890 года рождения, уроженец г. Бердянска, из семьи конторщика, по национальности еврей. Сдал экстерном за курс гимназии. В революционном движении с 1904 г., а с 1907 г. – член ПСР. Осуществлял подпольную работу в Харбине и Благовещенске. В феврале 1907 г. арестован, в ноябре 1910 г. судился Харбинским пограничным окружным судом и по протесту Иркутской судебной палаты в сентябре 1911 г. приговорен к ссылке. В 1912–1916 гг. отбывал наказание в Якутске, где давал частные уроки, служил конторщиком, в 1916–1917 гг. – в Минусинске (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. М., 1934).

Бедро Иван Прохорович – 1874 года рождения, уроженец Полтавской губернии. Окончил Уманское училище земледелия и

садоводства, Петровскую земледельческую и лесную академию. Служил в уездном

сельскохозяйственном обществе г. Лохвица агрономом в земстве и заведующим опытным полем, избирался земским гласным. За революционную деятельность арестовывался и в октябре 1908 г. был сослан в Сибирь. С 1910 г. находился в Минусинске, где организовал станцию плодоводства и проводил селекционную работу. Активный участник распространения на Енисее кооперации. После февраля 1917 г. – председатель уездного комитета общественной безопасности, делегат II Всесибирского съезда кооператоров, III, VI, VII Минусинских уездных крестьянских съездов и член Сибирской областной думы. С мая 1920 г. дважды арестовывался, осужден и до декабря 1924 г. был в заключении. Вернувшись, продолжал в Минусинске селекционную деятельность, написал труды по сибирскому садоводству. В 1930 г. переехал в г. Сталинск (Новокузнецк), где руководил садово-парковым хозяйством. В феврале 1933 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности был вновь арестован и приговорен к трехлетней ссылке в Нарымский край. С 1935 г. – научный сотрудник Майкопского отделения ВИР. В 1938 г. переехал в ст. Белореченскую Краснодарского края. Умер в 1943 г. (Шекшеев А.П. Еще раз об И.П. Бедро – политическом деятеле, кооператоре и садовом // Сборник материалов Первых межрегиональных чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 6–7 окт. 2011 г. Абакан, 2012).

Быховский Наум Яковлевич (Нохим Шебшелович) – 1875 или 1876 года рождения, уроженец г. Смоленска, по другим данным, Черниговской губернии, из мещан, по национальности еврей. Окончил фельдшерскую школу. Начал журналистскую деятельность с публикации в 1889 г. в «Киевском слове», печатался во многих изданиях. В революционном движении с 1893 г. В 1894 г. в Санкт-Петербурге был арестован и по обвинению в принадлежности к группе народовольцев сослан в Сибирь. С 1901 г. – член ПСР. Скрывался от преследований царизма в эмиграции, семь раз подвергался аресту и трижды высылался на поселение в Иркутскую и Енисейскую губернии. Один из лидеров минусинских социалистов-революционеров. В 1917 г. – член редакции газеты «Дело народа», исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Главного земельного комитета и ЦК ПСР. Избирался в члены Всероссийского Демократического Совета и Учредительного собрания. В 1918–1919 гг. – в составе Сибирской областной думы, редактор ряда эсеровских газет и член Политцентра. С 1920 г. – профессор Иркутского университета, др. вузов, неоднократно арестовывался, отбывал заключение в политических изоляторах и высылался в Казань и Самарканд. В 1937 г. был в очередной раз арестован и сослан в Омскую область. Здесь вновь как участник антисоветской, террористической организации подвергся задержанию и в феврале 1938 г. был Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) – 1884 года рождения, уроженец Лифляндской губернии, из крестьян, по национальности латыш. С 1901 г. – член ЛСДРП, пропагандист и член Рижского комитета. Делегат V съезда РСДРП в Лондоне. В феврале 1908 г. арестован и приговорен к шести годам каторги. Отбывал ее в Рижском центре и в Вологодской тюрьме. В 1914 г. был сослан в с. Чадобец Пинчугской волости Енисейской губернии. Будучи больным костным туберкулезом, весной 1915 г. перенес операцию. Работал в красноярской типографии, арестовывался и

высылался в с. Ермаковское Минусинского уезда, а с лета 1916 г. – в Минусинск. С марта 1917 г. – руководитель местного комитета большевиков, затем редактор газеты «Товарищ» и председатель совета рабочих и солдатских депутатов. С ноября 1917 г. – на руководящей партийной и военной работе в Крыму. Делегат VIII съезда РКП(б). Один из организаторов массовых расстрелов белого офицерства. В 1921–1924 гг. – председатель ЦИК Крымской АССР. По обвинению в троцкизме в 1936–1937 гг. подвергся смертной казни (Беляевский С. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964; Борцы революции: Библиограф. указ. Красноярск, 1990; Гавен. Из кн. В. Баранченко. <http://www.gramotey.com/>).

Герасимов Фрол Анисимович – 1876 года рождения, уроженец Казанской губернии. С 1891 г. – рабочий, с 1903 г. – член РСДРП. В 1906 г. бежал от ареста в Си-

бирь, работал в железнодорожных мастерских г. Красноярска. В 1915 г. за большевистскую агитацию уволен и переехал в Минусинск. После октябрьских событий 1917 г. являлся активным членом Минусинского Совета, комиссаром Алтайской экономии. Погиб во время антибольшевистского переворота 1918 г. (Шекшеев А.П. Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 50-х гг.). Абакан, 1988).

Голубков Александр Павлович – 1880 года рождения, уроженец г. Москвы, из семьи бухгалтера. Окончил Московский университет (1903), по профессии врач. В революционном движении с 1900 г. С 1902 или 1903 г. – член большевистской фракции Московской организации РСДРП, работал среди студентов под кличкой «Андрей Рублев». В 1903–1904 гг. – в Смоленске, в центрально-техническом бюро партии. В декабре 1904 г. арестовывался, затем занимался революционной работой в Самаре, Орле и участвовал в Московском вооруженном восстании. Руководил изданием газеты «Вперед». В 1906 г. дважды арестовывался, выслан в Тверь. В феврале 1907 г. эмигрировал за границу. Вернувшись осенью 1907 г., работал в Петербурге секретарем ЦК партии. Участник Парижской конференции «большевистского центра». В июне 1909 г. в Санкт-Петербурге был арестован и в октябре 1910 г. Московской судебной палатой приговорен к ссылке. Отбывал её до 1917 г. в Минусинске. С возвращением в Москву работал во Всероссийском земском союзе, был членом Сокольнической управы и исполкома. С 1918 г. – член коллегии Наркомздрава, позднее руководил работой его издательства, являлся заместителем председателя ЦК Общества Красного Креста РСФСР. Оставил воспоминания о 1905 г. в Москве. Умер в 1945 г. (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1930; Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] / URL: [http:// bigmeden.ru](http://bigmeden.ru))

Добров Евгений Дмитриевич – 1888 года рождения, уроженец Тамбовской губернии, из семьи чиновника. Окончил гимназию. С 1905 г. – член ПСР, распростра-

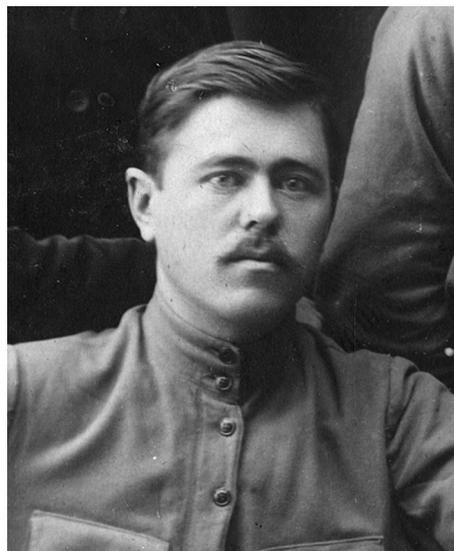
нял в Курской губернии нелегальную литературу, участвовал в вооруженном восстании. В 1907 г. дважды арестовывался, после третьего ареста приговорен Харьковской судебной палатой к восьми месяцам заключения в тюрьме и в 1908 г. выслан на четыре года в Туруханский край. В 1910 г. был вновь арестован и за принадлежность к ПСР приговорен к ссылке. Отбывал её в Рождественской волости Енисейской губернии, а в 1915–1917 гг. – в Минусинске. Работал в кооперативе. В 1917 г. от ПСР выдвигался кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания.

Доброва-Ядринцева (Злобина) Лидия Николаевна (1885–1942) – родилась в Санкт-Петербурге, в семье известного сибирского областника и писателя. Была слушательницей Высших женских курсов Герье. Член партии социалистов-революционеров. По обвинению в соучастии в покушении на убийство московского градоначальника генерал-майора А.А. Рейнбота арестовывалась, находилась в тюремном заключении, затем – в ссылке в г. Минусинске. Здесь являлась одним из лидеров местной группы ПСР. 1920-е гг. – этнограф, историк, сотрудничала в целом ряде газет и журналов, автор исследований о населении Сибири, туземцах сибирского Севера.

Иков Владимир Константинович – (1882–1956), уроженец г. Москвы, литератор, публиковался под псевдонимами – «Миров» и «Гродецкий». С 1901 или 1902 г. – участник революционного движения, социал-демократ (меньшевик), с 1903 г. – в составе группы Ю.О. Мартова «Единение», партийная кличка – «Вадим». Делегат IV, V съездов РСДРП. В 1917–1918 гг. – член «Комитета спасения Родины и революции». С 1918 г. – в системе кооперации. С 1924 по 1928 г. находился в ссылке на Урале и в г. Тула. Вернувшись по амнистии, работал помощником редактора отдела литературы, искусства и языкознания Большой Советской энциклопедии. В марте 1931 г. был одним из обвиняемых на процессе по делу контрреволюционной организации «Союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков). Осужден Верховным судом СССР на восемь лет тюремного заключе-

ния. В 1940-е гг. – библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. В 1951 г. вновь арестован. Автор книги «Николай Гаврилович Чернышевский» (М., 1928), мемуаров «Листопад», перевода пьесы Б. Шоу «Тележка с яблоками» и др. (Иков В.К. – Ф. 68 Центрального Московского архива – музея личных собраний [Электронный ресурс] / URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/gui_debook.html?...sid...; (Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931; Известия. 1931. 6 марта; Ширяева Н.В., Черновал Г.В. В.К. Иков и его мемуары // Отечественные архивы. 1993. № 5).

Лебедев Георгий Виссарионович – (1891–1953), уроженец с. Абаканского Минусинского уезда Енисейской губернии, из семьи служащего. Окончил двухклассное

училище. В 1906–1914 гг. служил в торговых предприятиях и домах Минусинского уезда. С 1915 г. – участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. В 1916 г. служил бухгалтером одной из минусинских торговых фирм, позднее – председатель Союза торговых служащих. С марта 1917 г. – член Минусинской организации РСДРП, председатель Союза увечных воинов, через год – член Минусинского совдепа и командующий его войсками. В июне того же года был арестован, в сентябре – эвакуирован из

Красноярской тюрьмы на Дальний Восток. Освобождённый в январе 1920 г., занимался политической работой в Красной армии, формированием партизанских отрядов, представлял советскую власть на переговорах с японцами. С февраля 1922 г. – один из партийных руководителей Приамурья. Затем во Владивостоке и Хабаровске руководил торгово-экономической и финансовой деятельностью советских органов. В марте 1930 г. был отозван в Москву, где служил на ответственных должностях в советской экономике, выполнял специальные задания ЦК ВКП(б). (Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Оп. 1. Д. 557).

Пфафродт Генрих Иванович (Генрих-Иоган) – 1889 или 1890 года рождения, уроженец г. Рига, из семьи рабочего, по национальности немец. Окончил городское и ремесленное училища, слесарь-токарь. В революционном движении с 1906 г., примыкал к РСДРП. В 1908–1913 гг. проживал в Дрездене и Берлине.

Возвращался в Россию и, например, в 1909 г. работал в Санкт-Петербурге на заводе «Ст. Леснер» и являлся подпольщиком под кличкой «Бруно». С началом Первой мировой войны был членом Петербургского комитета РСДРП, руководил стачками. Неоднократно арестовывался. В августе 1914 г. осужден Петербургской судебной палатой за принадлежность к РСДРП к

ссылке. Отбывал ее в Иркутской губернии. Бежал, проживал в различных городах Сибири. С отъездом из Минусинска – член ЦК Союза металлистов в Петрограде, с октября – член ВЦИК. В 1919 г. – комиссар дивизии и председатель ревтрибунала Южного фронта, начальник разведотдела штаба фронта. С 1921 г. – председатель комиссии по чистке Крымской парторганизации. В последующем – на хозяйственной работе. С 1931 г. пенсионер. Арестован в 1935 г. и расстрелян в 1937 г.

Тарелкин Павел Николаевич – 1878 года рождения, уроженец Костромской губернии. Окончил сельскохозяйственную школу, бухгалтер. С 1905 г. – член ПСР. За революционную деятельность трижды арестовывался. В 1909 г. сослан в с. Бушуй Енисейского уезда Енисейской губернии. Служил бухгалтером Красноярского военно-промышленного комитета, Абаканского железодельного завода. В 1917 г. и с середины 1918 г. – уездный комиссар и управляющий Минусинским уездом. С падением белой власти скрывался, работая бухгалтером в Мариинске. В сентябре 1920 г. был арестован, доставлен в Красноярск и в марте 1921 г. приговорен к заключению. В ноябре 1923 г. был по амнистии освобожден. Работал служащим в различных учреждениях Красноярска, официально порвал с ПСР. В феврале 1931 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации был арестован, а в марте – приговорён к трем годам заключения (Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006).

Тропин Николай Иванович – 1874 года рождения, уроженец приискового поселка Кизас Минусинского уезда Енисейской губернии. С 1917 г. – член ПСР. Позднее – заместитель председателя Минусинской городской думы, секретарь в местном краеведческом музее. В 1937 г. был расстрелян.

Статья поступила 01. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
2. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–

- 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
3. Голдин В.И. 1917 год в России: историографические тенденции последних лет и современность // 1917 год в российской и мировой истории: Материалы междунаро-д. науч. конф. (Красноярск, 14–15 нояб. 2007 г.). Красноярск, 2007.
 4. Голос народа. 1917.
 5. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987.
 6. Дементьев А.П. Правительственные комиссары и Комитеты общественной безопасности в Енисейской губернии в 1917 г.: к вопросу о взаимоотношениях // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краевед. чтения (5 дек. 2012 г.). Красноярск, 2012.
 7. Дробченко В.А. Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 – начала 1918 г. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 120-летию Томского государственного университета. Т. II. Томск, 1999.
 8. Ермолаева Л.Н. Алфавитный список (основной) политических ссыльных Минусинска и Минусинского уезда (1827–1917) // Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Ф. 1. Оп. 4. Д. 927.
 9. Знамя труда. 1917.
 10. Кордонская М. Сибирское крестьянство в дни Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1928. № 10.
 11. Красноярский рабочий. 1957.
 12. Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006.
 13. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6.
 14. Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.
 15. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 4.
 16. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 5.
 17. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 6.
 18. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 10.
 19. Наш голос. 1917.
 20. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан, 1963.
 21. Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки в 1917–1918 гг. // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. Кн. 36. М., 1927.
 22. Сагалаков Э.А. Социально-политические процессы в Минусинском уезде в феврале – октябре 1917 г. // Власть и общество: Межрегион. науч.-практ. конф. Окт. 2003 г. Абакан, 2003.
 23. Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. Абакан, 2010.
 24. Сазонов Е.А. Предпосылки формирования большевиками образа «врага народа» к октябрю 1917 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001.
 25. Свободная Сибирь. 1917.
 26. Свобода и труд. 1917.
 27. Соболев И.И. Гражданская война в Каратузе // Знамя труда. 1998.
 28. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991.
 29. Товарищ. 1917.
 30. Шиловский М.В. Почему Красноярск в 1917 году стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, тел. 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Shekshhev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization Society «memorial», 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Shetinkina 59–49, phone 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

К статье прилагаются:

1. Экспертное заключение.
2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате – не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail (вся информация предоставляется одним файлом).
3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.

II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC – документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата А4.

При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:

- 1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу – 2 см; слева и справа – 2 см; табуляция – 2 см; ориентация – книжная;
- 2) шрифт – Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – одинарный, перенос слов – автоматический;
- 3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman. Размер символов: обычный – 12 пт, крупный индекс – 7 пт, мелкий индекс – 5 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
- 4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Excel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
- 5) библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05 2008.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (15) 2015

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск М.Г. Конюшкина
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 29.05.15. Формат 60x90/8.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. 37,25 л.
Тираж 500 экз. Заказ . Поз. плана 2н.

ИД №06506 от 26.12.01
Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83